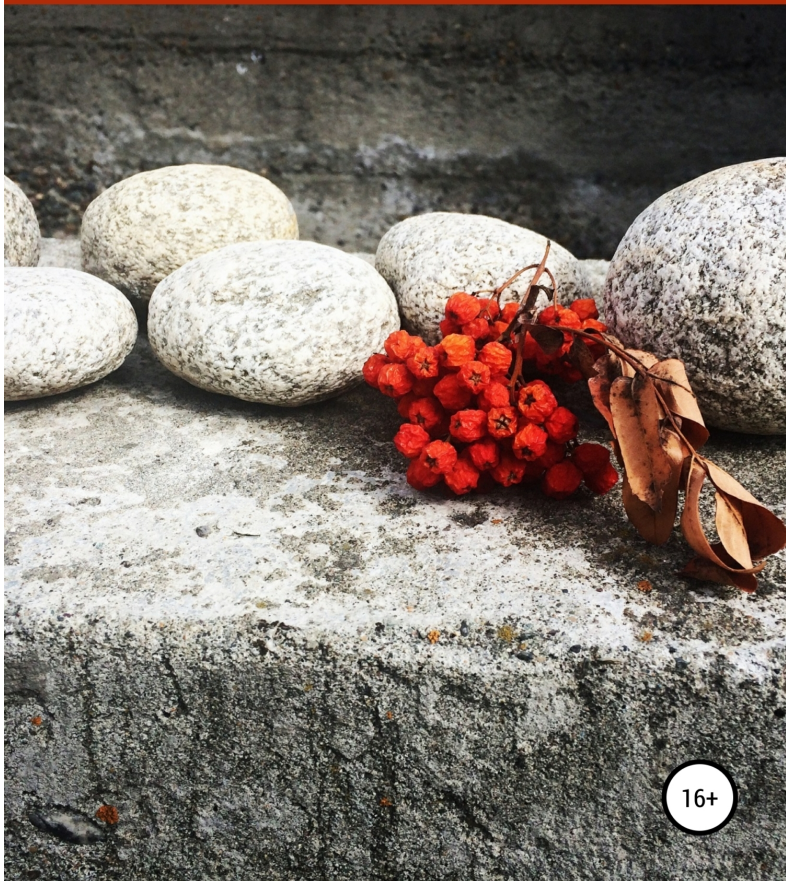

Наталья Гончарова

Видят ли березы сны

16+

Наталья Гончарова

Видят ли березы сны

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66963523

SelfPub; 2022

Аннотация

Традиционный любовный роман в современном его прочтении. В центре повествования герои, отвечающие на главный вопрос, который встает перед каждым человеком на пути его жизни: как выжить, но не потерять себя в этом постоянно меняющемся суровом и жестоком мире. На какие компромиссы, жертвы и поступки они готовы пойти ради любви, и что есть любовь истинная. Любовь, ревность, зависть и обман ждут главных героев на страницах романа, удастся ли им доплыть до берега «на утлой лодчонке любви» через шторм жизненных перипетий и трудностей. Самобытный и красочный язык, атмосфера старинной и провинциальной России, быт, нравы и дух прекрасной эпохи и великой культуры, осколки которой мы есть сейчас.

Наталья Гончарова

Видят ли березы сны

Посвящается моим родителям, которые всегда верили в меня и поддерживали... даже тогда когда не верил никто.

Уездный город Б, N-ской губернии. 1906 г.

Июнь, послеобеденный летний зной, солнце не греет, а печет так, будто только что вынутый из горнила, добела, раскаленный, медный шар, сухой колючий северный ветер, рой мошкеры, неразборчивый гул насекомых и пыль кругом – беспощадное сибирское лето. На улице никого, Анна любила бродить по окрестностям одна, предаваясь мыслям и мечтам. Она чувствовала себя пчелой, застрявшей в патоке, медленный и нерасторопный ритм жизни убаюкивал и притуплял все чувства. Да и какой прок пытаться выбраться, если как бы ты не старался и не перебирал лапками, подобно пчеле, неизменно будешь погружаться все глубже и глубже. Неторопливая, монотонная скучная и скудная на события, провинциальная жизнь парализует не только тело, но и душу.

Устав шагать по пыльной дороге и вконец разморенная от

жары и ветра, Анна повернула домой. Отец уже вернулся из школы, его крапчатая лошадка, привязанная подле забора, неторопливо переминалась с ноги на ногу, лениво пережевывая сено. Куда ни посмотри – всюду провинциально-ностальгическая атмосфера, и меланхоличная лошадь, и вылинявший на солнце, бледный скудный сибирский луг, и полчища всякого рода мошкеры, и их маленькая, словно пряничный домик избушка с нелепыми яркими ставнями, и флюгером в виде петушка на крыше, чей задорный клюв и грустный хвост с тихим скрипом поворачивались то влево, то вправо – все это навевало ту самую русскую тоску.

Во дворе сидел большой косматый серо-коричневый пес, будто тоже вылинявший на солнце, увидев хозяйку, он, было, громко гавкнул, когда та ласково потрепала его за ухом, но тотчас умолк, то ли испугавшись, что нарушил сонную тишину, то ли и его разморила июньская жара, Анна ушла, а он так и остался сидеть подле крыльца. Россия страна разноцветных ставней, плакучих берез и грустных собак.

За столом сидел отец и неторопливо, растягивая удовольствие, пил чай. Он то дул на него, то пригублял из блюда, то сокрушался, как горячо, то вновь с шумом втягивал в себя – то была целая церемония. Ее батюшка, так любил чай, что мог за вечер выпить целый самовар, и даже если к утру его ноги отекали и были похожи на два сдобных расстегая, никакие наказания, не могли его отучить от этой исконно русской

привычки – жевать пряники да пить чай из блюдца. Увидев ее, он так обрадовался, что не смог скрыть возглас счастья, ему уже порядком наскучило сидеть в тишине. Супруга не любила разговоры без дела, ведь каждое слово по ее разумению должно было быть сказано за чем-то и для чего-то. Вдобавок, она по делу и без дела бранила его за каждое лишнее слово, отчего он ждал Анну почти с отчаянием, так как она оставалась его последним и единственным верным и терпеливым собеседником. Как только она зашла, он с энтузиазмом пьяницы после долго воздержания, наконец попавшего в кабак, взახлеб принимался говорить.

Он говорил и говорил, начав с рассказа о волнениях в Москве, о переселении крестьян в губернии, затем перешел на черносотенцев, большевиков, левых и наконец, закончил эсерами. Все это он говорил тихо и монотонно, как человек всю жизнь, привыкший учить детей, история для которых была не более чем череда скучных дат и ничего не значащих имен, совсем не ожидая увидеть интерес в ответ. Вот и сейчас Анна слушала отца вполуха, мысли ее витали далеко, она думала, уж не показалось ли ей, что старший сын священника Еремина смотрел на нее вчера с интересом, когда они с матушкой возвращались из мясной лавки. А в это же время, до нее доносились лишь обрывки фраз отца: «сохранить... во имя царя... русский дух...». Она посмотрела на него, на его бородку клинышком, на добрые сухие, глубоко посаженные, будто выцветшие на солнце голубые глаза, на

его тонкие кисти руки, свидетельствующие о том, что его предки разночинцы были так далеки от физического труда, а в руке держали лишь перо и писчую бумагу, и на свою мать, Александру Никифоровну, в девичестве Круглову, которая монотонно месила тесто своими большими крестьянскими руками. Она видела лишь ее прямую спину, широкую, с чуть квадратными плечами, будто вылепленными для того, чтобы удобнее было носить на них коромысло. Она была сильна и надежна как сама земля, и как сама земля молчалива, сурова и скупа на ласку. Хотя, все в этой жизни создано для равновесия, так что если бы не мать, отец уже давно пошел бы по миру, а с голоду съел бы в доме все просвиры. В общем божественное ли проведение, злой ли рок, но на счастье отца, или на его беду он женился на этой сильной и приземленной женщине, ставшей ему больше матерью, чем женой, опорой взвалившей на себя бытовые тяготы и не давший ему ходить по улицам грязным, босым и голодным.

К слову сказать, когда-то давно Тимофей Павлович Лемешев сделал иной выбор и женился на юной красавице, жившей по соседству, в которую был влюблен с ранних лет и со всей юношеской пылкостью. Но брак был недолог, невеста оказалось безумна, и через несколько месяцев после свадьбы помещена в бедлам, где и умерла в том же году.

Помыкавшись с лихвой, без угла и копейки, к выбору второй невесты Тимофей Павлович подошел обстоятельно, и, отведав, однажды наваристых щей, да с ватрушками, в семье

Кругловых, в скоростях женился на их дочери Александре. Семья хотя и была из вольноотпущенных крестьян, но благодаря прижимистости и бережливости, а точнее скупости и жадности, скопила небольшое состояние. Так, руководствуясь на этот раз в большей степени, здравым смыслом, нежели чувствами, Тимофей Павлович женился на Александре Никифоровне. Вместе они покинули северную столицу, отчий дом, своих родных и друзей и отправились в далекий сибирский уездный городок, где Лемешеву предложили место учителя в школе, а главное жалованье и кров.

– Анна, ты меня не слушаешь, – совсем не злясь на нее, пожурил отец. – Но я знаю чем привлечь твое внимание, – заметил он, лукаво улыбаясь, – сегодня видел купчиху Лаптеву, ах, время над дней не властно, – мечтательно сказал отец, но спохватившись, замолчал, и испугавшись, искоса посмотрел на жену, затем прокашлялся и продолжил: – Так вот, ее дочери устраивают завтра пикник, и она, дай Бог ей здоровья, святой человек, была так любезна, что пригласила тебя к ним присоединиться. Она так добра и великодушна, хотя мы, конечно же, являемся уважаемой семьей, и я учил ее двух дочек, и ты Анна, – он ласково посмотрел на дочь, – всегда была образцом добродетели и послушания. – Мать Анны что-то буркнула, а потом закашлялась, чтобы скрыть свой смех.

Воистину, отцовская любовь слепа, а материнская видит

насквозь, – подумала Анна, но вслух лишь сказала: – Папенька, вы меня право слово перехвалите, но я очень этому рада! – Она и правда была рада, такая возможность вырваться в другой мир из серых будней, прикоснуться к другой жизни, жизни о которой всегда мечтал, выпадает не часто. Столько раз она прогуливалась мимо этого великолепного особняка и столько раз в мечтах представляла себя в нем барыней. Дом был, сказать по чести, и впрямь великолепен, говорили даже, что чертежи усадьбы, делал французский архитектор. Так что для такого провинциального городка дом купца и купчихи Лаптевых выглядел невероятно помпезно и роскошно.

Весь вечер Анна находилась в приподнятом расположении духа, и когда никто ее не видел, начинала кружиться по дому, предвкушая завтрашний день, визит к Лаптевым и пикник в парке, буйное воображение рисовало прекрасные картины и сказочные сюжеты. Что ж, не пристало в таком дом идти в будничном, к такому событию надобно подготовиться обстоятельно. Она решила накрутить свои волосы на папильотки. В старых модных журналах, а также в мечтах Анны, настоящие красавицы непременно спали на папильотках, а настоящими модницами были только те, чьи лица обрамляли кокетливые колечки волос, выбивающиеся из под огромной шляпы. В тот сезон шляпы были действительно на пике моды, столичные барышни, если верить журналам,

украшали их всевозможными цветами, лентами, перьями, а размер, размер их потрясал, некоторые экземпляры были величиной с саму корзину для пикника.

Промаявшись не меньше часа, накручивая волосы на папильотки, пыхтя и обливаясь потом в этот жаркий летний вечер, Анна уговаривала себя, что красота требует жертв, и что завтра, уж завтра то она наверняка будет красавицей, ну или, по крайней мер, прелестной. Она знала, что период «гадкого утенка» для нее не только не закончился в положенные шестнадцать, но и затянулся до двадцати четырех и к величайшему горю даже не собирался заканчиваться. Все девушки ее возраста, расцветали как майские розы, свежесть и нежность, присущая молодости, сочетались с налившимися женственными формами, округлыми плечами, и покатыми бедрами. Тогда как Анна оставалась худым подростком, с непропорционально длинными руками, выпирающими сквозь ткань блузы ключицами и такими острыми локтями, что на них можно было вешать бублики как на крючок. А лицо, ну что это за лицо, все по отдельности выглядело вроде бы не так уж и плохо: огромные карие глаза, чуть крупноватый нос, густые темные брови и крупный алый рот, но если все это соединить вместе, право какой несуразный и нелепый человек получается, – с горечью и досадой думала Анна. Но этим вечером она твердо решила, во что бы то ни стала, завтра проснуться красавицей.

Но чуда не произошло, фея не принесла бальное платье, тыква не стала каретой, мыши остались мышами и по-прежнему копошились за комодом, живя своей мышшиной жизнью, а башмачки, имели все тот же грустный и поношенный вид. В довершении всего, она ужасно не выпалась, оказалось, на папильотках было крайне неудобно спать. Всю ночь ее преследовало ощущение, будто на голову она накрутила не папильотки, а деревянные коклюшки для плетения кружева, они врезались в нежную кожу головы, ушей и даже шеи. Не раз, не два, и не три она хотела сорвать все это сооружение с головы и бросить попытки стать красивой, мол, будь, что будет, но каждый раз Анна останавливала себя, шепча в ночи, что поутру, ей за мучения воздастся. Идея, посеянная в детский разум, что за мучения непременно воздается сполна, греет и вселяет надежду даже в самые отчаявшиеся души. Каково же было ее удивления, когда в отражении, вместо ожидаемых кокетливых завитков, на нее смотрело не выпавшее опухшее лицо, с головой похожей на нестриженого барашка. Но внутренний голос вновь подбодрил: рано отчаиваться! И превращение бедной служанки в принцессу продолжились. В тот год в моду вошли чайные платья со свободным силуэтом, что позволяла ослабить корсет, Анна же с упорством мула, застрявшего с плугом в грязи, еще сильнее зашнуровала его, отчаянно пытаясь добиться столь вожделенных форм, так будоражащих воображение сильного пола. Под корсет была одета коротенькая тонкая сорочка, и только

потом, белая кружевная блуза с высоким воротником, образ завершала длинная юбка в пол из шерстяной, теплой не по погоде ткани. Но выбора не было, что поделать, это была ее выходная и самая нарядная юбка.

Да, это было платье не от прославленного столичного кутюрье, однако даже этот наряд обошелся ее бедному учителю отцу в целых десять царских рублей, при зарплате всего в восемьдесят.

– Ах, сколько можно было купить свинины на эти деньги, – сокрушалась рачительная матушка.

Оглядев себя в зеркало, Анна упала духом, вместо ожидаемой красавицы, с пленительным силуэтом, к чьему образу должны были быть прикованы все мужские взоры, перед зеркалом стоял какой-то несъедобный гриб, на длинной и тонкой ножке. Огромная непропорциональная шляпа скрывала благородный овал лица, а туго затянутый корсет, не только не сформировал округлых форм, но приплюснул и отутюжил даже те, что были. И этот немодный крестьянский румянец, будто сама природа натерла щеки клубникой, тогда как в моде была аристократическая бледность.

Горько было признавать, но до приложенных усилий выглядела Анна гораздо лучше. В своей простенькой летней соломенной шляпке и неброском хлопковом платье, со свободно ниспадающими волосами, собранными лишь шелковой лентой, она была чудо как хороша. Ах, если бы результат в жизни всегда зависел от желания, силы и количества

прилагаемых усилий.

Но менять что-то было уже поздно, часы пробили полдень, и время оставалось лишь на дорогу.

В гостиной ее ждали две пары любящих глаз, отец уверял, что красивее нет никого на белом свете, а мать, прижав руки к груди, восхищенно охала, то поправляя ленты на шляпке, то руками разглаживая подол юбки. В общем, вела себя так, как всякая другая мать, увидев свое нарядно одетое чадо. Несмотря на восторг в родительских глазах, внутренний голос шепнул ей простую народную мудрость: «хороша дочка Аннушка, хвалит мать да бабушка». Но восхищение родителей, будто окрылило ее, вселяя уверенность, и, махнув рукой, словно отгоняя дурные мысли, как назойливых мух, Анна отправилась в дом Лаптевых.

В тот день Николай проснулся от такой жуткой головной боли, что с трудом разлепил глаза. После вчерашней попойки голову будто набили сеном, сквозь шум в ушах, даже мысли то разобрать было невозможно, не то, что услышать другого. Он с трудом понимал кто он, где он и что здесь делает. Когда он отправился в уездный город Б., со своим университетским другом Анатодем Цебриковым, то был уверен, что сполна погрузится в прелести провинциальной жизни далекого сибирского купеческого городка, а именно: будет отменно кушать, разумеется, исключительно здоровую пищу, будет гулять, непременно по часу в день и не менее десяти

километров, делать гимнастику и наконец, допишет свою повесть. Но, что-то пошло не так. В городе они были уже вторую неделю, но он не написал ни строчки. Про пешие прогулки и здоровую еду и вовсе пришлось забыть, вчера он семь часов недвижимо просидел на стуле за игрой в карты, а после водки и кислой капусты в животе шли ожесточенные бои.

Все вечера и ночи напролет они проводили в Егорьевских номерах, самой дорогой и разгульной гостинице города. Он вспомнил, как вчера до утра играли в карты, много пили, иии..., в ушах всплыл отчаянный и надрывный шум оркестра, крики и смех, и то, как поутру еле стоявший на ногах и проигравший целое состояние, купец Афанасьев, отобрав телегу у извозчика, на спор гонял гусей, стараясь передавить как можно больше. Но пьян был без меры, так что разбил лишь бричку, а гуси остались целы.

От всех этих воспоминаний Николаю стало тошно и, уткнувшись лицом в матрас, накрыв голову подушкой, он застонал. Ему нестерпимо захотелось домой. И властная маменька с назиданиями и нравоучениями, уже не так страшила его. А может это пошло бы ему даже на пользу.

Размышления нарушил стук в дверь. Не дожидаясь ответа, в комнату ввалился Анатолий. Он был свеж и чист, и выглядел так, будто вовсе и не пил всю ночь напролет. Воистину, бесценный дар, – с завистью глядя на цветущий вид друга, подумал Николай.

– Оооо, мой друг, вид у тебя неважный, – окинув взгля-

дом Николая, весело заключил тот. – И дух тяжелый, – произнес Анатолий, поморщившись, и кинулся открывать окна настежь.

За окном пели птицы, но для Николая, звук был, что звук ржавой не наточенной пилы на заброшенной лесопилке.

– Ты разве забыл, сегодня у нас пикник с дамами-с, престельные сестры Лаптевы, уже ждут нас!

Николай, с ужасом посмотрел на Анатолия, на его восторженное лицо и глаза полные энтузиазма и простонал: – О, неет! Иди один! Я как видишь, не в состоянии и с кровати то подняться. И Лаптевы, верно говорящая фамилия. Боюсь, я не возлагаю на встречу больших надежд, хотя точнее сказать БОльших, чем возлагаешь их ты.

– Ты, друг мой, просто не в духе, оттого что не умеешь пить по-сибирски. Но еще недельку, и научишься. В этом деле, знаешь ли, нужен навык. Так, что пойдем, пойдем, собирайся. Если б я мог пойти один, но сестер то две, так что мне нужен компаньон. Не могу же я один заявиться. Собирайся. Через полчаса я тебя жду, – безапелляционно заявил Анатолий и вышел.

Николай вопреки желанию начал приводить себя в порядок и одеваться, но находился в крайне дурном расположении духа, что сказать по чести, не редко случалось с ним.

Дорога от дома Лемешевых до особняка Лаптевых занимала пешком около получаса и прорезала город как нож мно-

гослольный пирог. Сначала шли деревянные избы с резными наличниками, и ватагой босых и чумазных детишек, гоняющих гогочущих гусей. Затем покосившиеся деревянные бараки рабочих с окнами, похожими на черные беззубые рты, и колеи разбитых дорог, по которым человек то с трудом мог пройти, что уж говорить о застревающей после каждого дождя телеге.

Дальше шла, провинция каменная: двухэтажные дома из красного кирпича, украшенные художественной кладкой, как в столице.

В центре города, в двух шагах от бедности и грязи, друг против друга стояли пассаж купца Филиппова и пассаж купца Фетисова. Два здания, словно два петуха с ярмарки, нахохлились и распушили свои разноцветные хвосты, сияющие на солнце всеми цветами радуги, в немом поединке. Два великолепных образчика архитектуры не случайно расположились друг против друга, о соперничестве Филиппова и Фетисова судачил весь город, и ведомые старым, как мир инстинктом, инстинктом борьбы за первенство, явили на свет двух эклектичных гигантов, не вязавшихся с убогой атмосферой царившей вокруг. Тут и купола на православный манер, увенчанные остроконечными шпилями, и пилястры в два этажа и колонны оплетенные листьями буйно растущего аканта. Фронтоны главных входов были украшены экзотическими пальмовыми листьями, ковры лепных цветов, декоративные кронштейны и замысловатые карнизы в стиле модерн

яростно вытесняли друг друга. Казалось, архитекторы страдали скорее избытком идей, нежели их недостатком. И хотя оба здания должны были стать олицетворением власти, богатства и мужской силы, была во всей архитектуре какая-то девичья женственность, собственно как и во всей России.

Путь был недолог, но под полуденным зноем, в шляпе, туго зашнурованном корсете и шерстяной юбке, Анна чувствовала, как начала таять, словно сливочное масло на блинах. Нижняя рубашка промокла насквозь, пот стекал по ключицам вдоль спины, влажные капли, будто роса выступили над губой и на лбу. И без того румяные щеки стали красными как августовский переспелый томат, шляпка сдвинулась налево, а ее полы грустно свисали над ухом, летний зонтик больше мешал нежели защищал от солнца, ноги под теплой юбкой зудели без меры. И к тому времени как Анна дошла до особняка Лаптевых, от приподнятого настроения ни осталось и следа.

Постучав в деревянную дверь, Анна приготовилась ждать долго, однако старый дворецкий был на удивление расторопен. Анна иронично заметила, что между ней в съехавшей на бок шляпе и дворецким с криво одетым париком есть немалое сходство. Он проводил ее в гостиную и попросил подождать. С заднего двора доносился женский смех и приглушенные мужские голоса. Присев на краешек стула обитого синим шелком с рисунком из экзотических желтых птиц и

розовых фуксий, Анна наслаждалась прохладой и богатым интерьером. Как не похожа была эта гостиная, на простое убранство ее дома. Тут и мягкий персидский ковер вместо самотканых дорожек, картины и рисунки с изображением хозяйки дома и других членов семьи, развешены по стенам тогда как в ее доме были лишь скромные иконки в уголках. Тут и мягкий диван с тем же рисунком что и стулья, и горчично-желтое кресло с кистями, и кукольный столик с фарфоровыми миниатюрами. Этот мир был так не похож на ее собственный, и был так пугающе красив, что первым малодушным порывом было сорваться и сбежать пока еще не поздно. Конечно, это был не первый господский дом, который посетила Анна, но такой роскоши она не видела никогда.

Вдруг голоса стали приближаться, и пестрая шумная компания вбежала в гостиную с заднего двора. Отступать было поздно, оставалось лишь принять удар. Это были двое молодых людей и две юные прелестницы. Один из них, голубоглазый блондин, в коричневом цилиндре, хорошо скроенных полосатых брюках, приталенном бежевом сюртуке и рубашке, сшитым пластроном, был высок и хорош собой. Его ловко подкрученные усы и пышный галстук, скрепленный, хотя и вышедшей из моды, жемчужиной булавкой, делали его настоящим щеголем, пусть и провинциальным.

Второй же напротив, был, хотя и одет слегка небрежно, но вместо вычурного галстука ворот накрахмаленной рубашки

скрепляла простая лента с маленьким плоским бантом, брюки были однотонными, а сюртук темно-синим. Образ был сдержан, но вместе с тем элегантен. Он не носил ни щегольских усов, ни модной бородки, лицо его было гладко выбрито, темно-каштановые волосы, напротив, чуть длиннее, чем того позволяла мода. Тонкие черты лица, чуть квадратная челюсть, мужественная чувственно-изогнутая линия рта, глубоко посаженные глаза под прямыми густыми бровями и хищный ястребиный нос, делали его лицо красивым, но высокомерным. А с каким пренебрежением он смотрел на всех и вся.

Что касается дочерей купчихи Лаптевой, то они были чудом как хороши, в своих легких чайных платьях, в шляпках похожих на воздушный зефир, с лентами и цветами они были словно райские птицы. Тогда как Анна, в своем невзрачном платье, больше походила на воробья, минуту назад испугавшегося на дороге в песке.

Вся компания, только что щебетавшая в саду, увидев Анну, сидевшую на краешке стула, сразу замолчала и устремила на нее вопросительные взоры. Мысленно съежившись, и чувствуя, как от смущения кровь предательски заливает лицо, она встала, и уже хотела было представиться, как в комнату вплыла сама Надежда Григорьевна Лаптева, правда не одна, а со своей старой матушкой. Они были похожи как две капли воды, словно матрешки, отличающиеся друг от друга лишь размером. Но если купчиха была еще полна жизнен-

ных соков, то матушка была ее лишенной жизни копией.

Купчиха Лаптева была одна из богатейших женщин своего города, и хотя состояние сколотил ее ныне покойный муж, после его смерти, вопреки ожиданиям многих, она не только не пустила по ветру наследство, но и умудрилась его приумножить. В общем, женщиной она была хваткой, жесткой, хитрой и смекалистой, но грубоватой и малообразованной, так как сам характер ее бизнеса – торговля спиртным, высокие материи, увы, не подразумевал.

– Ах, Анна, почему же мне не доложили! Долго ли ты тут ждешь!? – драматично воскликнула купчиха, и, подойдя к ней, театрально взяла за руку, потом тут же выпустила и закричала: – Никифор! – и снова поменяв ход мысли, обратилась к веселой компании, – дети мои, познакомьтесь, это дочка моего дражайшего друга, Анна. А это мои дочери Анастасия, Мари, друг нашей семьи Анатолий Цебриков, – она с нежностью и почти материнской любовью посмотрела на блондина, – и его, стало быть, друг, а наш гость Николай Иевлев, – взгляд же устремленный на заносчивого брюнета, выражал гораздо меньшую симпатию, если не сказать обратное. Потом всплеснув руками снова воскликнула: – Никифор, ну где же чай! Ах, да Бог с ним с чаем! – И снова обратилась к компании: – Я пригласила Аннушку, составить вам компанию, помните ли вы ее батюшку, он был прекрасным учителем французского моим дочерям, и мы безмерно ему благодарны, – затем вновь, обращаясь, толи к Анне, толи в матуш-

ке, толи и вовсе к молодым людям: – французский Анастасии и Марии превосходен, даже сам француз бы не отличил! Ах, да и возьмите Матушку, Мама?! – повернувшись на сто восемьдесят градусов, чуть наклонившись к уху старушки, прокричала: – Мама-а-а-а, вы меня слышите?! Прогуляйтесь с молодыми! – Старушка же сделала вид, что ничего не видит и не слышит, тогда как цепкий колючий взгляд говорил обратное.

Через минуту, купчиха уже давала указания принести корзину для пикника, а потом и вовсе исчезла так же внезапно, как и появилась. От всей этой оперетты Анна почувствовала легкое головокружение. Впрочем, дочери и матушка купчихи воспринимали это светопреставление с видом равнодушным, привычным и даже скучающим.

Одна из дочерей графини, по-видимому, старшая, подошла к Анне и заключив ее ладонь в свои, крайне любезно, но с чувством превосходства заверила ее: – Мы так рады вас видеть, ваш батюшка был моим самым любимым учителем, был всегда неизменно терпелив ко всем нашим с Мари шалостям. За это мы ему крайней благодарны. Не так ли Мари? – спросила Анастасия. Сестра как по команде охотно кивнула. Сразу стало понятно кто главный в этом дуэте, а кто играет вторую скрипку. – Анатолий и его университетский друг Николай, уже завтра возвращаются к себе в Петербург, как это нехорошо с их стороны навесить нас всего лишь за день до отъезда, просидев всю неделю до этого, в усадьбе словно от-

шельники, – укоризненно покачала головой Анастасия, лукаво глядя на смутившегося Анатоля. Прекрасная кокетка была раскована и уверена в себе, взирая на всех словно с пьедестала, ловко жонглируя словами и людьми. Черты ее лица были, бесспорно, приятны, а в купе с уверенностью в себе делали Анастасию почти красавицей. Она знала свою сильную сторону и без зазрения совести эксплуатировала ее. Младшая же, по-видимому, находилась в тени старшей, но была также хороша собой и в не меньшей степени высокомерна. В общем две девушке были типичными представительницами провинциальной знати, были невероятно важными и заносчивыми, но все эти качества были актуальны лишь до той поры, пока указанные выше героини находились в рамках обитания своего ареала, как только провинциалки выезжали в большие города они сразу чувствовали, как ситуация менялась с противоположной точностью. Оттого видимо и не любили путешествовать.

Никифор принес долгожданную корзину для пикника, и с легкой руки Анастасии, тяжелый груз с фруктами, пирожными и лимонадом был передан Анне, словно вьючной лошади, которую затем сюда и взяли, чтобы облегчить путешествие господам. В общем, разношерстная процессия из двух кавалеров, двух дам, Анны с поклажей и глухой старушки, которую, к слову сказать, оказалось, зовут, Домна Федоровна, двинулась в путь.

С грузом в руках, в своем невзрачном платье строгой учи-

тельницы, Анна чувствовала себя скорее компаньонкой старой купчихи, нежели ровней этой прекрасной в своей молодости и беззаботности компании, таких благополучных, красивых и не отягощенных проблемами, людей.

– Картофельные примочки очень помогли мне прошлой осенью, бывает так разболеются суставы, что и ходить не могу, – жаловалась купчиха-мать. Это была сухонькая старушка, с безжизненным бледным, словно полотно лицом, испещренным мелкими глубокими морщинами, ее когда-то голубые глаза выцвели и провалились, казалось жизнь уже покинула ее, по ошибке забыв забрать брэнное и уже отслужившее свое тело. Белый кружевной чепец, одетый под низ капора, делали ее по-младенчески невинной, что странно контрастировало с капризным, сердитым и вечно недовольным старческим лицом. И горе тому, кого этот невинный чепец ввел в заблуждение.

– Я сказала Прасковье, чтобы не готовила мне больше суп из крапивы, меня от него лихотит, продолжила старушка, – кашу надобно подавать каждое утро, это благотворно для пищеварения...

Анна с Домной Федоровной чуть отстали от главной процессии, шаг старушки был мелким и частым, словно походка фарфоровой куколки. Тяжело молодой и полной сил девушки было приноровиться к такому шагу. А с тяжелой корзиной плестись в хвосте было просто невыносимо, пожалуй, если бы она пробежала версту с мешком картошки на плече

и то устала бы меньше.

До этой минуты Николай, казалось, не проявлял интереса ни к Анне, ни к пожилой купчихе, однако через минуту немного замедлив шаг, поравнялся с ними и одним ловким движением руки, перехватил корзину.

– Позвольте я, – сказал он. Анна подняла глаза, несмотря на надменность и высокомерие, взгляд его по обыкновению колючих карих глаз был теплым и выражал сочувствие. Анна была утомлена и унижена, так что с радостью и без тени гордости приняла помощь, то была соломинка для утопающего. Сердце девушки переполнилось благодарностью и трепетом. Как порой мало надо униженным и обделенным, чтобы в их сердце разгорелся огонь чувств.

– Домна Федоровна, а вы не пробовали к больному месту прикладывать лопух, моя маменька практикует это ежедневно, весь летний сезон, эффект я вам доложу, восхитительный, – обратился он участливо к старушке. Анна вопросительно взглянула на него, не веря своим ушам. Он лукаво улыбнулся и подмигнул ей, беря выжившую из ума старушку под руку, так что Анна, наконец, была свободна и смогла насладиться прогулкой, ну или хотя бы не мучиться.

– Уж не прикладывали ли вы лопух сами? Такая осведомленность о методах врачевания, говорит за то, что предмет вопроса, вы знаете не понаслышке, не так ли? – осмелев, спросила Анна.

Николай, едва не споткнулся, не ожидая, услышать такую

колкость и так скоро, тихонько засмеявшись, он пристальнее стал разглядывать Анну. А кроткая малышка, оказалось совсем не кроткой. А он то, побежал ее спасать. Пожалуй, она сможет спасти не только себя саму, но и десяток других в придачу. Может, стоило бы ей вручить корзину и вредную старушеницу обратно.

– Разве что к сердцу, мне наверняка это понадобится после общения со столь прелестной дамой, – парировал он. Комплимент был дерзок и откровенен. Румянец на ее щеках не заставил себя ждать, словно восход солнца озаряет сначала горизонт, а потом и всю природу, он вначале окрасил в пурпурный цвет нежную шейку, а затем словно гранатовый сок разлился на щеках. Пожалуй, сейчас, она стала даже премиленькой, хотя еще минуту назад такое при всем желании о ней сказать было невозможно.

А в это время Анастасия, обнаружила пропажу. По ее разумению, мужчины были не более чем спутники звезды с ее именем, и по не писаным законам природы, должны были кружиться вокруг ее светила день и ночь, не зная сна и усталости. Желая вернуть потерянный космический объект на орбиту своего внимания, она решила использовать старый как мир прием, а именно: разжечь в нем ревность. С огромным интересом Анастасия начала слушать Анатоля, то заливаясь нежным смехом, то откидывая назад свою прелестную голову, увенчанную восхитительными льняными волосами, лов-

ко демонстрируя изгиб тонкой шеи, то мило хмурила бровки, словом, в ход пошел весь женский арсенал. Ведь ничто не распаляет мужчину больше чем жажда соперничества, даже если объект вожделения до того не представлял для него никакого интереса. Сей прием сработал с ней, с женщиной, значит должен сработать и с мужчиной.

Анатоль после всего этого представления, уже изрядно влюбленно поглупев, смотрел на нее преданно и почти пособачьи. Но купидон, как водится, был слеп и глух к желаниям несчастных, и оттого бросал стрелы, как попало и куда ему вздумается. Поняв, что ни одна из ее женских уловок, не увенчалась успехом, окончательно потеряв над собой обладание, не скрывая чувств, начала бросать яростные взгляды то в сторону Николая, то в сторону Анны. Еще несколько минут назад она списала со счетов эту бедную овечку, и вот уже красавец Николай, ведет за руку ее несносную бабушку и несет корзинку этой невзрачной девицы. Большого оскорбления и не придумаешь.

– Так значит вы друг Анатоля... – толи спросила, толи проконстатировала Анна.

– Да, мы знаем друг друга с университетских лет, он предложил погостить у него в имении, а меня не пришлось долго уговаривать. В Петербурге, где мой дом, летом, не лучше чем зимой в Сибири, промозгло, сырость, слякоть, дожди. А тут благодать, просто рай, хоть и с мошкаррой. Тем более, я пишу повесть, очерки провинциальной жизни, а тут и мате-

риал и вдохновение. Как сказал один великий писатель «роман готов, осталось лишь его написать».

– Так Вы писатель? – восхищенно воскликнула Анна.

– Не то чтобы писатель, скорее графоман. Пишу по большей части для себя и в стол. Редкий опус доходит до читателя, – иронично заметил Николай.

– Вы так строги к себе?

– Не думаю, что слишком строг, скорее стараюсь не терять здравомыслие.

– Всегда хотела знать, каково это иметь дар плести кружево слов, предложения в мысли, мысли в идеи, и вот уже целый мир тобою создан.

– Скажу я вам, это похоже на катание с горки, сначала ты тащишь санки на самую вершину, а потом уже несешься с горы, не разбирая дороги и не управляя процессом. Так и писательство, сначала ты пишешь роман, а потом роман пишет себя сам, а ты просто водишь пером по бумаге. В общем, результат непредсказуем, и оттого интересен. Ты и сам не знаешь, какие мысли живут в потаенных уголках твоего сознания, пока не начинаешь писать, превращая эфир мысли в материю. Поверьте мне, наш разум таит в себе столько секретов, о коих мы и не догадывались. Но материал собран, хотя и не написан, стало быть, пора и честь знать. Уже завтра я возвращаюсь в именье, заботы, маменька, – с тяжестью в голосе сказал Николай, – потом улыбнулся, и продолжил: – да, да, а как вы думали, откуда я знаю и про лопух, и про жа-

бий глаз от мигрени, не говоря о настойке мухомора – ценнейшее зелье я вам скажу.

– Ваша матушка больна? – с тревогой и сочувствием спросила Анна.

– О нет, нет, что вы, нисколько. Здоровее чем мы с вами, и не мудрено, с таким то лечением, – совершенно серьезно заявил Николай. – Человек редкого здоровья смог бы выжить после такого.

Анна, закусила губу, чтобы не рассмеяться.

Он хотел было спросить, чем она займется, когда лето закончится, но вспомнив, что она дочь бедного учителя, и пробежавшись быстрым взглядом по ее скромному платью, вышедшей из моды шляпки и изрядно поношенным туфлям, ответ был очевиден. По всей видимости, ее ждет судьба бабюшки, или участь, тут уж как посмотреть. Порой выбор в жизни так невелик, что не многим лучше отсутствия выбора.

– Уверен вы прекрасный учитель и наставник, – сказал Николай и чертыхнулся про себя, испытав чувство стыда за столь нелепый комплимент. Едва ли это был тот комплимент, о котором мечтает молодая девушка.

– Почему вы так считаете? – лукаво улыбнулась Анна, нисколько не обидевшись на его бестактность.

– Вы умеете не только говорить, но и внимательно слушать, а это знаете ли ценнейший дар.

Анна удивленно вскинула брови, затем посмотрев вниз под ноги, заговорила: – А вот в этом, боюсь, вы не правы,

во мне так мало смирения и еще меньше терпения. Едва ли я гожусь для этой профессии. Но даже если на то нет моей воли, так было и так будет, разве есть выбор у горихвостки, пойманной в силки?

Анна подняла голову и в его глазах она прочла понимание и какую-то потаенную грусть, удивительное чувство сопричастности, созвучие с чужой жизнью.

Но в ту же минуту, Анастасия окликнула Николая, тем самым нарушив столь интимное прикосновение душ. Словно сбросил оцепенение, он ускорил шаг, оставив Анну и старушку в растерянности, и присоединился к компании. Уж не привиделось ли ей все это, уж не полуденная ли жара сыграла с ней злую шутку. Но вдруг Николай повернулся, и почти любовно коснулся ее лица своим взглядом, а затем заговорщески подмигнул. Нет, все происходило в реальности.

Анна со старушкой, передвигаясь со скоростью торопящейся улитки, уже порядком отстали от весело хохочущих молодых людей, и когда, наконец, достигли парка, вся компания уже уютно расположилась, расстелив плед в тени берез. Ветки вислой березы, укрыли их полуденного зноя словно восточный шатер. Лучшего места и не найти.

Усадив старушку поодаль на скамейку, Анна подошла к ним. И хотя на расстоянии было явственно виден краешек пледа, на который она могла бы присесть, как только она приблизилась, Анастасия высокомерно посмотрела на Анну и бросая вызов, демонстративно вытянула свои прелестные

ножки, заняв все свободное место, при этом попутно, обнажив две пары чудесных шелковых туфельек. Шах и мат. Устав от игры в равенство, она ясно дала понять – Анне здесь места нет. Ее место, на скамейке подле старушки и точка.

Анна и без того начала догадываться, что приглашение купчихи, великодушный поступок лишь на первый взгляд, ничто не бывает даром, даже милосердие. То был ловкий и хитрый прием, сбить Анне свою матушку, избавив тем самым и себя и свою дочь от бременя опеки над выжившей из ума старухой, которая честно признаться давно тяготила их. Ее позвали в качестве бесплатной прислуги, как компаньонку для старой купчихи, а не как равную им. Для них пикник должен был стать отдыхом, а для нее работой. И хотя такой порядок вещей был естественен, учитывая то социальное положение, которое занимала Анна и ее бедный учитель отец и должно было быть принято Анной, как нечто само собой разумеющееся, ярость, бунт и чувство несправедливости, и ели сдерживаемый гнев вспыхнул в Анне со скоростью сгорающей в атмосфере кометы, казалось даже шляпка сейчас начнет вздрагивать словно крышка на кипящей кастрюле, а два алых пятна горели на щеках, будто невидимая рука отвесила ей пару хлестких пощечин. Но быстро спохватившись, вспомнив кто она, и как они зависимы от этих людей, она взяла себя в руки, и попыталась улыбнуться. Правда улыбка получилась неестественная, а скорее мученическая.

– Позвольте, я вам уступлю, – вызвался Николай, подни-

маясь с земли.

– Нет, что вы, не стоит, я всего лишь возьму пирожное, мне не следует оставлять Домну Федоровну одну, – и она указала рукой на дремавшую на скамейке старушку.

Она и минуты не хотела проводить в обществе этих избалованных и испорченных молодых людей, привыкших получать все, что они хотят в жизни, без усилий и труда, всего лишь по праву рождения.

Взяв пирожное, под устремленные на нее взгляды молодых людей, она развернулась и с прямой спиной собралась удалиться, как вдруг услышала язвительный выпад Анастасии:

– Николя, уж не влюбились ли вы в Анну? Признайтесь сразу, но если нет, то боюсь, вы излишне галантны. Ваша галантность, право слово, в провинции, может быть неверно истолкована, особенно, несведущими в делах этикета, людьми. Петербургская учтивость и добросердечность, здесь может вам дорого обойтись, а ваши летние каникулы, закончатся не только тем, что вы увезете домой очерки о провинциальной жизни, но и тем, что Вам придется взять с собой провинциальную невесту.

Николай почувствовал, как будто его поймали на крючок, как будто застали за неким постыдным занятием, преступлением против социального порядка, и хотя Анастасия лишь зло пошутила, тот факт, что шутка попала точно в цель, застало его врасплох, задело за живое, обескуражило, обез-

оружило и как следствие напугало его. Толи из чувства самосохранения, толи от малодушия и в силу молодости, ибо несмотря на рост и манеру держаться ему было всего лишь двадцать девять, толи из страха стать объектом насмешек, а может все эти причины в тот момент имели место быть, но он сказал, а сказанного, как известно, не воротишь: – Боюсь дорогая, Анастасия, во мне столько грехов, что, пожалуй, не один год мне придется жариться в дьявольском котле, но соблазнение бедных учительниц, явно не один из них. И потом, – наклонившись ближе к Анастасии, он шепнул ей на ушко, так что та превратилась в один лишь слух, – боюсь у меня более взыскательный вкус, чтоб польститься на горбушку хлеба, когда передо мной столь изысканный десерт.

Равновесие восстановлено, он сказал то, что от него ждали и то, что должен был сказать.

Казалось, птицы умолкли, ветер перестал гулять в ветвях деревьев, а вся природа превратилась в тишину, только для того, чтобы Анна услышала эти слова. И когда смысл сказанного, стал для нее понятен, сердце остановилось, ладони вспотели, кровь отхлынула от лица, а душевная боль была такой силы, что казалось, человек не в силах вынести ее. Она инстинктивно дотронулась до своих мелких кудрей, потом прижала ладошку к губам, чтобы не зарыдать, и, стараясь, ничем не выдать своих чувств, стойко направилась к скамейке, где одиноко сидела старушка.

Николай, понял, что она все услышала, по твердой поход-

ке, по несгибаемой прямой спине, по быстрому взмаху рук, по широким шагам, и по тому, как поспешно она их покинула. Жгучее чувство стыда и отвращение к себе захлестнуло его. Он так хотел перед другими скрыть свои чувства, так оберегал свое душевное спокойствие, что принес в жертву чужое. Он оскорбил ее самым не достойнейшим образом, на виду у не достойнейших людей. А самое ужасное, что он ничуть не лучше их. Его душа рвалась побежать за ней, утешить, но ноги как будто налились свинцом, и он не сделал и шага.

– А вы слышали, что число пуговиц на костюме должно быть непременно нечетным. Четное число пуговиц, право слово, прошлый век, а уж застегивать четное количество пуговиц на все – верх дурновкусия, а вот оставить одну не застегнутую – вот истинный парижский шик, – рассказывал Анатоль.

– Раз, два, три, четыре, пять, шесть! – Мари, наконец, решив поучаствовать в разговоре, начала считать пуговицы на сюртуке Анатоля. – А где же седьмая! – воскликнула она. С гордым видом Анатоль, явил свету седьмую, потаенную пуговицу и гордо произнес: – Как вы могли сомневаться во мне Мари? – все дружно захохотали.

– Вчера в гостях у нас была Татьяна Павловна Лопухина, – тотчас перехватив внимание на себя, заговорила Анастасия, – и вы не поверите, ее веер был из петушиных перьев, представляете? Из настоящих петушиных перьев!

– Какой кошмар! – с неподдельным ужасом воскликнула Мари.

Николай сидел, погруженный в свои мысли. Он не слышал о чем они говорили, да и не слушал. Он смотрел на Анастасию, и она ему стала напоминать деревянную куклу чревовещателя, как будто кто-то дергал за веревочки этой марионетки, отчего у той магическим образом открывался и закрывался деревянный рот, то и дело, обнажая ряд ровных белых таких же деревянных зубов. Внезапно она перестала казаться ему красивой, или даже милой, а превратилось в самую уродливую женщину на земле. Но большее отвращение вызывал у себя он сам. Он желал, но не смел повернуться, хотел хотя бы краешком глаза посмотреть на нее, казалось его спина горит огнем, смотрит ли она на него, испепеляет ли ненавистным взглядом, а может ему это лишь кажется. Что ж, если даже это так, он это заслужил по праву.

Анна сидела на скамейке, медленно пережевывая пирожное. Еще минуту назад, оно бы показалось ей волшебным лакомством, но сейчас она не чувствовала ни вкуса, ни ароматного запаха выпечки, с тем же успехом она могла бы пережевывать цветной картон.

Она могла бы пережить, то, что ее отвергли эти богатые отпрыски богатых семей, в конце концов, ей не привыкать, но он, как он мог, как он мог поступить так, еще минуту назад, она чувствовали такую глубокую взаимную симпатию

и единение душ. Словно крохотное зернышко в душе, дало нежный зеленый росток, но вероломно было брошено оземь и жестоко растоптано. Уж лучше бы она сама тащила эту корзину. Нет ничего больнее обманутых надежд и утраченных иллюзий.

К счастью для Анны, пикник подошел к концу, вся процессия двинулась в обратный путь. Теперь, впереди шел Анатолий, под руку с обеими дамами, чуть поодаль, в дурном расположении духа шел Николай. Замыкали процессию Анна со старушкой, ту совсем разморило на солнце, чепец сдвинулся набок, так что Анне пришлось, чуть ли не волоком тащить ее под руку.

Они ни разу больше не встретились взглядом. Она видела лишь его прямую широкую спину, затянутую в сюртук. Он по-прежнему широко шагал, но вид его был грустен, казалось, он не наслаждается прогулкой, а безнадежно идет на эшафот.

От тягостной атмосферы, казалось, дорога длилась вечность. Устав тянуть разговор на себе даже Анатолий и Анастасия замолчали.

Наконец дойдя до развилки, Анна сердечно поблагодарила Анастасию с Марией за приглашение. Анастасия к тому времени убаюканная словами Николая, перестала видеть в ней опасность, и начала испытывать некое подобие вины, тем более, что ревность более не глодала ее, и как это часто быва-

ет, когда враг повержен и унижен, гнев сменился на милость. Как это милосердно, толкнуть, а потом помочь подняться. Убедившись, что социальная справедливость восстановлена и она по-прежнему на вершине, Анастасия снизошла даже до того, что поблагодарила ее за заботу об ее «обожаемой» бабушке.

Николай по-прежнему хранил молчание, и когда все попрощались, голос внутри, а точнее совесть уже не только играла на трубе, но и била в барабан, то был ее последний шанс найти успокоение. Но он так ничего не сказал и даже не поднял глаза. Только когда она удалилась на приличное расстояние, а ее силуэт был едва различим, он осмелился посмотреть ей вслед. Такой он запомнит ее навсегда и даже через годы, когда он состарится и превратится в дряхлого старика этот образ и этот день будет всплывать в его памяти и отзываться щемящей тоской, рисуя в мыслях как могли бы сложиться события, не поступи он так.

Ничто не давалось Анне так тяжело как этот отрезок дороги. Казалось ноги будто из ваты, а руки, никогда до того момента она не ходила так, размахивая руками словно маятник, ленты на шляпке развязались и непослушные растрепанные волосы лезли в лицо и в глаза. Наконец завернув за угол, она с такой силой побежала к дому, что даже ветер не смог бы ее догнать.

Вернувшись домой, Анна стремглав бросилась в свою

комнату, не сказав ни слова своим напуганным родителям, упала прямо в одежде лицом на кровать и разразилась горькими рыданиями, затапливая подушку солеными девичьими слезами.

Через минуту дверь, тихонько скрипнув, отворилась. Присев на краешек кровати, отец стал ласково гладить Анну по волосам, приговаривая слова утешения. И как это всегда бывает, толи от жалости к себе, толи от звука отцовского голоса, плакать стало легче и слаще.

– Полно тебе Аннушка, доченька моя, что же зря слезы лить, – мягко увещевал ее отец, – и безошибочно угадав причину слез продолжил: – Ты же знаешь, милая моя, у маленького человека выбор невелик. Чем слабее человек, тем меньше у него свободы. Так уж повелось. Смирение дитя мое оттого главная добродетель, что помогает человеку не сломиться духом, когда уж от него мало что зависит. Смиряясь дитя мое, ты не даешь бесплодному гневу испепелить душу твою. И лишь милосердие и добро к ближнему твоему не даст очерстветь душе твоей, стойко перенося все тяготы и обиды.

Но разве ж разбитое сердце внемлет словам.

Николай с Анатодем вернулись в усадьбу, и хотя надо было собираться к отъезду, так как экипаж должны были подать рано утром, Николай решил еще раз прогуляться. Удивительно как переменчива погода в Сибири, еще несколько часов назад была такая удушающая жара, что от нее некуда

было скрыться, и вот уже ледяной ветер, а от реки холод, ноябрьский холод. Но это не смущало и не пугало его, он был даже рад прохладе, она была ему необходимо, остудить ум, мысли и чувства.

События сегодняшнего дня вновь и вновь всплывали перед его глазами, где то под грудью неприятно саднило, толи испорченный десерт тому виной, толи это совесть грызла его внутри. Он тряхнул головой, отгоняя мысли как бык отгоняет назойливых слепней, и закурил. Посидев немного в раздумьях и поняв, что легче не станет, и что холод не исцелит, а лишь проберет до костей, затушил сигарету и поднялся к себе.

Ночь была без лунная, так что в комнате темно было точно в погребке, наощупь ему кое -как удалось зажечь свечу, желтый тусклый свет озарил аскетичное убранство гостевой спальни, он сел за письменный стол, достав мятую тетрадь, исписанную крупным чуть округлым размашистым почерком. Он хотел печаль превратить в слово, но вдохновение не шло, слова словно застревали в горле как сухари, мысли не обретали жизнь на бумаге, он то рисовал квадратики, то кружочки, то домик с кошкой, но в конце концов, поняв, что попытки тщетны и муза не придет, верно в наказание за содеянное, он злобно перечеркнул название своей повести «Провинциальная история» и пошел спать.

Но и сон не шел, не к месту и не ко времени появилась луна, без надобности ярко освещая спальню, так, что теперь

он мог легко разобрать не только очертания мебели, но и безделицы, лежащие на столе. Он вспомнил как в детстве, также лежал без сна, обуреваемый чувством вины и стыда, наказывая себя сам больше, чем наказывали его другие. Было бы не правдой сказать, что мать была с ним жестока, нет, однако она была деспотична и до крайней степени требовательна. Соответствовать ее желанием было не только трудно, но и невозможно. Сколько ночей он провел, истязая себя в мыслях, за то, что разочаровал, подвел, ослушался, сказал лишнее, или не сказал, что требовалось, не в такт сказал, не в тон промолчал. И это чувство несовершенства, чувство собственной неполноценности, стало неизменным спутником его жизни, его ахиллесовой пятой, заставляя делать то, чего он делать не хотел, изображать того, кем он не был, поддерживая образ хорошего ребенка, а затем и идеально-го мужчины в глазах матери и общества. Ночным кошмаром стал образ Николая угодника, со старой потертой иконки, которую принесла в комнату его мать. Тот образ должен был стать его оберегом, а стал немым укором, так что в бессонные ночи, ему приходилось накрываться одеялом с головой, лишь бы не видеть строгий взгляд святого старца.

Отец его умер рано, так что мать, заполнила собой все его сознание, что порой, казалось, будто все что он делает в этой жизни, он делает ради нее или вопреки.

И как это бывало в далеком детстве, откуда все мы родом, промучившись полночи без сна, в конце концов, остав

от мыслей и от себя, Николай уснул тяжелым крепким сном, зная точно, что утро рассеет мрак.

На следующий день Анна проснулась, будто с похмелья, хотя это было недалеко от истины. Ведь и она всю ночь пила свои горести.

Мать как обычно ловко хлопотала по хозяйству, отец неумело пытался отремонтировать покосившийся забор. Но все валилось из рук, а угол крена после ремонта лишь увеличился. Отойдя на шаг, желая окинуть взглядом, результат своих усилий, он к удивлению супруги, хлопнул в ладоши, довольно улыбнулся и сказав: – ох и ладная изгородь получилась, ох и славно выглядит, – вернулся в дом, к тому времени уже изрядно проголодавшись после «тяжелого» труда.

Говорить он мог часами и с превеликим удовольствием, но когда дело касалось физического труда, пожалуй, более неумелого работника и во всем городе было не сыскать.

– Тебе принесли письмо доченька, сегодня поутру, ждал, пока ты проснешься, уж будить тебя не стал, милая моя, – участливо сказал отец.

Сердце забилося в бешеном ритме, казалось, даже дышать стало трудно, она поставила кувшин на стол, чтобы ненароком не уронить. Только тогда она увидела лежавший на столе конверт. Взяв письмо, с потаенной надеждой, что оно от него, увидела маленькие аккуратные буквы, с легким наклоном вправо и надпись «от З. В. Лаптевой», сердце Анны

только что воспарившее ввысь, кубарем скатилось вниз. Не этого письма она ждала.

В письме было много слов любезности, благодарность за заботу и внимательный уход за ее престарелой матушкой и предложение стать ее компаньонкой, а скорее сиделкой с более чем щедрым вознаграждением, вдвое превышающем то, что она получала в школе.

По правде сказать, предложение было на редкость удачным. Тем более преподавание в школе, удовольствие и радости ей не приносило, не говоря уже о скромном жаловании, так что терять ей на прежнем месте было нечего.

Рассказав отцу и не успев, спросить следует ли ей принять предложение. Она прочла в его глазах счастье и надежду на ее согласие. Значит, так тому и быть, хотя радости ей то решение не принесло, ибо ударяло по ее и без того растоптанной гордости. Но разве бедняку гордость по средствам?

Прошло три года. События той летней субботы давно забылись. Черета будних дней, мелких проблем и незначимых событий, затянула Анну в свой водоворот, и хотя работа в доме Лаптевых была не тяжелой, и хорошо оплачивалась, но была крайне скучна и состояла в основном из трех вещей: читать старушке сказки, поправлять вовремя плед, да смотреть, как бы та, уснув, не свалилась с кресла. Впрочем, старушка оказалось крепче, чем думала Анна и чем ожидала купчиха. Все три года она пробыла в одной поре, много гово-

рила, много спала и имела отменный аппетит, не пропускала ни завтрак, ни обед, ни ужин. Сама купчиха относилась к Анне благосклонно, но с высоко, что было ожидаемо и естественно, если учесть их разницу в возрасте, социальном положении и статусе. Что касается дочерей купчихи, то вначале те не скрывали своего неудовольствия от принятого маленькой решения, и не забывали всячески это показать, но натолкнувшись на стену молчания и абсолютного принятия своей судьбы, а также места в этом маленьком мире, в конце концов, потеряли к ней интерес и перестали видеть в ней угрозу для себя. А через год и вовсе не замечали, как стул, стол или комод.

Друг за другом с разницей в год, Анастасия и Мари вышли замуж. Сколько было суматохи. Сколько слез и радости. А потом дом опустел. Перед ее глазами проходила целая жизнь, только в ней она была лишь сторонним наблюдателем. Все вокруг менялось, неизменно было только одно, ее место подле старушки. Не то чтобы она была не счастлива, но и счастьем это не назовешь.

Конечно, справедливости ради, необходимо заметить, что Анна не совсем была лишена мужского внимания, а скорее наоборот, ей нередко их оказывали.

Например, учитель музыки, который был частым гостем в доме Лаптевых и давал уроки скрипки для Мари. Персонаж по большей части положительный и не лишенный неких добродетелей. Главное, из которых было терпение, когда лишен-

ная таланта Мари рвала конские струны и заставляла скрипку не только плакать, но и рыдать, он невозмутимо в такт музыки качал головой и говорил: – Прелестно, прелестно, без сомнения у вас талант! – Тогда как даже сама матушка говорила, что игра Мари больше похоже на вой кота, которому наступили на хвост десять тысяч раз, после чего затыкала уши платком или вовсе уходила на улицу. Но кто сказал, что воспитание благородных девиц легкий труд?

Учителя музыки звали Азарий, будто бы одного странного вида, оказалось мало и ему было даровано не менее странное имя. Он был высок, худощав и сутул, так что издали больше напоминал вопросительный знак, а волосы носил редкие, но длинные, по всей видимости, длиной компенсируя количество. Голос же имел монотонный, лишенный эмоций, а речь невнятную и неразборчивую. Толи данное обстоятельство являлось частью его натуры, толи результатом пятикратного пригубления каждые двадцать пять минут неизвестной жидкости, находившийся во фляжке нагрудного кармана, сие доподлинно неизвестно. С другой стороны, выносить музыкальные этюды, лишенных таланта барышень, в трезвом уме мало кому было под силу.

Однажды, набравшись смелости он «пылко» признался Анне в любви. Без труда сдержав столь «бурный» натиск, она ласково погладила его по руке, твердо сказав – нет. Что за грустная мелодия жизни ждала бы Анну, прими она предложение.

Был еще один поклонник, почтенного возраста отставной унтер-офицер. Познакомились они на масленичных гуляниях. Ах, что это были за гулянья, пожалуй, ни один праздник не проходил в России так весело и с таким широким размахом, олицетворяя собой размах русской души, правда в ее языческом проявлении. Праздник тот был без меры: тут тебе и ледяная горка, и дед зазывала, рассказывающий о своих похождениях так, что щеки незамужних девиц горели нежным румянцем, а замужних заставляли заливаться громким смехом, и масленичный столб с призовым петухом, а уж всевозможных блинов и лепешек на каждом углу было не счесть, тут тебе и со сметаной и с брусникой и с липовым медом.

А катание на санях, спрос на лошадей был так велик, что запрягали в сани, как восхитительных скакунов, так и старых грустных кляч. Украшали лошадей разноцветными лентами и колокольчиками, а ездили с такой скоростью, что и во хмелю становилось страшно.

В тот день Анна с подругой Женечкой уплетали блины с медом за обе щеки и зачарованно смотрели на высокого крепкого парня, раздевшегося по пояс, обнажив широкие ладно сложенные плечи. Оставив сапоги на снегу, под возгласы улюлюкающей толпы, он ловко карабкался голыми руками и босыми ногами на масляничный столб.

– Эк, каков молодец, много ума не надобно, лазить по столбам, – раздался сзади чей-то мужской голос. Девушки с любопытством обернулись. Перед ними стоял уже не моло-

дой, но по провинциальным меркам все еще видный мужчина. Фигура его была рослая, но до крайней степени несуразная, в той мере, что вопреки требованиям, предъявляемым к мужской фигуре, все его части тела были одинакового размера. Плечи, грудь, торс и бедра – все едино, отчего он напоминал длинный французский багет, а глубоко, запрятанные глаза, и пышные, свисающие вниз усы, делали его похожим на немецкого дратхаара. Однако, чем больше он выпячивал грудь вперед, подчеркивая свою важность, тем более нелепым казался.

– Разрешите представиться, отставной унтер-офицер, Александр Валерьянович Фомочкин, – и по привычке встав на выправку, отдал честь. Польщенные вниманием девушки, расплылись в улыбке, наперебой называя свои имена. Не часто на рыболовецкий крючок попадает столь откормленный улов.

Приободренный благосклонностью дам, отставной военный решил продолжить знакомство и указав пальцем на блины с медом в руке Анны произнес:

– Вот, это дело для настоящего мужчины.

Увидев, что фраза не возымела успеха, а вызвала скорее недоумение, нежели восхищение, чертыхнулся про себя, а позже и вслух. В сотый раз он клял себя за неумение общаться с дамами, неизвестно откуда при виде барышень, накатывало волнение, а с губ срывались сумбурные фразы, сказанные не вовремя и не к месту. Такими темпами его и без того,

затянувшееся до неприличия вдовство, закончиться не скоро, – горестно подумал он.

Но тотчас поспешил все разъяснить и пустился в пространные рассуждения:

– Я, знаете ли, барышни, – важно начал он, – занимаюсь пчеловодством. Так что может так статья, а скорее даже более чем вероятно, что мед на ваших блинах сделан моими пчелами. – Что ж, и эти слова не произвели должного эффекта, но не теряя надежды продолжил: – у меня все по-научному, я выписываю специальные журналы, пчеловодство это знаете ли целая наука, не хуже арифметики. Пчелы мои довольны, а оттого и мед сладок. Настроение пчелиное, я вам скажу, очень даже на вкус меда влияет. У меня самый лучший мед в губернии, настоящее разнотравье, стоит мне мед попробовать, я легко пойму, хорош он или нет, и с какого цветка собран акация ли это, одуванчик ли, а если попадет-ся молочай, то мед станет густой и темный как патока, с горчинкой, отменный мед, – все это он произнес медленно, растягивая слова, перекатывая буквы во рту, будто мед смакуя.

Озорные дерзкие шутки так и вертелись на языке Анны, но увидев, с каким неподдельным интересом лекцию про пчеловодство слушает ее подруга, решила лучше занять рот блинами.

Оставшуюся часть масленицы они провели уже в компании пчеловода. Глядя на опьяненный, словно медовухой, взгляд своей подруги, внимающий каждое его слово, Анна

ткнула ее в бок и с ели сдерживаемым смехом прошептала: – Не думала я, подруженька, что ты такая любительница меда. У нас в доме стоит целая банка, что ж ты не сказала то. – Но подруга, в столь важный момент, шутки не оценила и лишь гневно зашикала, а глазами метнула молнии.

Анна уже порядком притомилась от этой пчелиной компании, Александр Валерьянович, не оставлял их ни на минуту, словно толстый шмель кружил над цветком, желая испить его нектар. И все говорил и говорил, и говорил, и говорил... о пчелах. Его монотонный голос слился в одно протяжное жужжание. Каково же было удивление Анны, когда она поняла, что несмотря на отсутствие с ее стороны интереса, назойливая пчелиная лекция предназначается по большей части ей.

– А знаете ли, Анна Тимофеевна, из чего самый лучший мед, из чабреца и клевера, сладкий, а цвет, цвет какой, золотой янтарь, словно глаза ваши... – мечтательно прожужжал пчеловод.

Ну что за пчелиный Ромео, – подумала Анна, – нет, право слово, так сильно я мед не люблю.

Вот и подошли к концу народные гуляния, сожгли чучело масленицы, и, улучив момент, откланявшись перед загрустившим поклонником, Анна, молниеносно взяв сопротивляющуюся подругу крепко под руки, утянула ее в толпу, а потом и вовсе затерялась.

Стоит признаться, после той масленицы подруга две неде-

ли отказывалась видаться и разговаривать с ней.

Однако ничто в жизни не вечно, и однажды придя в дом Лаптевых и по привычке постучав в дверь, вопреки ожиданиям, дверь ей открыл хотя и тот же Никифор, но одетый в парадный траурный костюм.

Также как и три года назад она присела на краешек синего атласного стула, вышитого прекрасными райскими птицами и розовыми фуксиями. Она уже привыкла и к этой гостиной, и к молчаливому Никифору, и к старушке, и даже к самой купчихе Лаптевой, но повторюсь, ничто в этой жизни не вечно. И теперь, Анна чувствовала и свободу, и пустоту, как заключенный с одной стороны рад избавиться от тяжелых оков, но вместе с тем проведя в заточении слишком долго, не знает что с этой свободой делать.

Через минуту спустилась купчиха, с ног до головы, одетая, в заранее припасенное, уже лед дцать как, для этого случая черное траурное платье. Они обменялись короткими фразами и принятыми словами соболезнования. Больше им говорить друг с другом было не о чем.

Подали чай.

– Дорогая Анна, нет слов, чтобы выразить, как я вам благодарна за заботу о матушке, вы были ей не только компаньонкой, но и верной подругой, в ее последние годы жизни. Ничто не предвещало беды, матушка была вчера вечером в добром здравии и хорошем расположении духа. Отменно и с

большим аппетитом отужинала...и... А по утру, ее не стало. Как печально и пусто будет без маменьки, особенно после того как мои девочки упорхнули из дома, – и Лаптева украдкой вытерла слезы, то были слезы скорби по себе, слезы надвигающегося одиночества и старости.

Анне и впрямь было жаль старушку, за все время, проведенное вместе, волей неволей она успела привязаться к ней, их совместный ежедневный ритуал: чтение, прогулка, обед – делал жизнь стабильной, предсказуемой, и даровал спокойствие, компенсируя отсутствие событий, которые должны происходить в жизни молодой незамужней девушки. Она посмотрела на пустое кресло, в котором еще вчера сидела Домна Федоровна, еще вчера она укутывала ее сухонькие ножки в плед, и вот, как и не было вовсе человека, он остался только памятью в сознании людей, кто знал его. Но и память не вечна.

Анна думала о своих родителях, которые были уже не молоды, о неотвратимости будущего, о предопределенности финала, когда голос купчихи прервал ход ее грустных мыслей:

– Дорогая, есть ли вам куда пойти работать?

– А, простите, задумалась, нет, не куда, вернее я не думала еще об этом, все произошло так неожиданно, – сказала вслух Анна, – хотя неожиданного в том было мало, – в то же время подумала про себя.

Ей и правда не куда было пойти, то место в школе, где она

работала, уже давно было отдано другому человеку, больше свободных вакансий, соответствующих ее профессии и навыкам, в городе не было. Мало кому нужен французский, в городе, где русской грамоте то обучен не каждый.

– Да, совершенно с вами согласна, кто бы мог подумать, – и купчиха снова начала пересказывать события вчерашнего вечера и утра, пока закольцевав разговор, не вернулась к тому, с чего начала: – Ах да, я вот что хотела сказать, – спохватилась Лаптева, – сестра моего покойного мужа, ах, какой замечательный был человек, все его уважали, справедлив он был и к слугам и к крестьянам, такого человека уж теперь не сыщешь. Так о чем это я, ах, да, вспомнила, сестра моего мужа, ищет гувернантку для своих дочерей семи и восьми лет, сейчас надежный человека с безупречной репутацией, и высокими моральными принципами, такая редкость. Молодые люди в больших городах, в погоне за деньгами давно их утратили, только в провинции сохраняются исконные и «правильные» традиции. Сейчас все хотят гувернанток французенок или англичанок, но знаете ли, книжку читают не по обложке, или как там говорят, ну да не важно, у моей родственницы по мужу, был печальный опыт, знаете ли, они вынуждены были уволить гувернантку французенку, в виду произошедшей пикантной ситуации, – сделав театральную паузу купчиха многозначительно посмотрела на Анну, но в подробности пикантной ситуации вдаваться не стала, по всей видимости, та должна была догадаться

сама, о чем идет речь, – но вы моя дорогая, в ваших моральных принципах я уверена, вы образец добродетели и высокой нравственности, – заключила Лаптева. Странное дело, но столь высокая оценка ее моральных качеств из уст купчихи не только не польстила ей, но и вызвала в сердце горечь. Как будто из этого следовало, что грешить это удел лишь красивых и богатых, а остальным остается лишь хранить и оберегать добродетель.

Но вслух лишь ответила: – Боюсь, вы слишком добры.

– Правильно ли я понимаю, что ты согласна, Анна?

– Да, конечно, для меня будет честью и превеликим удовольствием учить двух ваших племянниц, я приложу все усилия, дабы не разочаровать вас и оправдать ваши надежды, – не раздумывая ни минуты, ответила Анна. Да и раздумывать было не над чем, такой шанс для провинциальной, хотя и образованной бедной девицы выпадает только раз. Обеспеченные дворяне и состоятельные купцы все больше предпочитали гувернанток француженок или англичанок, в общем, любой иностранец казался им кандидатурой более подходящей, нежели соотечественник.

Вопрос был решен, так что пора было прощаться, Анне был выдан расчет и рекомендательное письмо, и адрес купца Кузнецова, с подробной инструкцией как добраться, чтобы не заплутать.

Возвращаясь домой, и сжимая в руках письмо – пропуск в новую жизнь, Анна едва ли понимала на пороге каких пере-

мен стоит, как кардинально изменится ее жизнь, в тот день когда она выпорхнет из под родительского крыла. Она будто цветок в зимнем саду хотя и выращенный в любви, заботе и неге, но своими листьями неизменно тянущийся на живой свет. Пришло время испытать и зной солнца и шквалистый ветер и проливной дождь, словом все, что и является жизнью, ибо как бы не было хорошо в зимнем саду, любое растение или другое живое существо, должны жить на воле.

Сколько слез радости и печали принесло родителям известие о ее скором отъезде.

Время, отведенное до отъезда, Анна находилась в приподнятом настроении, в эйфории, в ожидании новых впечатлений, новой жизни, но когда пробил час, на нее напала такая свинцовая тоска и стали одолевать такие тревожные сомнения, уж не ошиблась ли она, приняв данное решение, рискуя потерять все, отправившись в пугающую неизвестность.

Но менять что-то было уже поздно. Все как в ремесле писателя, вначале ты пишешь повесть своей жизни, уверенно чувствуя себя властителем судьбы, но следом быстро понимаешь, что скорее судьба ведет тебя теми тропами, которые были тебе предначертаны, а твой удел, лишь следовать им. А все что в твоих силах, так это держать свет в руках, чтобы не упасть, плутая в потемках жизни.

Прощание было тяжелым, слезы родителей, объятия, и снова слезы. Тщетно пытаясь их утешить и успокоить, она как никогда соглашалась со всеми наказами: и одеваться теп-

лее, и хорошо питаться, и быть осторожной, не забывать молиться и еще много-много других. Но час расставания настал. И со словами «долгие проводы, лишние слезы» они простились.

Решено было ехать на перекладных, так что до станции она отправилась одна. И когда багаж был погружен, а лошади тронулись Анна, наконец, дала волю чувствам и горько заплакала.

Всю долгую изнурительную дорогу Анна перебирала в памяти свою жизнь, а в особенности день отъезда. И милый дом и пес на крылечке, и глупые куры, не замечающие ничего вокруг, и мать с отцом стоящие у калитки, смотрящие на ее удаляющуюся фигуру, когда поднявшись на горку, она обернулась им в след. Слезы матери, и растерянность отца, горечь расставания с детством и запах сирени, скрип ржавого флюгера и лай собак, все это, и цвет и звуки и запахи, слились воедино, то был ее дом.

Теперь же, то мерно покачиваясь в экипаже, то сотрясаясь на ямах, кочках, да ухабинах, Анна вспоминала те события, которые, казалось бы, уже стерлись из памяти, и не были на первый взгляд значимыми, но если память скрыла их в глубине сознания и бережно хранила столько лет, являя их в минуты крайнего отчаяния, значит именно они и стали для нее определяющими, именно они стали плотом для ее сознания, не дающем утонуть в пучине тревог, напоминающим ей кто она и откуда, и что привело ее сюда.

Вот ей пять лет, и она с отцом идет к реке, высокая трава хлещет ей по ногам, где то стрекочут кузнечики и свистит коршун, солнце такое яркое, что почти белое и слепит глаза. Отец крепко держит за руку, рассказывает сказку про Телесика, она с трудом понимает ее смысл, но его голос и надежная рука, и солнце и луг и глухое мычание, пасущихся неподалеку коров, все это делает ее такой счастливой. А вот ей девять и она заболела краснухой, тяжелый жар и мать, не отходящая от ее постели, в комнате душно и пахнет свечным воском, мама тихонько молится о ее выздоровлении. На ее лице тревога и безграничная любовь, от нее пахнет выпечкой и каким-то лекарством, и хотя жар не спадает, пока мама рядом, Анна знает, с ней ничего не случится, пока мама рядом она, своей любовью сокрушит любую болезнь и одолеет самых страшных демонов из преисподней. С мамой она в безопасности.

Десять дней ехала Анна из города Б. в город N. Так любившая природу Анна, в начале пути наслаждавшаяся с детским восторгом первым в своей жизни большим путешествием, каждым лугом и каждым лесом, в конце пути загрустила и совсем приуныла. Долгая тяжелая дорога, короткий отдых, нелюбезность станционных смотрителей, теснота, дурные харчи и грубость попутчиков, – все это сделало путешествие истинной пыткой. Тело болело и стонало, голова трещала так, будто была набита ржавыми гвоздями, пейзаж не то что не радовал, а приводил в еще большее уныние,

казалось ее раздражает все вокруг, но она то знала, что злилась на саму себя. В глубину ее души закралось сомнение, и она корила себя, и за то, что приняла неверное и не до конца обдуманное решение. Сидя в экипаже, она уже начала подсчитывать деньги, хватит ли ей их на приличный стол, постель и обратную дорогу.

Но путь подходил к концу, лес неожиданно оборвался, а вдали показался город.

Как же она была удивлена, когда оказалось, что город N точная копия ее родного города B, только в два раза больше. Все было также, только улицы были шире, извозчиков было больше, больше церковей с небесно-голубыми куполами и больше грязи. Ноги в ней просто утопали, и если бы не деревянные настилы, то в центре дороги, можно было утонуть в грязи как в топях болот. Мимо нее с необычайной скоростью пролетел грязный оборванный рыжий кот, а вслед за ним с громким лаем не менее грязный и оборванный пес. Шумная компания чуть не сбила Анну с ног, – Да, все и впрямь как дома, – подумала Анна.

Но никаких омнибусов, ни конок, ни изысканных дам как с обложек Петербургских журналов, ни щегольских денди расхаживающих с моноклем, ничего, что она представляла себе в мечтах, не было. Ожидание и впрямь наделяет объект несуществующими чертами, приукрашивает, преувеличивает, а то и вовсе придумывает то, чего нет. И чем дольше длится ожидание, тем дальше воображение от реальности,

тем большее разочарование ждет человека, особенно если знания он черпает преимущественно из газет и журналов, а не путем опытным.

Зато такого количества кабаков, питейных и увеселительных заведений, сомнительных нумеров и вообще домов явно с дурной репутацией, она не видела никогда. И хотя все это для Анны было не в новинку и с избытком имелось в ее родном городе, но как оказалось в гораздо меньшем количестве и не с таким размахом.

С одной стороны город был самобытен и восхитительно красив: пассажи, дома и церкви строились с такой щедростью купеческой души, что достойны были украшать улицы столицы, но при этом был суров, грязен, разгулен, и в целом выглядел по-разбойничьи. Эффект от его красоты, во многом зависел от месторасположения. Как если бы роскошный императорский дворец в одно мгновение переместился в дебри непроходимой тайги. Величественные здания с вычурной и претенциозной архитектурой, эдакое русское барокко, контрастировало с абсолютно дикой, девственно чистой природой.

Дом купца Кузнецова был огромен, и хотя располагался всего на двух этажах, но в длину занимал почти половину улицы. Постучав в дверь, Анна с волнением ждала, что принесет ей будущее. Дверь открыла приземистая тщедушная девчушка, одетая в простое домотканое платье и фартук. Ее крохотное рябое лицо было по детски открытым, но по

взрослому уставшим. С первого взгляда, тяжело было понять сколько ей лет, что-то между шестнадцатью и тридцатью пятью.

– Чего изволите, – спросила та и добродушно улыбнулась, обнажая скученный ряд крупных желтоватых зубов.

– Здравствуйте, я Анна Лемешева, мне бы увидеть Степана Михайловича или может Нину Терентьевну, я по поводу вакансии гувернантки, письмо от Надежды Григорьевны Лаптевой должно было уже прийти, но если нет, то при мне рекомендательное письмо имеется, – стараясь держать спину прямо, отчеканила Анна, но уверенность покинула ее, отчего голос стал предательски дрожать.

Девушка не торопилась пригласить внутрь и с любопытством и недоверием рассматривала Анну, в ней не было враждебности, впрочем, и дружелюбия тоже.

Анна хотела было уже просить впустить ее и обождать в гостиной, до того она чувствовала себя униженно, стоя вот так на пороге дома, будто прося подаяние, как вдруг из-за угла показалось лицо мордастой и косоглазой девушки, по всей видимости тоже служанки. Увидев ее, приземистая и рябая девчушка, тотчас ретировалась.

Анне вновь пришлось повторить свой рассказ. На сей раз ее впустили, хотя и с неохотой. Единственно смотрящий на Анну глаз, с любопытством оглядел ее с головы до пят. Оказалось служанку звали Татьяной, но она просила называть ее Танюшкой. Не скупилась она и на расспросы. Бесцеремонно

спрашивая и сколько ей лет, и отчего это она сорвалась с места и вот так решила уехать, и не водилось ли там женихов, за которых можно было бы удачно выйти замуж и не идти абых кому в услужении. Однако натолкнувшись на нежелание отвечать, тотчас поменялась в лице, сменив милость на гнев, уже недружелюбно заключила:

– Барыня еще спит, так что вам придется обождать, барыня сегодня дурно спали, так что не велено будить, – и даже не предложив присесть с дороги, удалилась.

Кажется за пять минут пребывания на новом месте, Анна уже умудрилась нажать себе врагов.

Пока никого нет, самое время было осмотреться вокруг, ведь многое можно понять о людях, лишь основываясь на том, как устроен их быт. Такого количества красного Анна не видела нигде и никогда. Конечно, какой русский не любит красный, но эта гостиная пылала словно пожар. Красные шторы, красная обивка на стульях, красный восточный ковер, красный диван. Кроме того бесчисленное количество салфеток, кружевных накидок, платочков украшало каждое свободное место. Там же стоял многочисленный фарфор: чайнички, соусники, мелкие фигурки, словом все это больше походило на праздничную ярмарку, нежели на жилой дом. Тут и двигаться было страшно, не задев какую-нибудь очередную фарфоровую безделицу.

Неужели ей предстоит здесь жить, было ощущение абсолютной нереальности происходящего, как будто она покину-

ла свое тело, и теперь взирала на все сверху вниз, в том числе на себя в этом сером пыльном платье в ярко красной гостиной. Еще несколько дней назад в абсолютно другой гостиной, она пила с папенькой чай, а теперь она здесь, в чужом городе, в чужом доме, с чужими людьми, будто вырванный ветром из благодатной почвы полевой цветок, принесло в совершенно незнакомое и враждебное место. Она с тревогой перебирала пальцами подол своего платья, и чем больше ждала, тем больше волновалась.

Но вот послышался скрип половиц, и в комнату вошла низенькая полноватая женщина с маленькими, близко посаженными к переносице глазами, большим носом-картошкой и крупным алым ртом.

К облегчению Анны, Нина Терентьевна, встретила ее благосклонно и оказалась до того разговорчивой, что за час Анна узнала столько о семье Кузнецовых, что с лихвой хватило бы и на целый год.

– Моя дражайшая родственница, крайне высокого о вас мнения, как же тяжело в наше время найти человека подходящего во всех отношениях, ведь не приведешь вот так просто в дом, кого сам не знаешь, крайне опасно все это. Тем более, такой конфуз у нас случился, такая оказия, прежняя гувернантка француженка, оказалось вовсе и не француженка! Кто же мог такое подумать, такой обман, под самым нашим носом, – сокрушалась купчиха. Вас нас словно Бог послал, мы уже отчаялись для наших деток, найти добрую наставни-

цу. И вы хотя и юны – она обвела взглядом Анну, по-видимому, оставшись довольна ее крайне измученным видом, – но производите впечатление девушки серьезной, а главное строгой. Анна и без зеркала знала, что после недельного путешествия по русской дороге, вид у нее был удручающий, темные круги под глазами, бледность и осунувшееся лицо, с сурово сдвинутыми бровями, все это сыграло, как ни странно ей на руку, ведь какая хозяйка возьмет в гувернантки пышущую здоровьем красавицу. Что ж хоть какой-то прок от ее непримечательной внешности, – подумала Анна. Способность дурно выглядеть в самый ответственный момент оказала ей добрую услугу. Словом в тот день Анна была именно той работницей, которую хочет видеть любой хозяин, а именно серая тень и немой слушатель. Эту правду жизни она усвоила уже давно.

Спустились две ее будущие воспитанницы, и хотя они были диковаты и пугливы, словно лесные птички и манерам благородным не обучены, но в целом производили благоприятное впечатление.

Что ж, если бы дети не нуждались в наставнице и были бы образцом благопристойности и безупречного воспитания, разве ж они стали бы приглашать гувернантку из другого города, да еще и в такой спешке, – подумала Анна.

Дом оказался огромным, многочисленными гостевыми спальнями в левом крыле и хозяйскими в правом, и масса самых разных помещений пустых или забитых доверху разного ро-

да вещами. В доме было много прислуги, помимо двух служанок, которых она уже успела увидеть, был и извозчик и конюх и просто разнорабочие, выполняющие разные мелкие поручения и еще несколько людей, которых она не запомнила. Все они хотя и ругались между собой, но в целом жили дружно, являя собой единый хаотичный, но слаженно работающий механизм.

Ее комната оказалось чуть больше комнаты обычной прислуги, но аскетична и скорее походила на келью монахини: узкая кровать, стул с письменным столиком, комод с принадлежностями для умывания вот, пожалуй, и все.

Но увидев, с какой завистью и восхищением Татьяна смотрит на ее новое пристанище, напомнила себе, что все же ее участь хотя и гораздо хуже участи благородных дам дворянского или купеческого происхождения, но гораздо лучше участи обычной прислуги, имеющей гораздо меньше, но работу выполняющую тяжелую и грязную.

Наступило время ужина, хозяин в обозначенный час так и не пришел, и ужинать сели без него. Анна вдруг почувствовала такой голод, что желудок свело, из-за всех волнений и пережитых событий, она совсем забыла, что не ела со вчерашнего вечера. От увиденных на столе яств и пьянящих запахов, Анна чуть не бросилась на еду, забыв про нож и вилку, и благородные манеры. Чего тут только не было, и щука на пару, и кулебяка с мясом и с рисом, и щи наваристые, и расстегаи с вареньем, и квас вишневый. Лаптевы никогда не

приглашали ее к столу, она скорее была уходящей и приходящей компаньонкой, так и не став частью семьи. Статус же гувернантки совсем другое, она, хотя была и не ровня хозяйкам, но стояла гораздо выше на социальной лестнице, нежели обычная прислуга, разделяя быт семьи в которой жила и пользуясь многими благами наравне со всеми.

Когда все приступили к ужину, стало понятно, насколько большая и требующая терпения работа ей предстоит. Девочки не знали самых простых правил поведения за столом, не говоря об этикете. Все, включая их матушку, ели громко, нетерпеливо, не стесняясь шумных звуков, коим в семьях благородных и культурных места не было, в общем вели себя абсолютно свободно, без стеснения, и не испытывали по этому поводу ни малейшего сожаления и стыда. Пожалуй, придется начать с основ: вилки, ложки и ножа, тут уж не до французского, – подумала Анна.

Впрочем, несмотря на голод и прекрасный стол, сытость пришла быстро, а усталость еще быстрее. Ведь после пересадки даже в самую благодатную почву, первое время, любой цветок чахнет и болеет. Всему нужно время, особенно чтобы взяться за силу на новом месте.

Назавтра, встав по обыкновению рано, Анна умылась, убрала волосы в скромный валик, одела свое будничное невзрачное и уже порядком поношенное платье и отправилась будить своих воспитанниц, а затем, ожидая, когда они соберутся к завтраку, направилась в гостиную.

Несмотря на ранний час, Степан Михайлович Кузнецов уже бодрствовал и просматривал утренние газеты. Не слишком желанного, но неизбежного знакомства, было не обойти.

– Доброе утро Ваше степенство.

Купец с любопытством посмотрел на Анну поверх газеты и отложил ее.

– Доброе, доброе, барышня. Стало быть, вы наша новая гувернантка. Так, так, посмотрим, посмотрим... – закричал он, удобнее усаживаясь на диван.

Анна почувствовала себя снова школьницей, новые знакомства давались ей и без того с большим трудом, с незнакомыми людьми она по большей части старалась помалкивать, научившись по мастерски ловко скрывать мысли и чувства. Что ж этот талант не приходит с рождением, этому учит лишь жизнь.

Но от его пытливого взгляда, казалось, ничего не скроешь. Это был тучный мужчина, с пышными рыжими усами и бородой, с колючими, хитрыми и лукавыми глазками, глубоко спрятанными за кустистыми бровями. Лицо его имело красновато-бурый оттенок, что явно свидетельствовало о чрезмерной любви ко всякого рода пагубным привычкам. Судя по тому, как ярко сегодня пылали его щеки, не исключено что и вчера не появился он к ужину именно по этой причине. Волосы его лоснились как от масла и были зачесаны на косой пробор, в тон бороде, имея рыжеватый оттенок. Одет он был хоть и дорого, но не опрятно, предметы

одежды сидели на нем либо мешковато, либо наоборот были малы. Хлопковые бежевые брюки хотя и были скроены из добротной ткани, но имели изрядно потертый вид и не отличались чистотой. Единственным предметом наряда, не вызывающим нареканий, были превосходные кожаные сапоги, начищенные до зеркального блеска, так что если бы Анна подошла чуть ближе, то смогла бы увидеть в них свое отражение. Цветастый желтый жилет едва сходил на животе, а пуговица, сдерживавшая натиск плоти, казалось, вот-вот застонет, лопнет и отлетит кому-нибудь в лоб, не справившись с непосильной работой.

Впрочем, и к дорогим золотым карманным часам на цепочке было не придраться. Они были дороги и безупречны.

По правде сказать, подводя итог увиденному, без зазрения совести, можно было бы сказать, что он почти уродлив, но уверенная манера держаться и не дюжий интеллект, скрытый за маской показной простоты, с лихвой компенсировала сей недостаток. Он походил на матерого хитрого рыжего лиса. От чего, Анна инстинктивно почувствовала опасность.

– Стало быть, вы моих дражайших дочерей этикету и французскому будете учить? – спросил он, лениво растягивая слова и с прищуром поглядывая на стоящую перед ним на выправку, словно солдат, гувернантку.

Анна подумала, что для начала не мешало бы научить их держать вилку с ложкой, а уж потом учить французскому, но испугавшись собственных дерзких мыслей, опустила глаза,

боясь, что хитрый и проницательный человек, без труда прочтет, ее мысли, и что внутри, ее сильный дух, по прежнему далек от кротости и смирения. Дерзость и острый ум были явно не теми добродетелями, которые хозяин хотел бы видеть в своей работнице, будь то дворянин или купец, да хоть и зажиточный крестьянин, нанимающий батраков в помощь.

– При мне есть все бумаги, и рекомендательное письмо и диплом, позвольте показать? До работы у Ее Степенства, Надежды Григорьевны Лаптевой, я работала в школе, а еще давала частные уроки французского, – зачем то солгала Анна, по всей видимости, желая произвести как можно больший эффект.

– Ну, полно, полно, как говорится, бумаге верь, а сам проверь. Я толку в этой затее признаться, вижу мало, грамоте и чтению научить можно и с наименьшими затратами, но коли Оне желают, – видимо имея ввиду свою супругу, – чтобы дочери, Па разные под пианино вытанцовывали, да по-французски разговаривали, когда по грибы в лес ходят, значит так тому и быть, я возражать не стану, – с этими словами он тяжело встал, давая понять, что разговор окончен.

– Премного благодарна, Ваше степенство, – и уловив намек тотчас скрылась. Она была невероятно рада, как все быстро и легко устроилось, все самое дурное позади, словно камень с души. Теперь жизнь пойдет своим чередом.

Постепенно жизнь и правда вошла в привычное русло,

дни сменяли недели, недели месяцы. Потребовалось, конечно, немало времени, чтобы прижиться в чужой семье, понять царившие в семье нравы и характер домочадцев, приноровиться к их ритму жизни. Купеческая семья с традиционными патриархальными нравами, с властной фигурой отца во главе семейства и слабой фигурой матери был так не похожа на ее собственную, где отец был мягкий и интеллигентный, а мать сильная и стойкая. Женское же слово здесь имело значение лишь в той мере и до той поры, пока не противоречило мужскому.

Нина Терентьевна оказалось не худшей из возможных хозяек, но в настроении была крайне переменчива, и если дочери точно угадывали настроение матери, так, что чувствуя беду, они будто исчезали, да так ловко, что было и не сыскать, то Анна, поперву, с трудом улавливала эти знаки. Сколько же времени потребовалось, чтобы это понять, сколько ошибок сделать и сколько раз побывать под градом гнева хозяйского. В те дни, отчаяние Анны было так велико, что не раз и не два она порывалась уехать домой, а собранная дорожная сумка наготове лежала под кроватью. Когда же купчиха была в добром расположении духа, в доме было тепло, весело и уютно, то и дело раздавался детский смех, да и прислуге «дышалось» легче. Позже и Анна приноровилась, переняв привычку детей, исчезать, когда хозяйка была не в духе.

Другой частью противоречивой натуры хозяйки была вера во Христа, мирно уживающаяся с верой языческой. С одной

стороны существование единственного христианского Бога не подвергалась ей сомнению, с другой стороны не подвергалось сомнению и существование разного рода домовых, леших, водяных, чертей, вера в сглаз, порчу, заговоры и привороты, в общем, во все, что существовало в язычестве. Поэтому перекрестившись, она неизменно плевала через левое плечо для усиления эффекта. Кроме того купчиха принимала на веру, все то, что отвергал здравый смысл, но ставила под сомнения все, что имело научные доказательства, чем правдивее были факты, тем больше они вызывали в ней недоверие, но чем сильнее была ложь, тем больше было в нее веры.

Еще одной страстью купчихи Кузнецовой были всякого рода страшные криминальные истории, будь то грабеж среди бела дня, пропажа младенца или загадочное исчезновение жены ямщика, благо город был полон такими историями. Татьяна потчевала хозяйку ими с завидной регулярностью, с удовольствием смакуя самые страшные и душещипательные подробности. Купчиха не пропускала ни одной детали, охала, ахала, вскидывала к небу руки, а потом садилась обедать с удвоенным аппетитом. Правда к вечеру, двери и ставни закрывались пуще прежнего, а ночью ее неизменно начинала мучать бессонница, отчего она слонялась по дому как привидение, а Татьяна спешно заваривала то зверобой, то мяту, то ромашку, то еще какой успокоительный отвар. Назавтра хозяйка сказывалась больной и спала до обеда. Затем ругала

Танюшку, строго настрого наказывая ей не рассказывать более страшных историй, но не проходило и недели и все повторялось вновь.

Степан Михайлович же оказался именно таким, каким показался при первой встрече, грубоватым, неотесанным, властным, хитрым и лукавым дельцом. Казалось, если бы сам черт сел играть с ним в карты, то проиграл бы ему не только деньги, но и хвост с рогами. Главным смыслом жизни и единственным, что он любил искренне, трепетно и нежно были деньги. И если что-то нельзя было превратить в монету, то сие явление тотчас теряло для него интерес, надо отдать должное, любовь та была взаимна, деньги любили его не меньше чем он их, и словно сами текли к нему в руки. Второй любовью была игра в карты. Третьей – выпивка. И уж только четвертой женщины, хотя данное обстоятельство доподлинно неизвестно. Дом всегда был полон слухов, так что из рассказов прислуги Анна поняла, что предыдущая гувернантка-француженка, оказалось вовсе и не француженкой, отчего и была позорно изгнана из дома. Однако из города не уехала, а позже была замечена в Михайловских номерах, аккуратно в том месте, где располагалась одноименная ресторация и игорный дом, завсегдаем которого был Степан Михайлович, но и данное обстоятельство доподлинно неизвестно.

И хотя с Анной, Кузнецов был неизменно любезен, а дистанция между ними никогда не сокращалась, порой она ло-

вила на себе его тяжелый мужской взгляд. В те моменты она вела себя еще холоднее и чопорнее чем обычно, а взгляд ее был суров и недружелюбен. Еж, выпустивший иголка, пожалуй, в те дни и то выглядел добрее.

Что касается детей, то задача перед Анной стояла не из легких, не сказать, чтобы воспитание в семье Кузнецовых отсутствовало, но носило оно преимущественно фрагментарный и не системный характер. Если говорить попросту в семье царил вавилонский хаос. В чем не было греха – было под строжайшим запретом, чтобы следовало запретить – разрешалось, а то и поощрялось. Купец в воспитании был строг и суров, за столом, за отказ есть, поданное, мог и ложкой по лбу треснуть. Но к счастью для детей, дома он бывал редко и не по долгу, предпочитая находиться в конторе или находясь в разъездах по делам. А потому запреты существовали лишь до той поры, пока за ними следил отец. Вне его поля зрения ничто не мешало им проказничать и озорничать, как и положено детям их возраста.

Между собой сестры, родившиеся с разницей лишь в год, вели себя будто щенки с одного помета, без конца дразнились, щипались и толкались. Мир их никак не брал, когда же дело доходило до слез, отец строго кричал им: – Обнюхайтесь! Вы же сестры! – После этого целый день они ходили по дому, хоть и надувшись друг на друга, но соперничество прекращали, правда, лишь на время.

Вера, как и положено, в купечестве имела огромное зна-

чение. Но сам купец, хотя и соблюдал церковный обычай, и не пропускал ни одной службы, но молился по большей части для вида, мысли же заняты были делами мирскими.

Нередко на ужин или к обеду приходили гости, в основном купеческие жены. Мало кто из них был грамотен, так что нередко устраивали вечера с чтением вслух. Часто к Нине Терентьевне, навещавшая жена купца Сычева, испытывающая особую страсть к чтению книг зарубежных, но без разбора. Любила она и всевозможные иностранные слова, употребление которых в обыденной речи считала особым шармом. Значение же сих слов часто не знала, отчего употребляла их по большей части не к месту. Каждую неделю – новое слово фаворит. На этой неделе, например, было слово «иллюминация», его она употребляла ежеминутно, для связки слов в предложении или просто так, отчего и стол и обед и небо и пар в бане неизменно «иллюминировали».

Приходили в гости и к самому Степану Михайловичу, но не часто, пустые хлопоты он не жаловал, так что чести быть приглашенными, достаивались лишь крайне важные для него, а скорее для дела, люди. В те дни стол ломился, а хозяйка одевала свою самую лучшую, почти в человеческий рост, пуховую шаль, и редкий жемчуг, а гувернантку садили напоказ за пианино, как предмет гордости, атрибут достатка и благополучия.

Прошло лето, потом осень, наступила длинная сибирская зима. Мороз стоял такой, что и носа высунуть нельзя было,

минус сорок, да с ветром, Степан Михайлович уехал в Петербург, дома осталась лишь женская половина семьи. Скука была такая, что хотелось выть, читали столько, что к началу декабря перечитали все книги в доме, так что пришлось заказать в местном магазине новые, по специальному каталогу, много и подолгу играли в карты, так что рисунок на них затерся, а дама пик и вовсе, осталась без головы.

В эти дни Анна сильнее обычного тосковала по дому, и хотя письма от родителей, приходили неизменно, раз в месяц, этого было мало, как бы не была роскошна и сытна жизнь в купеческом доме, чужая семья никогда не заменит свою. Казенный дом, оставался казенным домом, чужие люди не стали родными. Она и в прежние времена, не очень любила праздники, именно в праздники, наваливались все тяжелые мысли, от которых в будние дни ты по обыкновению отмахивался, скрываясь за ворохом проблем. Порой, лежа в своей келье без сна, переворачиваясь с бока на бок, на узкой по-девичьи кровати, она думала о будущем, и мысль, что ей суждено вот так, состариться в заботе о чужих детях, в чужом доме в чужой постели, пугала и страшила ее. Но судьбу не выбирают, и она решила воспользоваться отцовским советом, смириться и постараться быть счастливой с тем, что есть, находя приятное в каждом моменте, в каждой минуте, в мелочах, что окружали ее: в крепком кофе по утрам, в чашке чая после полудня, в интересной книге, в голубом весеннем небе, в злом морозе, кусающем щеки, хрусте снега под нога-

ми – в самой жизни и в прелестях каждодневной рутины.

Подходил к концу декабрь. Как то воскресным вечером, в самый лютый мороз, когда все уже отчаялись дожидаться хозяина к рождеству и по обыкновению чаёвничали в гостинной, подпирая руками подбородок, лениво перекидываясь короткими фразами, дверь с треском отворилась, и в дом, на ходу стуча сапогами, отряхивая шубу и впуская холод, вошел купец. Шуба его стояла колом, борода покрылась снегом и инеем, щеки горели от мороза, а в руках он держал бесконечное количество коробок, мешочков и свертков. Нина Терентьевна сцепив руки от радости и волнения, тотчас бросилась помогать мужу.

– Степанушка, родной! Зачем же ты поехал в такой холод, ты же околеть мог в пути, что же ты не остался на станции, обождать, глядишь дня через два мороз бы и спал. Вот так сюрприз, а мы уже тебя и не ждали. Родной! – причитала и радостно сокрушалась купчиха, вытирая, невольно выступившие слезы, слезы счастья.

– Вот глупая, чего теперь о том говорить, коли жив и невредим. Лучше помоги снять шубу. И неловким движением плеч, пытаясь скинуть с себя верхнюю одежду, заснеженные коробки, уронил с грохотом на пол.

– Кузьма! Куда запропастился, неси из брочки еще коробки!

Дети радостно визжали от счастья, то подбегая к отцу, то к коробкам, крутились и вертелись волчком, не зная с чего

начать.

– Татьяна, подкинь еще дровишек, да ставь самовар, да неси чего покрепче, не видишь, хозяин взмерз, да ужин на стол, да поживее, – весело покрикивал он, стряхивая с себя подтаявший снег.

– Неси первым водочки, чаем то разве согреешься, – перебила, несущую самовар Татьяну купчиха.

Дети словно, замороженные северным сиянием, не отрывали глаза от вороха холодных и переливающихся от влажного снега разноцветных коробок и кульков.

Увидев горящие глаза детей, вопреки порядку, Степан Михайлович разрешил распаковать подарки до срока. Какой прок в правилах, если их нельзя нарушить. В одно мгновение клочья бумаги и блестящей фольги разлетелись в разные стороны.

– Принесите вон ту маленькую коробочку, которая выпала из свертка, – велел он старшей дочери.

По всей видимости, в ней хранилось, что то ценное и важное. Он гордо вручил ее жене: – Открой-ка, открой-ка, жenuшка моя. – Крестьянское косноязычие не давало ему возможности выразить переполнявшие его чувства красочно, как бы он того желал, так что предпочитал он их показывать скорее делом, а не словом.

Та, с благоговением взяла в руки подарок, быстро и поженски ловко, освобождая его от упаковки. На свет явился бархатный бордовый футляр, глаза ее в предвкушении тот-

час засверкали, и если потушить свет, то горели бы ничуть не хуже чем у черной кошки, что спала на печи. Радость осветила ее, она бросилась к мужу на шею, расцеловав его в обе щеки, а потом показала всем восхитительную бриллиантовую брошь. Купчика сразу сколола ею шаль, гордо вышагивая то туда, то сюда по гостиной.

Дочкам же достались две немецкие фарфоровые куклы, почти в человеческий рост. Одеты они были в кружевные платьица, и белые шелковые чепцы, и даже ноги и руки у них сгибались как у человека. Анна с завистью смотрела на это семейное счастье. Но большую зависть у нее вызывали те самые фарфоровые куклы. Как они были не похожи на ее куклы детства, из тряпочек и соломы, а то и вовсе из трех, связанных между собою, веток.

Грустные размышления прервал голос купца: – Анна, и тебе есть подарок, вот возьми сверток, – и он второпях протянул его ей.

Анна с опаской развернула упаковочную бумагу. Платок. Нежный, ласкающий кожу, невесомый, словно перышко, с черными пушистыми кистями и с выбитыми кроваво-красными маками. От радости и восхищения у Анны на мгновение перехватило дыхание. Никогда прежде и ни у кого, даже у самых богатых купчих она не видела платка такой красоты. Но мимолетное чувство радости остыло за секунду, словно жар, засыпали свежим снегом. Восхищение мгновенно сменилось страхом и тревогой. Так чувствовала себя серая шей-

ка, плавая по узкой полынью, когда из леса явилась лисица.

– Спасибо вам, Степан Михайлович, право не стоило. Не по статусу такой подарок. Она хотела было вернуть подарок и бесстрашно взглянула ему в глаза, намереваясь дать отпор. Но то, что она увидела в них, остановило ее, и промолчав, Анна прижала платок к груди.

На рождество пили шампанское, ели пастилу и яблоки, подавали рождественского гуся, и много чего еще, всего и не счесть. Все были счастливы, кроме Анны. Тревога поселилась в ее душе, словно холод, пробравшийся в тот день через дверь, да так и оставшийся там.

Она и сама до конца не могла понять почему, купец ни словом, ни взглядом больше не тревожил ее спокойствие. Она сама начала искать его взгляда, пытаясь понять его замысел, но не находила более ни одного проявления его греховных намерений, ни подтверждения своих страхов. Все было как обычно, но от этого ей становилось только хуже. Порой ожидание страшнее самого дурного.

После рождества, решено было идти в театр, Анна осталась с детьми, а купец с купчихой одевшись во все самое нарядное вышли в «провинциальный свет». Казалось все идет своим чередом без изменений. Изменилась она, навеки потеряв покой.

Всю неделю, при каждой возможности, Анна, делая вид, что следит за детьми, кидала опасливые взгляды на купца,

изо всех сил пытаюсь понять его мысли. Прожив здесь почти два года, она только сейчас по-настоящему рассмотрела его. Светло-голубые холодные колючие глаза, выгоревшие на солнце брови, светлые с рыжиной волнистые волосы, чуть ниспадающие на лоб, густая борода, крепкая фигура, словно вытесанная из березняка и широкие крупные руки. Теперь она не считала его уродливым, но и красивым назвать его было нельзя. Кроме всего прочего, было в нем что-то пугающее, какая то разрушительная сила, что-то дикое и необузданное. Его жесткость, скрытая за маской добродетели, вселяла в Анну скорее страх, нежели приятный трепет, который должен вселять мужчина в сердце барышне ее возраста.

Однако чем пристальнее она всматривалась в его поведение, тем меньше находила подтверждений своих страхов. Кажалось, он и вовсе перестал обращать на нее внимание. В итоге, Анна пришла к мысли, что все страхи не более чем плод ее воображение, учитывая ее впечатлительность. Недаром, даже в детстве, сказки со страшным сюжетом, пугали ее настолько, что и жар поднимался. А подарок, по всей видимости, всего лишь подарок, благодарность за те труды, которые она вкладывала в его детей.

Списав все на мнительность, она и вовсе успокоилась, дни сменяли ночи, а ночи дни, ничего не происходило, сердце погрузилось в привычную дрему, но все бывает до поры до времени.

Накал зимы потихоньку спадал, прошли крещенские мо-

розы, отгремели февральские метели. За окном пришла весна.

Кузьма, по привычке, так натопил в конторе, что и дышать было нечем. В последнее время он много курил, в перетопленном и без того помещении, дым стоял такой, что глаза жгло. Он подошел к окну и открыл его настежь, вдыхая всей своей мощной грудью свежий и влажный весенний воздух. Пахло растаявшим снегом, грязью, влажным деревом, потом лошадей и навозом. Знакомый запах жизни. Он первый раз за все это время испытал хотя бы подобие счастья, хотя последнее время его раздражало буквально все. Вот и сейчас глядя сверху вниз на своего приказчика, выходящего из брички, он испытал знакомое чувство ярости и раздражение, так что захотелось со всей силой дать ему по морде, как только тот переступит порог.

– Степан Михайлович, так весенняя распутица, вот гужевой транспорт и застрял, никак не успеть нам до конца апреля, Ваше степенство. Тут хоть по сто рублей извозчику давай, грязь стоит такая, что по шею затянуть может, лошади тонут, Степан Михайлович, ничего сделать нельзя, ждать надобно, – проглатывая слова, запинаясь, и без конца сглатывая слюну, оправдывался приказчик, сидя аккуратно, напротив купца.

Хотя Степан Михайлович и понимал, что тот говорит правду, но сдавать назад, вопреки здравому смыслу, не же-

лал. Ярость, бушевавшая в нем все это время и не находившая выхода, рвалась наружу. Он словно паровой котел, вот-вот должен был взорваться от перегрева. Встав в нетерпении из-за стола, немного походив взад, вперед, он не нашел ничего лучше как вновь сесть за стол, и закурить.

– Тут до меня дошли слухи, – пытливо посмотрев на приказчика, он продолжил, – шерсти продали триста килограмм, а на складах не достает четыреста, что ты мне на это скажешь, а, голубчик? – Грудь Копылова тяжело вздымалась, пот с него лился градом, отчего весь воротник и волосы взмокли, будто после бани.

– Степан Михайлович, – чуть заикаясь, начал объяснять тот второпях. – Так вы ведь и сами знаете, весы то куплены еще двадцать лет назад. И уж год как верный вес не показывают, мы прошлой весной как отгружать начали, так данное печальное обстоятельство и вскрылось. Так что, Степан Михайлович, не моя в том вина, ей Богу, ваше степенство, не моя. Это надобно Большакова вызвать, он на складах ответственный. Вот вам крест, – и чуть ли не кланяясь в пол, подобострастно перекрестился.

Но сие театральное представление, на купца должного эффекта не возымело. В гневе, мало кто мог его остановить. И хотя он доподлинно знал, что приказчик со ста рублей, пять в карман кладет, но обычно ничего против этого не имел. Знал он и что сам не без греха, оттого и к другим относился со снисхождением. Он ведь и сам когда-то начинал с ни-

зов, знал он, что без таких поблажек, воз торговли и вовсе не тронется, но сегодня, все шло не так, мысли путались, а здравый смысл молчал. Бушевала только ярость.

После сказанных невпопад слов приказчика, глаза его будто кровью налились. Тот хотел было уже встать со стула да бежать куда глаза глядят, но купец, как треснет кулачищем по столу, да как заревет во все горло, будто медведь разбуженный: – Стоять!!!! – У Копылова от этого со страху глаза и вовсе на лоб вылезли.

– Чтоб с весами или с чем там ты говоришь к завтрашнему утру разобрался и чтобы килограмм весил килограмм! – затем выждал паузу и уже спокойным, но не терпящим возражений голосом спросил: – Все ли тебе ясно, голубчик?

– Ясно Степан Михайлович, как же не ясно, все очень даже ясно, к завтрашнему утру все исправим, разрешите откланяться? – и, не дожидаясь разрешения, вылетел из конторы с такой скоростью, что даже трость с цилиндром забыл. А сила испуга была такова, что он за ними и до следующей недели не возвращался.

Гнев понемногу отпускал, бушевавшая ярость больше не клокотала в горле, хотя минуту назад он буквально давился ею. Но вот странность, легче на душе не стало, а на смену гневу, пришла горечь досады.

Вот уже который месяц его сжигала неизлечимая болезнь имя которой, да он и сам не знал как назвать эту болезнь,

слишком неподходящем ему казалось слово «любовь». Особенно это слово не подходило ему. Как так случилось, что в то светлое июньское утро он не заметил опасность. Он хитрый и осторожный хищник, попал в плохо замаскированный кроличий капкан. Как и год назад он помнил первую их встречу, и тот эффект который она произвела на него, а точнее отсутствие такового. И даже сейчас сравнивая ее невзрачную внешность с пышным цветом красоты его нынешней любовницы, он едва сам себя понимал. Да их и сравнить было нельзя, как можно сравнить тонкий хрупкий полевой цветок с яркой алой розой.

Но потаенная красота, скрытая в ней, была сравнима разве что с предметом искусства, созданным вне времени и пространства, гением природы, знающим толк в вечном. Линии и цвета так сложны и так новы, что смотришь на них первый раз и думаешь, ну что за «ерунда», но не уходишь и взгляд не отрываешь. Лишь отлучился на миг и вот, тебя вновь к нему тянет. Опять и опять, и ты в плену, ходишь по кругу, насмотреться не можешь, впитываешь каждую линию, изгиб, оттенок и полутон и свет и тень, пока не оказываешься в полной его власти, замороженный совершенным тобой открытием. Красота эта сокровенна и почти интимна, и ты боишься ее спугнуть. Словом, сильнее огня той страсти он не испытывал никогда.

Когда-то животное чутье, врожденный интеллект, хитрость и безмерная жадность позволила ему пройти путь от

шестнадцатилетнего оборванца, обитателя городских трущоб, грязных бедняцких кварталов, до богатейшего человека Сибири, с состоянием которому и Ротшильд бы позавидовал. Он безошибочно определял лучшее, в сотне ничего не стоящих вещей. За бесценок он ловко купил, проигранную в карты пьянчугой, золотоносную шахту, которая впоследствии, и принесла ему первые хорошие деньги. Торговал водкой в обход порядка, продавал пушнину, покупал шерсть в Монголии и Китае, втридорога продавая ее здесь, или вообще, отправлял за рубеж по баснословной цене. Все, чего он касался, приносило деньги, и даже толком не разбираясь в искусстве, мог с точностью определить, что имеет цену, настоящую, а что дань моде и бесценок. Вот и сейчас будто гуляя по берегу с галькой, нашел алмаз, и как любой делец, желал его заполучить первым, схоронить, а потом когда придет время, хвастливо выставлять, всем на зависть. Но вопреки обыкновению, алмаз не шел к нему в руки, а без конца выскользывал из пальцев, словно замороженный. Впервые в жизни, что-то, чего он желал, и к чему стремился, было ему не подвластно, и от этого бессилия, слепая ярость и досада одолевали его. Когда же за ужином, она сидела поодаль и вместе с тем так близко, ему и кусок в горло не лез. Семейная трапеза стала для него и наслаждением и пыткой. В любой момент, он с легкостью мог прекратить это, но не хотел.

Как то за обедам, купчиха начала сетовать, что цветок, который она каждый год садила на весну в одно и то же время,

по обычаю, расцветавший в марте, в этом году и в начале апреля, едва наливался в бутон.

– Степан, отчего так бывает? Разве ж мы с Танюшей его переставляли? Нет. Разве плохо поливали? Снова нет. Отчего же так бывает? – спрашивала она.

Степан Михайлович помолчал немного, помедлил, а потом сказал:

– Что ж, каждый зацветает в свое время, нужно набраться терпения и ждать, и результат с лихвой воздастся. – Его взгляд невольно устремился в сторону Анны, и встретился с ее черными как спелая смородина глазами. Он безошибочно прочитал в них и тревогу и смятение, будто попавшей в силки певчей птички. Смысл слов был понят ею верно. Прочел он в них и немой отказ, и это пришлось ему не по нраву. Он жил всегда по одному правилу, брал, что ему приглянулось, не заботясь о чувствах других, но ее неволить не хотел, и потому чувствовал себя как никогда растерянным, не зная как поступить, и в итоге решил: как поступит, так и будет верно.

Теперь вечерами, любуясь на ее прямую спину, когда с дочерью они в четыре руки весело играли на пианино, на то, как нежный локон ласкает ее ушко, на женственный изгиб бедер, на то, как грубая ткань пленит ее тело, как в такт музыки, она невольно наклоняет голову, будто грустный полевой колокольчик на тонком стебле под тяжестью утренней росы. Он задыхался от яростной страсти. В нем непримиримо боролись два противоположных желания – оберегать этот

дивный цветок или сорвать, раздавить и растоптать. Исход, зависел от нее.

Промучившись еще месяц, он принял решение. В конце концов, она такая же женщина как и все, не хуже, но и не лучше других. И если другие не устояли перед соблазнами роскошной жизни, не устоит и она. Надо лишь обставить все соответствующим образом, поступить хоть и деликатно, но решительно.

Этой же весной, как только пройдет распутица, он увезет ее в Петербург или даже в Париж, покажет роскошную жизнь, которую она могла бы иметь, находясь у него на содержание, уж он скупиться не будет, осыплет ее нарядами и драгоценностями, шампанское будет литься рекой. Не устояли другие, не устоит и она, ведь все мы люди, все мы из плоти и крови.

Потом он с досадой вспомнил, что совсем скоро должен прибыть его деловой партнер, смекалистый и перспективный молодой дворянин, выбравший для себя тернистый путь промышленника. Купец поморщился от того что намерения свои придется отложить до лета, но в конце концов, он ждал так долго, так что пару месяцев еще подождет, а уж терпения ему не занимать. Он мог месяцами ждать благоприятное время для совершения сделки, доводить до разорения и полной нищеты того, на чьи блага позарился, словно хищник, охотясь на свою добычу, не зная сна и усталости, наблюдая за ней из засады, пока расстояние между ними не сокраща-

лось до той степени, что лишь один прыжок разделял одного до сытного обеда, а другого до неминуемого конца. Оставшись довольным принятым решением, он в прекрасном настроении отправился домой, весело насвистывая простенькую фривольную песенку, услышанную вчера в кабаке.

Той весной, голова шла кругом, будто после хмельного. Оттаяв после долгой зимы, Анна чувствовала, словно она отряхнулась от долгой спячки, кровь с новой силой начала струиться под тонкой бледной кожей, окрашивая ее в нежно розовый цвет и наполняя жизнью. Так по весне оттаивает береза, а под тонкой белой корой, начинает струиться свежий прозрачный березовый сок. Сама себе она напоминала лошадку, застоявшуюся в стойле и уже год не видевшую сочной зеленой травы, хотелось промчаться по лугу, прыгать и лягаться, словом скинуть с себя сбрую и вырваться на волю. И хотя клетка была гораздо лучше прежней, все же оставалась клеткой. Как странно устроена мораль, – думала Анна, – если бы она сошлась с купцом дома, не было бы в том греха, ибо то, что происходит за закрытыми дверями, не подлежит осуждению, а вот ежели бы ее, встретили прогуливающейся в городе под руку, например, с привлекательным сыном кузнеца, то кривотолков было бы не избежать, она была бы покрыта позором, а то и вовсе изгнана с работы.

Полдень. Расположившись подле импровизированного

учительского стола, Анна неторопливо перебирала пальцами ткань на юбке, тогда как девочки, старательно, уткнувшись в тетради, выписывали буквы алфавита. Вид из окна, хотя не радовал, но уже вселял надежду, пока еще голый и грязный сад, скоро зацветет нежной черемухой, за черемухой тяжелые кисти сирени и воздушное облако яблонь. Из душных натопленных комнат они переместятся в сад. Мечты унесли ее в будущее, приятная истома разливалась по всему телу, она позволила себе расстегнуть, впивающейся в шею, жесткий ворот крахмаленной рубахи. Анна так расслабилась, отдавшись весенней неге, что забылась и не услышала стук шагов сзади и предательский скрип половицы, как вдруг, чья то тяжелая большая рука с огрубевшими пальцами по-хозяйски, легла ей на плечи, интимно, скользнув к обнаженной шее.

От испуга она не смела пошевелиться, когда же девочки повернулись и радостно закричали: – Папа! – и побросав тетради, кинулись к отцу, тот тотчас убрал руку, незаметно скользнув вдоль ее спины. Он радостно и как ни в чем не бывало, начал поднимать дочерей на руки, а потом и обеих сразу, кружа их словно на карусели.

Было весело всем, кроме Анны, лицо ее было белее снега. Все ее сомнения теперь рассеялись, сердце билось как у кролика, только что попавшего в капкан.

В тот день за ужином, Анна была тише обычного, хотя в присутствии хозяев она и раньше была немногословна, сего-

дня она и двух слов не произнесла за весь вечер. От домо-
чадцев не скрылась ни бледность ее лица, ни дрожащие ру-
ки, отчего Нина Терентьевна спросила, ни дурно ли ей, на
что та лишь отрицательно покачала головой, так и не проро-
нив ни слова.

– Через пару недель приедет мой деловой партнер из Пе-
тербурга. Покамест он остановится у нас, нужно подготовить
комнату для гостей, человек он важный, дворянин, да еще
и предприимчивый, в общем, встретить надобно будет его
со всем уважением, от него много что зависит для дела, он
меня должен свести с верными людьми, у меня, знаешь ли,
голубушка, – обратился он к жене, хотя раньше никогда не
обсуждал с ней дела, – какие горизонты открываются, доход
прошлых лет копеечным покажется, – хвастливо заключил
он, метнув взгляд в сторону Анны. Но та никак не отреаги-
ровала, тогда, как глаза купчихи лихорадочно горели жад-
ным блеском.

Анна едва ли слышала о чем говорят за столом, поглощая
еду не для того, чтобы утолить голод, а скорее чтобы не вы-
звать подозрения, в голове ее мысли крутились словно ше-
стеренки машины, ища выход из незавидного положения, в
котором она оказалась.

Как же она была изумлена, когда тем же вечером после
ужина, она вновь, лицом к лицу, столкнулась с хозяином. Ка-
залось, устав выжидать, он перешел в наступление, и теперь
не успокоится пока не получит свое. От гостиной до ее ком-

наты шел длинный темный коридор, в тот вечер ей пришлось вернуться, потому что в смятении чувств она забыла свое шитье, в руках была лишь керосиновая лампа, тени причудливо плясали на стенах, образуя затейливые узоры, воображение щекотало и без того напряженные нервы.

Анна не сразу заметила, что не одна, темная фигура, скрытая от света свечи, притаилась подле двери, будто поджидая ее. Вдруг тень начала двигаться, Анна едва не выронила все из рук и тихонько вскрикнув, отпрянула назад, упершись спиной в стену. Желтый огонек тревожно задрожал, грозясь и вовсе предательски погаснуть, тени на стене зловеще извивались в такт биения ее сердца и дрожи в руках, то был воистину дьявольский танец страха.

– Анна, неужто ты меня боишься? – чуть хрипло спросил Степан Михайлович, приблизившись на полшага. Свет падал таким образом, что его большая фигура, выглядела угрожающе огромной. Темнота скрывала лицо, ей видны были лишь его горящие словно угли глаза. Разыгравшееся, подстегиваемое страхом, воображение, рисовало образ не человека, а черта из преисподней.

– Нет, не боюсь, просто задумалась, и не увидела вас, от того и напугалась, и ночь такая черная, разве с такой ночью тягаться маленькому свету, – скрывая дрожь, сказала Анна, с трудом приходя в себя и обретая самообладание.

В голове промелькнуло воспоминание как давно, в те дни, когда она еще жила в своем родном городе, возвращаясь

поздно от Лаптевых, ей преградил дорогу, огромный злобный пес. Он скалился зубами, а его горящие глаза были точь в точь словно угли. Почувяв ее страх, он стал напористо теснить ее, отрезая от дороги, уводя подальше от домов. Но чутье подсказало ей, что чем сильнее страх, тем слабее и беззащитнее она перед опасностью. Как только она взяла себя в руки, и дала отпор, схватив первую попавшуюся палку, и устрашающе потрясла ею, рассекая воздух, пес сразу поджал уши, попятился, заскулил, а потом и вовсе убежал.

Так и теперь, по наитию, Анна почувствовала, что единственное оружие, которое сейчас ей подвластно, это смелость.

Степан Михайлович тихонько рассмеялся, глядя на всю эту напускную браваду и уже мягче сказал: – Не хотел напугать тебя, Аннушка. Разве ж я смогу тебя обидеть, – сказал он, приближаясь еще на полшага, – только не тебя, – с этими словами он ласково провел ладонью по ее лицу, скользя вдоль подбородка. Контраст между его устрашающим видом и нежностью в голосе, хотя и смутил ее, но едва ли смог обмануть.

– Мне пора, Ваше степенство, час поздний, я совсем из сил выбилась, сегодня занимались грамматикой, а грамматика деткам, знаете ли как тяжело дается. Так что с вашего позволения, и доброй Вам ночи, – и ловко вывернувшись из его рук, не дожидаясь ответа быстрым шагом, скрылась за дверью своей спальни.

Степан Михайлович постоял еще минуту, прислушиваясь к тишине за дверью, потом ухмыльнулся сам себе в ночи и тяжелой походкой удалился.

В ту ночь, Анна не только закрыла дверь на засов, но и подперла стулом, а лежа в постели, твердо решила, завтра же попросить расчет и с первым экипажем отправиться домой.

Но у жизни были свои планы. На следующее утро пришло письмо:

«Милая наша Аннушка, любимая наша доченька. Как ты там поживаешь?»

Матушка каждый день о тебе вспоминает, и поутру когда встает, и за обедом, и когда свечу на ночь зажигает, и в каждой мысли и в каждом слово о тебе доченька, о тебе.

Я тут немного приболел, но ты Аннушка, понапрасну, не беспокойся за нас, приходил лекарь, выписал лекарство, и мне сразу полегчало, правда из гимназии пришлось уйти, но это не беда, нам с матушкой на жизнь хватит, вот курочек по осени продадим, так что голодными не останемся, а ты у нас пристроена, так что беды в том не будет.

Каждый день Лаптеву за протекцию, а Кузнецова за заботу благодарим, и в жизни и в молитвах вспоминаем, ты же знаешь, время сейчас тяжелое, смутное, место доброе и не найти, тем более для девушки хотя и образованной, но бедной.

Будь милая моя покладистой, да прилежной, помни что

смирение, лучшее из добродетелей. Знаю как тяжело тебе милая доченька моя, но мы с маменькой стареем, скоро от нас и вовсе проку не будет, ты одна у нас останешься, надеяться тебе не на кого, кто же о тебе позаботится, если не семья купеческая, а так ты и не одинока, и в тепле, и в сытости, и в безопасности, в доме уважаемом, при деле благородном, под защитой хозяйской.

Знаю милая, нрав твой прямой, да непокорный, только помни, правдою, доченька, сыт не будешь, да и крыши из нее над головой не сколотишь.

В общем, береги себя милая наша доченька, молимся за тебя с маменькой, Благослови тебя Господь».

Твои любящие отец и мать.

Горькая правда жизни легла на сердце тяжелым камнем. Стало быть, домой дороги нет. Анна не могла и не хотела тревожить родителей, как рассказать им об опасностях, которые скрываются под сенью благопристойного купеческого дома, какие демоны обитают в добродетельной семье. Как бы не была тяжела эта ноша, другому ее не передашь. Ах, если бы в ней было чуть больше дерзости, уверенности в себе и внутренней свободы. Она чувствовала себя словно птица с подрезанными крыльями. К чему нужны крылья, если на них нельзя летать. С самого детства ей внушали чувство долга, терпения и смирения, так что спустя годы Анна совсем позабыла, кем была раньше. Теперь она была соткана сплошь

из одних лишь правил и долга. Ведь бывают же люди, находясь и в гораздо бедственнее положение, в лаптях, а то и во все с босыми ногами, едут за новой жизнью, не боясь, ищут свой путь, отчего же у нее нет сил поступить так же. Столько лет, она пыталась быть хорошей дочерью, смиренной компаньонкой, тихой гувернанткой, что теперь уже и не помнила ту девочку, что летала в мечтах и готова была свернуть горы, дойти хоть до края света. Жизнь отшлифовала ее, как вода камень, сделала маленькой и гладкой, словно галька, верно чтобы другим в руке было удобно держать. Вот только какая скала мечтает стать галькой? Столько лет она прятала свои желания в глубине души, чувствуя себя недостойной даже малого. Взять хотя бы Танюшку, даже она, пожалуй, была счастливее и свободнее, прежде всего свободнее внутри, хотя и находясь по статусу ниже. Годы послушания парализовали ее волю, она и помыслить не могла, послушаться родителей, купца, старушку, чьей компаньонкой она была так долго, доставить им хлопот, сверх тех, которые доставляли им сам факт ее существования. Растворяясь в нуждах других людей, она и забыла, что ее собственные желания чего-то да значат. Спрятав их на глубине души, она закрыла за ними дверь, на большой амбарный замок, а ключ схоронила. Она так боялась всех огорчить, что готова была терпеть любые тяготы, лишь бы не разочаровать или не причинить им боль, во что бы то ни стало оправдать надежды, которые они на нее возлагали.

Словом, она так часто поступала, как того хотят другие, так что и забыла, каково это поступать так как хочет она. А разучившись, слушать свои желания перестала понимать, чего она хочет.

Анна знала, несмотря на борьбу между долгом и желаниями она и теперь поступит так как того требуют обстоятельства, а скорее так, как того требуют от нее другие. Что толку быть трижды правым, если тебя никто не слышит.

Пять лет назад он был в этих краях. Как мало времени прошло и как много изменилось в его жизни, он словно смотрел на себя со стороны, благо русские дороги так длинны, что за время путешествия можно проанализировать не только всю свою жизнь, но и распланировать все свое будущее. Впрочем, он был рад маленькой, но передышке, время, ушедшее на дорогу из Петербурга в N-ск, как раз то, что ему было необходимо, чтобы все обдумать.

Тот визит запомнился ему и тем, что сразу после его возвращения умерла его матушка. В тот день все изменилось. Необремененный ни финансовыми, ни какими либо другими заботами, уроки жизни, он вынужден был постигать экстерном. Приказчик, которому безоговорочно верила его мать, погубил все, что не смог украсть. Удивительно, как эта властная и проницательная женщина, не доверявшая ему, своему родному сыну и рубля, слепо доверяла такому плуту и прохвосту как их приказчик. И хотя он скорбел всей ду-

шой, как и должно скорбеть сыну по своей матери, но все же испытывал чувство вины, осознавая, что в потаенных уголках своей души, он испытывает также чувство глубочайшего облегчения, словно он все это время нес, непосильную ношу на своих плечах, ношу неоправданных надежд своей матери. Она не была жестока, и никогда он не слышал от нее грубого слова в свой адрес, однако же, никогда не забывала указать его недостатки, неизменно рассуждая о пользе критике и о вреде похвалы. Ее педантичность душила и угнетала, а уж в хорошем настроении он ее и не видел. В итоге в последние годы их общение свелось лишь к сухим приветствиям, коротких разговорах о погоде, природе и ее здоровью.

Однако когда ее не стало, все то, от чего он бежал, обрушилось на него с удвоенной силой, одиночество, поместье, долги. За год он повзрослел так, как не повзрослел за все двадцать пять.

Время диктовало новое правило игры, управлять поместьем так, как делали до него отцы и деды, не представлялось возможным. Петь с цыганами, гоняться за прислугой, да играть в буриме, теперь стало непростительной роскошью. Капитализм диктовал новые правила игры. Перезаложив все что мог, а все что не мог перезаложить – продав, на оставшиеся деньги он приобрел текстильную фабрику. Он вовремя осознал, что с его связями и положением, находится, в гораздо более выгодном положении, нежели купцы, начинающие свой путь с самых низов, с другой стороны, его воспи-

тание, манеры и моральные принципы, скорее мешали ему, нежели помогали. Поэтому пришлось быстро учиться, менять тактичность на вероломство, честь на хитрость, расточительство на бережливость, а о доброте и милосердии и вообще забыть.

Теперь, по сибирским размытым дорогам, ехал уже не юноша, созерцающий дорогу, любующийся березой, собирающий сухоцветы в альбом и пишущий роман о неразделенной любви, а ехал мужчина, поглощенный тяжелыми мыслями, который хотя и смотрел по сторонам, но больше для вида и если спросить его, что видел он по дороге, то он и не вспомнил бы.

В мыслях он вернулся к предстоящим делам. С купцом Кузнецовым его свел видный петербургский промышленник Свиридов, представил его как человека надежного, умного, знающего толк в торговле, но при этом предостерег, что тот по-сибирски диковат и сумасброден. Впрочем, какой купец, со скуки, сидя у себя в провинции, на мешке с деньгами, не учиняет время от времени разного рода сумасбродства. Однако же, несмотря на то что, Иевлев и Кузнецов отличались ровно на столько, насколько отличаются промышленник от торговца, они быстро сошлись, поймав новый капиталистический импульс, объединенные общей страстью зарабатывать. И хотя время было смутное и не спокойное, и буквально, в прошлом письме Кузнецов сетовал на черносотенные погромы, прокатившихся по городу, все же в том же

письме уверял, что лучшего времени для дела не найти, как говорится «рыбу руками ловить легче в мутной воде».

Он приехал на неделю раньше своего нового приказчика, и, воспользовавшись гостеприимством Кузнецова, решил пожить у него. Много планов было на эту поездку, Николай хотел лучше понять рынок шерсти и пушнины, посетить золотые прииски, сибирская золотая лихорадка и в нем, человеку рассудительном и не азартном, не смогло не пробудить интерес. Может, стоило, и туда вложить деньги. Мысли одна смелее и грандиознее другой, будоражили и возбуждали его, он словно гончая почувствовавшая азарт охоты, готов был хоть сейчас ринуться в схватку. Сидя в бричке, он испытал такой прилив жизненных сил, что едва смог усидеть на месте, в пылу чувств не выдержал и крикнул извозчику с юношеским задором: – Эх, ты, какой нерасторопный, А ну поторопи лошадей, а то так и к ночи не успеем! – а потом смущенно засмеялся, устыдившись своей мальчишеской выходке.

В тот день, в начале весны, Нина Терентьевна, прихватив с собой детей и Анну, в качестве помощницы, решила отправиться за покупками в Пассаж. Правда, в весеннюю распутицу, добраться до него было не так-то просто, и это при том, что он находился в самом центре города. Чуть сойдешь с деревянных настилов, и ноги в грязи. Но разве это может смутить женщину, когда ей нужны наряды. Покупателями Пас-

сажа были лишь самые зажиточные жители города, так что Анне оставалось лишь просто глазеть на все это великолепие, впрочем, она и в этом находила особое удовольствие. К слову сказать, главный пассаж N-ска был и правда восхитительно красив, чего только стоили газовые фонари, деревянные лакированные лестницы и гипсовые перила. Все приказчики в том пассаже выглядели как столичные щеголи, всегда аккуратно и с лоском одеты, по новой моде причесаны и напомажены. Мальчишки посыльные, с коробками и свертками ловко шныряли тут и там, не задевая, покупателей. Оказавшись внутри, Анна благоговейно вдыхала запах женских духов, ткани, свежего дерева – то был запах благополучной жизни, жизни, частью которой она не являлась. И если даже так случалось, что и она совершала покупки, а случалось это крайне редко, и то только лишь тогда, когда вещь изнашивалась до дыр. Но и в эти минуты, она чувствовала, будто берет жизнь напрокат, словно она лишняя, в этом мире, созданном для людей благополучных и с достатком.

Чего в этом магазине только не было, а прислуга так любезна и угодлива, словно расшаркиваться перед богачами было для них не только необходимостью, но и радостью.

Выбор был огромный, ткани, готовые платья, шляпки всех цветов и фасонов, парфюмерия, редкое французское мыло, а если даже чей то взыскательный вкус, не найдет что искал, были английские и французские каталоги, где любую вещь, можно было привезти на заказ, и даже не утруждать

себя походом в магазин, мальчики посыльные принесли бы их прямо на дом.

Смысл же пребывания Анны, сводился к контролю над своими двумя воспитанницами, чтобы не шалили в магазине, стояли смирно, громко не разговаривали, и вообще не мешали маменьке. Она с тоской смотрела, как купчиха примеряет пару тонких атласных, облегающих, словно вторая кожа, перчаток, а эти элегантные пуговички до самого локтя. Посмотрев на свои тонкие длинные нежные пальчики, заключенные в плен дешевой потертой ткани, Анна с досадой, но не без злорадства, подумала, что вряд ли такие элегантные перчатки, будут ладно сидеть на квадратных крестьянских руках Нины Терентьевны. Как же все в жизни, право слово, не справедливо устроено. Анна разочарованно осознала, что ничто человеческое ей не чуждо, и что увы, она не так идеальна как ей бы того хотелось. Постыдное чувство – зависть, жалило больнее осы. Сколько бы она не воспитывала в себе добродетель, не пестовали и не лелеяла ее внутри себя, она оказалось такой же, как все, не хуже, но и не лучше других.

А купчиха была расточительна, как никогда, к перчатками присоединились и банты, и хлопковые чулки для девочек, и много разных женских премудростей. Всего было и не счесть.

А как смотрел на купчиху приказчик, ссутулившись в три погибели, заискивал, угодливо и подобострастно что-то лепетал, предлагая то одно то другое. Глядя целый час на его

неестественную позу, выражающую крайнюю степень раболепства и низкопоклонничества, Анна физически, начала чувствовать боль в пояснице.

Как только все купленные вещи были упакованы, подбежал мальчик-посыльный, и, не смотря на свой небольшой рост и худобу, ловко подхватил все свертки, коробки и конверты и понес их в стоящую подле входа бричку.

Какие удивительно взрослые у него глаза, – подумала Анна, – будто, прожившего долгую жизнь мужчины, на этом детском еще сохранившем младенческую припухлость лице, а ведь всего лишь на пару лет старше ее подопечных, а какая бездна между ними. Да, бедность, заставляет взрослеть раньше, – с горечью подумала Анна, жалея не то себя, не то мальчишку.

Наконец, поход в магазин подошел к концу, все что нужно и не нужно было куплено, пора было возвращаться домой. Дома их уже должен был ждать и самовар и горячий ужин, как же это чудесно быть барином в своей жизни, – с нарастающим раздражением подумала Анна, глядя украдкой на купчиху.

Но как только они переступили порог дома, к ним подбежал запыхавшийся и взмыленный словно, проскакавший сто верст на лошади, Кузьма и опасно косясь на испачканные сапоги, оставляющие на чистом полу комья свежей черной грязи, затараторил: – Барыня не велите ругаться, Ваше степенство, Степан Михайлович, стало быть, велел вам пе-

передать, как можно быстрее, так что я из конюшни напрямиком к вам, – и снова оглянулся на грязь, – велено передать, что сегодня пожалуют гости, со всей своей значимостью, сказано барыня, чтобы ужин особый подавали, такой будто бы именины у вас, второй раз за год наступили. – Произнося все это, Кузьма продолжал опасливо оглядываться, а носком сапог, старался тихонько загнать грязь под находившийся неподалеку комод. Танюшка, стоявшая неподалеку, прозорливо увидела этот почти цирковой трюк и погрозила Кузьме кулаком. На что тот глуповато, но миролюбиво, улыбнулся. Анна, от чьего взгляда не укрылась, разворачивающаяся в гостиной трагикомедия, сама чуть не прыснула от смеха, но вовремя спохватившись, вновь приняла чопорный и важный вид.

Анна вспомнила, что еще месяц назад, велись разговоры о приезде некоего важного гостя, но тревоги и волнения прошедших недель, так заполнили собой все ее мысли, что даже значимые события стали казаться несущественными.

Гремят посудой, взбивают подушки, метут пол. Прислуга спотыкается, толкает друг друга, кругом беготня, шум, крик, ругань – дом вверх дном. Собственно так бывало всегда, когда мирный сонный и неторопливый уклад провинциальной жизни, нарушался приездом непрошенных и незапланированных гостей. А уж если эти гости были желанными и статус имели важный, то дом становился похож на вавилонскую

башню, где работа хоть и шла быстрым ходом, но мало кто понимал что происходит, кто чем занят и кто какие команды отдает.

Давно было пора ужинать, но привычный ход жизни был нарушен и в чинной позе, в своих лучших нарядах всех усадили на диван, аккуратно, не по росту, а по возрасту: маменька, гувернантка и дети. От запахов, доносившихся с кухни, голова шла кругом, а животы сводило от голода. Анна с трудом сдерживала раздражение, вынужденная сидеть как истукан битый час. Привычный и размеренный ритм ее тихой жизни был нарушен, а главное во имя чего или кого? Будь не ладны эти господа.

Наконец, послышался стук копыт, скрип колес, и мужские голоса. В комнату вошли трое мужчин, купец со своим приказчиком и высокий незнакомец. Мужчина был одет в великолепно скроенный черный сюртук с меховым воротом и темные в тон брюки.

Его образ был элегантен, но рафинирован, словно идеальная картинка с обложки журнала, помещенная не в то время и не в то месте. На его фоне купец в своей привычной косоворотке и цветастом жилете, с неизменно расстегнутой, после плотного обеда пуговицей, не говоря уже о его приказчике, в до неприличия запыленном сюртуке, с устаревшими широкими отворотами, выглядели попросту нелепо.

Первым делом мужчина любезно и с учтивостью поприветствовал хозяйку, голос его был низкий, но приятный, с

легкой хрипотцой, будто с мороза. Стоявшая позади Анна, видела лишь его широкий разворот плеч, спину, туго обтянутую в ладно скроенный сюртук, да затылок темных волос. Но видя восхищенный взгляд хозяйки и ее глуповатый и растерянный вид, она едва сдержала пренебрежительный смех. По реакции купчихи стало понятно, что гость тот ослепительно хорош.

Оживленная компания, наконец, сдвинулась с места, незнакомец повернулся и обвел комнату скучающим взором, скользнув мимоходом по лицу Анны, дежурно поприветствовав ее, пробежал глазами дальше по комнате, как вдруг на его лице отразилось недоумение и конфуз крайней степени, а точнее ужас. Казалось, что гуляя по песчаному пляжу босыми ногами, он неожиданно наступил на что-то настолько острое, что едва не лишился ноги. Его взгляд медленно вернулся к лицу Анны, выражая и удивление, и ужас, и смущение и все эти чувства сразу. Но к своему счастью и к счастью Анны, быстро взяв себя в руки, одел непринужденную улыбку, переключил свое внимание вновь на хозяйку и купца, без конца осыпая их, изысканными и щедрыми комплиментами сверх меры.

Лицо Анны же было белым как полотно, сердце колотилось с такой силой, что готово было выпрыгнуть из груди. Ей пришлось пальцами вцепиться в бархатное изголовье дивана, чтобы не упасть без чувств. Не было сомнений, это был он, Николай Иевлев. За пять с лишним лет, с той послед-

ней встречи, он хотя и сильно изменился, но не до той степени, что его было бы невозможно узнать. И хотя его нижнюю часть лица теперь скрывала утонченная бородка, губы венчали пышные каштановые усы, а вокруг губ и глаз залегли глубокие морщины, без сомнений это был он. В его темно карих глазах, не было больше юношеского блеска и света, скорее сумрак и усталость. Он заметно похудел, лицо осунулось, и в целом Николай выглядел старше своих лет. Но некоторые вещи были неизменны, волосы по-прежнему были чуть длиннее, чем того требовала мода, а уголки губ при улыбке надменно приподняты. Что же время пошло ему на пользу.

Пожалуй, теперь он ей казался еще красивее, чем тогда, потому что тогда она восхищалась им с девичьей наивностью, а теперь оценивала его мужскую красоту со зрелостью женщины.

Взяв себя в руки, Анна с горечью напомнила о тех уроках, которые преподнесла ей жизнь. С тех пор мало что изменилось, она по-прежнему гувернантка, а он все тот же господин. Велика цена разочарования, когда на миг, поверишь, что в жизни возможно все. Напомнив себе, что единственное, что ее ждет это тихая и неприметная жизнь, в этом ли доме, или в другом ли, вечно служить хозяевам, пока старость и болезни не скрючат ее и не лишат сил, превратив в злую, брюзжащую старуху, не знавшую мужского тепла и ласки. Как ни странно, эти горестные мысли отрезвили ее,

хотя бы на время.

Пора было садиться за стол, пышно накрытый с истинно русским гостеприимством. Тут тебе и стерлядь паровая, и уха костровая и мясные пироги, неизменно подававшиеся к первому блюду, вместо хлеба, жаркое из утки, и модное в то время желе, хотя и на провинциальный манер, сделанное из лесных ягод, ну и конечно самовар чая. Ничто не развеет тоску лучше, чем сытный и вкусный ужин.

Больше Анны, этой встречей был удивлен, пожалуй, только Николай. Несмотря на то, что прошло немало лет, он безошибочно узнал в ней ту девушку, со странными кудрями похожими на руно барашка. Впрочем, судя по вспыхнувшему в ее глазах гневу и негодованию, узнал ее не только он. За гневом, как ему показалось, он уловил и толику женского восхищения, впрочем, он мог и ошибаться. По всей видимости, мимолетное знакомство, случившееся в прошлом, несмотря на свою краткость, врезалось не только в его память, но и ее.

Теперь же сидя за столом, он мог детально ее рассмотреть, тем более что взор она не поднимала, отчего ему видны были только полумесяцы ее пушистых ресниц. Девушка на конце стола, была знакомой незнакомкой. Черты ее лица были вполне узнаваемы, однако же, вместе с тем новы. Ушла девичья угловатость, цвет лица был нежен, а щеки розовыми как только что распустившиеся пионы, впрочем, румянец мог быть вызван и гневом, бурлившим в ней как игристое,

от столь неожиданной и нежеланной встречи.

Волосы были собраны в тугой узел, придавая ей излишнюю строгость, в купе с наглухо застегнутым у ворота темно-серым платьем. При всей аскетичности и простоте почти монашеского наряда, оно невероятно шло ей, оттеняя нежную девичью кожу, придавая образу изысканную утонченность и драматизм. Вела она себя тихо, и даже покорно, однако за твердой спиной и чуть поджатыми губами, безошибочно угадывался твердый характер и титаническую работу, по подавлению гнева в себе. Весь этот образ кроткой гувернантки был скорее результатом невероятных внутренних усилий, нежели что-то само собой разумеющееся, может оттого-то он и был особенно хорош.

В общем, она была чудо как хороша, хотя может он слишком долго провел в пути или на него так действует это богом забытое место. В прошлый раз она хотя и показалась ему весьма занятой, но едва ли он находил ее привлекательной. Что ж, для этого места, она и впрямь была слишком хороша, да впрочем, она была слишком хороша и для гувернантки. Но если он, человек пресыщенный, и не обделенный вниманием женщин, нашел Мисс Чопорность привлекательной, хотя сие слово и не точно охарактеризовало ее, настолько незаурядна и необычна была ее красота, значит, и Степан Михайлович не мог не заметить этого. Почему то эта мысль, пришедшая к нему, откуда ни возьмись, дурно отозвалась где-то внутри, словно никуда не годный стационарный зав-

трак. Он перевел взгляд на Кузнецова, и его крупное красное лицо, потом на милую пташку в сером платье, потом вновь на него. Уж не любовники ли они. Едва ли этот хитрый лис устоял перед соблазном. От этой мысли ему и вовсе стало тошно, а симпатия к купцу стала сменяться чувством стойкой неприязни.

К счастью все эти странные мысли были прерваны купчихой:

– Николай Алексеевич, вы в наших краях впервые, я так понимаю? – спросила Нина Терентьевна.

– О, нет, нет, бывал в N-ской губернии лет эдак пять-шесть назад, точно и не припоминаю (хотя точно помнил и год, и даже месяц, а может быть и день), правда в N-ске был проездом, путь мой лежал в уездный город Б. Я там гостил у моего друга Цебрикова, кстати сказать, также купеческого сына. Эх, чудное выдалось лето, я вам скажу, воздух, природа, доброе гостеприимство, у нас в северной столице, такого радушия уже и не сыщешь.

– Правду, правду говорите Николай Алексеевич, только в сибирских городах и сохраняются русские традиции. Мы, хотя и в ногу со временем идем, но старое доброе не забываем, – поддержал разговор купец.

– Бывал в доме купчихи Лаптевой, имел честь познакомиться с самой Надеждой Григорьевной, чудная женщина, хочу я вам сказать, а какая предприимчивая, не каждый мужчина, имеет такую деловую хватку, уж я теперь-то пони-

маю, находясь так сказать в том самом деле.

– Батюшки! Какое совпадение! – изумился купец, – Анна Тимофеевна, как раз работала в доме Лаптевых, собственно говоря, ее стараниями и по ее рекомендации, а она, к слову сказать, является родственницей моей дражайшей супруги, мои дети получили воистину прекрасную наставницу. Вклад Анны Тимофеевны в воспитании детей неоценим, ей Богу, неоцени-и-и-им, – протяжно растягивая слова, заключил купец, он хвастался Анной, словно трофеем, гордо простирая руку по направлению к ней, в каждом его жесте, в каждом слове было собственничество. Все, что было в том доме, движимое или недвижимое, живое или неживое, было не отчуждаемо и принадлежало ему всецело. Азь есмь Бог в своем доме, – вот что говорил язык его тела.

– Спасибо, Степан Михайлович, боюсь вы меня переоцениваете, девочки воспитаны и прилежны, что мне, право слово, остается совсем мало работы, разве что довести до совершенства их и без того прекрасные манеры, – Анна и сама не поняла откуда взялась такая разговорчивость и даже дерзость, тогда как уместнее было бы гувернантке в ответ лишь промолчать, а если и поблагодарить то кратко, одним-двумя словами. Этот несносный дворянин действовал на нее не лучшим образом, вскрывая в ней совсем не лучшие качества, которые не следовало показывать никому, особенно с учетом ее социальное положение.

– Действительно, мир тесен, а вы знаете, мы, кажется,

даже встречались! – сказал он, будто отчаянно, пытаясь ее вспомнить. – Позвольте, позвольте, – начал он, словно изо всех сил напрягая память, так что даже театрально потер виски, – Точно, точно, на пикнике, были приглашены я, Анатоль, и две восхитительнейшие дочери Лаптевой.

Купец весело заулыбался, а вот Нина Терентьевна, веселье мужа не разделила, расположение к гостю таяло так быстро, словно утренний туман.

– Анна Тимофеевна, поправьте меня, если ошибаюсь, не вас ли я встречал у Лаптевых? – он и сам не знал, как его занесло в прошлое, как чудом сохранившийся желтый лист в саду давно увядших воспоминаний. Бешеная муха укусила, не иначе. Чего вдруг он начал фривольно донимать гувернантку, вот и хозяйка не довольна. Благо Степан Михайлович в добром расположении духа, но ежели гувернантка его любовница, а он своими вопросами, невольно оказывает ей знаки внимания, не далеко и его благодушие потерять. А он сейчас в таком материально стесненном положении, такими долгами обзавелся, что терять вот так из-за пустяка, из-за мужской блажи, делового партнера – непростительная роскошь. Надобно не забывать, когда бес вновь начнет его путать, за плечом нашептывая дурное, что все что он имеет, заложено, перезаложено, а что не заложено – вложено в текстильную фабрику, которая без нужного сырья, не более чем груда металла. Но что значат доводы рассудка, ей Богу, пустое, его уже несло словно на санках с ледяной горы.

– Нет, не встречались, – резко сказала Анна, – У меня прекрасная память, особенно на лица. Я бы непременно вас запомнила, ежели когда либо встречала, в этом уж будьте уверены, – сказала она, с вызовом глядя ему прямо в глаза. От кроткой и незаметной гувернантки не осталось и следа.

Разговор был исчерпан. Он должен был быть рад, что ситуация, разрешилась, наилучшим образом, но отчего-то почувствовал досаду. Однако ж настаивать дальше было бы не только неуместно, но и неприлично, и поэтому он перешел на другую тему разговору, на сей раз, в избытке расточая комплименты Нине Терентьевне, отчего та, не заставив себя долго ждать, сменила гнев на милость, и была вновь очарована галантностью и любезностью петербургского гостя.

Этим вечером хозяева с гостем сидели допоздна, мужчины курили, выпивали, вели разговоры деловые и не только, из гостиной то и дело доносился хохот, то громкий и роко-чуший – верно Степан Михайловича, то женский и высокий – Нины Терентьевны, по всей видимости, Иевлев развлекал и веселил их. Гувернантка же не член семьи, так что ей оставалось лишь, прислонившись к двери, с завистью прислушиваться к доносившемуся смеху. Казалось, уставшая за сегодняшний вечер до изнеможения, Анна, должна была уснуть в тот же миг, как только голова коснется подушки, но нет. Сон не шел, в сотый раз она переворачивалась с бока на бок. Образ Николая, воспоминания и события сегодняшнего вечера, разговор, его близость, все это внесло в душе, такую

сумятицу, разворошило, казалось бы, давно перегоревшие угли чувств и воспоминаний. Но было в том и хорошее. Пока Николай оставался у них, купец вряд ли возобновит свой натиск. Пока Николай рядом – она в безопасности. Эта мысль успокоила и принесла ей хрупкое умиротворение. Усталость взяла свое, наконец, сон одолел ее. Ей редко снились сны, спала она всегда крепко и безмятежно, так спят только дети и безгрешные души. Той ночью же сон был тревожен, снилась река, с темной, почти свинцовой водой. Она затягивала Анну в свои черные, как гладь зеркала, воды, уносила все дальше и дальше от берега. Все что ей оставалось это лишь сдаться на милость течения и дать ей поглотить своими темными глубинами ее брэнное, податливое и покорное тело.

Резко проснувшись от того что тонет, Анна долго не могла понять, что есть сон, а что реальность, сердце бешено колотилось в испуге. Четверть часа понадобилась, чтобы прийти в себя, дотронуться до кровати, своих волос, губ, лица, понять, что все находится там же где и должно быть, а сама она в полной безопасности. Едва занимался рассвет, вставать было слишком рано, но сон больше не шел. Умывшись и наскоро одевшись, она выскользнула из своей спальни. Она так любила рассветные часы, когда все еще спят, а она может побыть наедине с собой, со своими мыслями, летом выйти в сад, благо сад у купца был волшебный, особенно по весне, когда зацветала черемуха, сирень и яблони. И любимое место в саду, схороненная в его глубине – деревянная бесед-

ка. Пройдя в гостиную, она ожидала встретить Танюшку, та вставала обычно еще раньше и готовила к хозяйскому завтраку стол. Как вдруг от увиденного, она резко остановилась.

Откинувшись на диван и закинув ногу на ногу, пил чай и читал газету Он – виновник ее дурного сна и ночных кошмаров, последний человек на земле, которого бы она хотела видеть в это утро. Она как можно тише, стараясь остаться незамеченной начала пятиться назад вглубь коридора, но деревянный пол предательски скрипнул в самый неподходящий момент. Он тотчас, будто все это время был начеку, повернул голову, как раз в ее направлении. Их взоры скрестились словно шпаги. От его пронзительного взгляда, не скрылся страх, словно пойманного воришки, отразившийся на ее лице. Он еще секунду не отводил взор, затем отложил газету и с улыбкой, как ни в чем не бывало, поздоровался: – Доброе утро, Анна Тимофеевна. Не желаете ли ко мне присоединиться. Я как видите, с пяти утра на ногах, в гостях, знаете ли, сплю не лучшим образом, причем с детства, благо гостить приходится не часто, – весело произнес он.

– Доброе утро, – сухо ответила Анна, не без зависти, оглядывая его безупречный костюм и цветущий свежий вид. Как это право несправедливо, что человек занимавшийся возлияниями полночи, и едва ли спавший больше трех часов, мог выглядеть так прекрасно, в противовес ей, правильной и добродетельной, а чувствовавшей себя так дурно, словно это она грешила всю ночь.

– Я надеюсь, Вы не станете возражать, ежели я за вами поухаживаю? – любезно спросил он, – Чайку Анна Тимофеевна? Может кофе?

Анна настороженно посмотрела на него, помедлила, а потом отчеканила: – Гувернантка хотя и не прислуга, но и не ровня господам. Уж вам то, Ваше Благородие должно быть сие известно. Негоже, барину, гувернантке чай с кофе подавать. Неужто, верно выписанная из Англии, наставница вас этому не научила?

С притворным удивлением он воскликнул: – Как Вы проницательны! – и нисколько не обращая внимания на ее протесты, начал разливать чай. – Ее звали Мэри Джейн, она и впрямь была англичанкой, не знаю уж, выписали ее специально для меня, или так нашли, до нас кем-то выписанную, сколько же ей тогда было лет, может тридцать, а может меньше, ну да не важно, главное мне тогда казалось, что дама она очень зрелая. Муштровала она меня, скажу я вам, – и он, задумался, будто пытаюсь подобрать верные слова, но так и не найдя их, продолжил:

– Пожалуй, и в казармах распорядок дня свободнее, а эти прогулки по утрам, в потемках, взад, вперед, по кругу, взад вперед, по кругу. Я за свое детство, ей Богу, на всю жизнь нагулялся, отчего вы думаете, я сегодня так рано встал? Дцать лет прошло, а муштра английская до сих пор мне снится. Во сколько бы я ни лег, подъём в пять утра. Так что с тех пор, признаюсь честно, от слова «гувернантка» меня в дрожь

бросает, – и он лукаво засмеялся.

Чем сильнее, Анна хотела казаться неприступной, тем быстрее, под чарами его обаяния, разрушалась воздвигнутая ею крепость. Внутренний голос твердил, что не стоит терять бдительность, все господа поначалу так любезны, в особенности, когда им что-то надобно, но горе тому, кто поверит в это. А уж она-то знала, что он не был исключением, в прошлом это знание ей дорого обошлось, когда в силу юности, неопытности, и наивности, поверила этим медоточивым речам. Сколько же боли приносит взросление, и как чудесно, что это время прошло. Ни за какие блага мира, она бы не согласилась проходить заново уроки жизни.

– Но боюсь, вчера все мое представление о гувернантке, как о сущем детском кошмаре, было разбито вдребезги, и Вы тому виной, Анна Тимофеевна, ах, если бы у меня в юности была такая гувернантка как вы, – сказал он, с нарочитой любезностью, передавая чашку чая.

– Удивительно, как переменчивы эти господа, сегодня в восторге от чего-то, а завтра уже и выносить этого не могут, а то наоборот. Боюсь, постоянство – не доступная вам добродетель. Только, девушке моего положения, верить господам – непозволительная роскошь.

– Разве ж не наоборот? Разве же умение признавать свои ошибки не признак добродетели? Глуп тот человек, чьи мысли и суждения не меняются с годами. Зачем отчаянно держаться за ложные суждения, лишь из желания казаться пра-

вым? – спросил Николай, примирительным тоном.

– Мысли, меняются, люди – нет, – грубо отрезала Анна.

– И мысли меняются и люди меняются, а точнее жизнь меняет людей. Но некоторое время, я буду вынужден оставаться здесь, так что меньше всего мне хотелось бы нажать в лице вас врага, – с этими словами Николай взял сигарету, и закурил, дым начал заполнять собой гостиную, придавая их разговору загадочность и почти интимность, – А знаете ли, – продолжил он, – индейцы, в знак примирения, закуривали трубку мира. Я как видите, уже закурил. А вы?

– А я не курю, – отрезала Анна, с громким звоном, поставив чашку на стол. Она уже собиралась покинуть гостиную, когда он вновь остановил ее.

– Анна Тимофеевна, вы словно мстительный гусь, к которому и руку то протянуть боязно. Стоит совершить лишь маленькую оплошность, зерна ему, например, не доложить, или еще чего, как он полжизни потом будет вам мстить, гоняться за вами и пытаться ущипнуть.

Анна опешила, услышав, в свой адрес столь резкий выпад, после долгого и любезного танца примирения. Но, не успев все хорошенько обдумать, ответила: – Значит я мстительный гусь? Помнится, в прошлый раз, я была черствой горбушкой хлеба, что ж вы на редкость постоянны, хотя и битый час пытаетесь мне объяснить иное. – Ответ выдал ее с головой. От злости на свою несдержанность, она начала хватать ртом воздух, словно рыба, выброшенная морской волной на берег.

Его глаза сузились, а от дружелюбия не осталось и следа. – Выходит не такая уж и плохая память у вас. Для барышни, столь ревностно соблюдающей мораль, и столь нетерпимой к чужим прегрешениям, не пристало ли быть такой злопамятной? Верно значит сказано: Чем белее ангелы за плечами, тем чернее демоны в душе.

От услышанного, щеки и лицо Анны окрасились красными, словно гроздья осенней рябины, пятнами гнева.

– Ах, как горят огнем ее щеки, верно в цель попал, – не без злорадства отметил он, при этом довольно улыбаясь.

Так и не найдя что, ему ответить, словно, красноречие покинуло ее по какой то магической причине, Анна разъярённо повернулась на каблуках, и вылетела из комнаты с такой скоростью, что юбка и занавески на окнах раздулись, словно паруса наполненные не ветром, а яростью.

Позади раздался веселый и громкий хохот.

Вот так маленькая злючка, – подумал он, крайне довольный собой, что в словесном поединке, смог одержать маленькую, но победу. Та-а-а-ак, т-а-а-ак, выходит пребывание в этом Богом забытом месте, окажется не таким уж и скучным, и хотя за ним не водилась привычка, ухлестывать за прислугой, он решил, что здесь и сейчас он простит себе эту шалость. Что ж дикие места, дикие нравы, стало быть, и вести себя здесь можно по дикому, правила поведения джентльмена здесь не действуют. Надо только убедиться, что объект его интереса, не является объектом интереса другого охотника.

А то не ровен час и самому стать косулей.

И хотя совесть пошевелилась где то в глубине души, словно червячок прогрызая сердцевину яблока, он заглушил ее, напоминая себе, что муки совести, по своей сути бесплодны и разрушительны, прежде всего, для самого человека, испытывающего их. Муки совести, не более чем душевная ржавчина и являются скорее порождением слабости, нежели свидетельствуют о высоких моральных принципах, потому как сильный человек, не совершает поступков, после которых ему приходится мучиться, а совершая их, принимает результат со всей должной ответственностью, не испытывая совестливого малодушия. Покончив с деструктивными чувствами, к нему вновь вернулось доброе расположение духа.

Что касается Анны, то большую злость и ярость, она, пожалуй, и за всю жизнь не испытывала. Какой же он ничтожный человек, низкий, подлый, без совести и чести, – негодовала она, расхаживая то назад, то вперед. Изумленные воспитанницы, бросив чистописание, удивленно устремили взоры на взъерошенную и разъярённую, как кошка, гувернантку. В таком настроении они не видели ее еще никогда. До конца урока оставалась всего минута, стрелка часов, застыла в одном шаге от долгожданной свободы. И когда пробило ровно пять, молниеносно, бросив все книги и тетради, девочки кинулись на выход, едва не роняя друг друга.

Анна же, в мыслях, была так поглощена, почти военными баталиями с Николаем, что едва ли заметила огрехи пове-

дения своих воспитанниц. В мыслях она перебирала сотни колких замечаний, реплик, язвительных фраз, парируя воображаемые вопросы и задавая свои, обескураживая его, нанося удары острым словом, словно рапирой точно в цель. Словом к ужину, она подготовилась так, что готова была отразить любое его нападение, каким бы ловким и красноречивым дуэлянтом он не был. Гнев и ярость, лучшее топливо для костра ненависти. Ей нужен был реванш.

Разочарование постигло ее, когда за ужином, он не только ни слова не сказал ей, но даже не взглянул в ее сторону, словно ее и вовсе не было. Кровь бурлила в ней, словно забродившее варенье, как быстро сладость чувств, стала горькой на вкус. Выходит, она зря репетировала предстоящий разговор. Вот и чудесно, теперь этот высокомерный самовлюбленный мужчина, оставит ее в покое, но радости от слов сказанных самой себе, она не испытала. А в конце ужина и вовсе отчаявшись, приуныла, грустно гоняя овощи из стороны в сторону по тарелке.

Николай искоса посмотрел на задумчивую Анну, пригорюнившуюся в конце стола. Как все-таки прав был Пушкин, «чем меньше девушку мы любим, тем больше нравимся мы ей», – толи с радостью, толи с досадой подумал Николай.

Ужин подошел к концу, в саду было еще слишком холодно, так что вечером вновь остались в гостиной. В этот раз, Нина Терентьевна, попросила ее остаться, в качестве компаньонки, и чтобы не сидеть без дела, а больше для отвода глаз,

обе с чинным видом взяли шитье. Мужчины, открыв бутылку хереса, решили играть в штосс.

К Лаптевой гости часто приходили играть в карты, особенно в долгую сибирскую зиму. Так что Анна, была знакома со всеми правилами игры, не хуже участников, наблюдение со стороны, дает так мало, но вместе с тем так много. Однажды шулера поймали на обмане, что за скандал был тем вечером, впрочем, какая карточная игра обходиться без обмана. Есть занятия, словно созданные для определенного рода людей, как мед создан для пчел, или пчелами, впрочем, не важно. Приличному ведь человеку разве захочется в такое играть, – подумала Анна, глядя как ловко купец прометывает колоду то влево, то вправо. Впрочем, вопреки ее ожиданию, Николай, скорее выигрывал, нежели наоборот. Что ж, еще один аргумент, в пользу того, что приличного в нем мало, – подумала Анна.

Свечи догорели, херес был допит, хозяева разбрелись по спальням, Николай откланялся и тоже исчез, Анна, немного задержалась, убирая рукоделие, тусклый свет тревожно дрожал в задымленной гостиной. Надобно открыть окна, – подумала Анна. Голова кружилась в душной и жаркой комнате, как вдруг в конце коридора, появилось пламя свечи и раздались глухие, но решительные шаги. Уж не мерещиться ли ей это, – тревожно подумала Анна, – должно быть Татьяна решила вернуться и открыть окна, а может чего забыла.

– Татьяна, ты ли это? – шепотом позвала Анна, взгляды-

ваясь во мрак. Вдруг свеча в коридоре погасла, но звук шагов был ближе и ближе. Нет, то была не Татьяна, она ступала мягко, с легким шелестом юбок, словно кошка на мягких лапках. – Татьяна!?! – уже с испугом, позвала Анна. Она подняла свечу высоко над головой, чтобы увидеть кто идет, как вдруг сзади почти над ухом раздался низкий мужской голос: – Мне и уговаривать вас не пришлось прийти на тайное свидание, аккурат, ровно в полночь.

Анна резко повернулась на звук голос, подняв свечу на высоту вытянутой руки, словно в ее задачу, входило, не просто осветить ночь, а разогнать призраков, притаившихся в ней.

– Да не подожгите же меня, ей Богу, – уворачиваясь, рассмеялся Николай.

– Так это вы, несносный человек. Я пришла вовсе не на тайную встречу, я вернулась убрать... ай, да не важно, негоже мне перед вами оправдываться. А вот в ваши добрые намерения верится с трудом, зачем вернулись? – спросила Анна, воинственно поднимая свечу еще выше, освещая лицо, будто на допросе в царской канцелярии.

– Замечу, я ни слова не сказал о своих добрых намерениях, хотя что есть добрые, а что есть злые, порой не легко разобрать, все, знаете ли, в жизни относительно. Но вообще, я забыл портсигар, – сказал он, весело сжимая его в руке, – стало быть, мы встретились вполне случайно, хотя случайные встречи, не случайны, и часто важнее тех, которые долго

планировались.

– Может вы и правы, только вот не все случайности, забота Божья, что если они идут от дьявола, и задуманы с одной лишь целью, сбить нас с пути праведного.

– Не думал, что вы так религиозны, – опешив, удивленно заметил он, – да перестаньте же держать свечу подле моего лица, – поморщился он, тактичным движениям отводя ее в сторону, – меньше всего хотелось бы лишиться скудной растительности на своем лице.

Смутившись, Анна, отступила немного назад, – нет, я совсем не религиозна, просто не все встречи и случайности, происходят нам во благо, вот что я имела ввиду. Не назидания ради, мной были сказаны эти слова. Боюсь, люди, часто не правильно истолковывают меня.

– Я вас понимаю, – с улыбкой, чувственно прошептал он, и наклонился ближе, словно пытался разглядеть ее, сквозь тусклый свет свечи.

Ее глаза были точно у испуганной косули, зрачки, почти закрыли радужку и казались чернее самой темной ночи. Грудь ее от волнения тяжело вздымалась, так что он ощущал ее легкое дыхание на своем лице.

В одну секунду меж ними все переменялось. Она больше не смотрела на него с прежней враждебностью, в ее взгляде было любопытство и что-то еще, что-то что он и сам когда-то чувствовал, но утратил, а с годами позабыл.

Так в полной тишине, укрытые безлунной ночью, они

молча стояли друг против друга, не то изучая, не то любуясь, как вдруг Анна рассмеялась, и дотронувшись ладонью до груди Николая, мягко отстранила его. Он молниеносно, перехватив ее ладошку, крепко сжал в своей руке и прижал к груди, там где его сердце гулко билось.

Испугавшись не то быстроты жеста, не то его интимности, она тотчас же отдернула руку, словно коснулась живого огня.

Ему и самому было теперь не до смеха, но уже по другой причине.

– Простите, я не должен был.

Воцарилась неловкость, пришедшая так быстро на смену почти интимной близости.

– Забудем, верно, херес тому виной, – прошептала Анна, едва ли веря своим словам.

– Да, тому виною херес, – покорно согласился Николай, хотя уж ему ли было не знать, что едва ли за весь вечер он выпил и полбокала. Но это объяснение, как нельзя лучше, усыпило ее тревогу.

– Право мне пора, зажгите же свечу, я совсем не хочу, чтобы вы убились в потемках, – назидательно проговорила Анна, чувствуя себя опять уверенно в образе строгой гувернантки, помогавшей ей скрывать чувства, и оберегать себя от окружающего мира. Так было спокойнее.

– Благодарю, и доброй Вам ночи, Анна Тимофеевна.

– Доброй ночи Николай Алексеевич, – и сотканная, словно из света и тени, Анна скрылась в ночи.

Он постоял недолго, погрузившись в мрачные мысли и неясные чувства, но ни в том, ни в другом не разобравшись, отправился спать. Что ж, к утру магия верно рассеется, – подумал он, – ведь магия влюбленности и раньше случалась с ним нередко, но отчего то загрустил, ведь кому же хочется расставаться в жизни с чудесами.

На следующее утро, вопреки обычному нежеланию выбираться из постели, Анна, встала легко и просто. Мир, словно из черно-белого превратился в цветной. Все кругом стало ярче, пение птиц громче, а запахи с кухни слаще. Подойдя к окну, она прильнула щекой к холодному стеклу и мечтательно закрыла глаза, сердце будто пело в груди. Сегодня перед зеркалом она провела времени чуть больше обычного, вместо тугого аскетичного узла, волосы завязала в пышный валик, выпустив кокетливо несколько прядей у виска и изгиба шеи. Еще вчера, казалось, она ненавидит его, с наслаждением пестуя обиду, но девичьи чувства так непостоянны, словно гроза в июньский день, все прошло, едва начавшись, как будто и не было никакой обиды, и в небе и на душе засияло солнце.

Разбудив девочек, Анна, второпях, помогла им одеться, и попутно объявив, что утренних занятий не будет, повела их на прогулку. Скороговоркой объяснив, что ничто не располагает к знанию так, как свежий утренний воздух, отправилась с ними в сад. По правде сказать, холодный утренний воздух был нужен только ей. В голове все смешалось, а ще-

ки горели огнем, ей необходимо было побыть одной и разобраться со своими мыслями и чувствами.

Для нее и самой, стало неожиданностью, как быстро она простила его, и хотя она убеждала себя, что она поступила по-христиански, и что нет нужды держать камень на сердце, ведь и добрый человек может совершить плохой поступок, равно как и дурной, способен на благородство и самоотверженность. Но сердце то знало, что ни вера, ни христианское всепрощение, ни великодушие здесь не причем, и что сердце охотнее прощает того, к кому благосклонно, тогда оно найдет и доводы, и аргументы, и оправдания.

В будничных заботах прошел день, близился вечер, то возвышенное чувство, с которым она встала утром понемногу растворилось, она так жаждала встретить его, что тревожась весь день, казалось, перегорела до срока, словно слишком короткий фитиль. Подали ужин, но ни Степан Михайлович, ни Николай не пришли. Появился Тихон, с посланием к Нине Терентьевне, «мол, так и так, их степенство с гостем не ждать к ужину, оне решили отправиться в увеселительные заведения, подчевайтесь без них».

После этих известий Анна совсем приуныла, все что она надумала с утра, теперь с ясностью виделось не более чем плодом воображения. Настроение, словно качели, вот еще минуту назад воспарили вверх, а вот падают на скорости вниз. Ее однообразная жизнь, была так скудна на события, эмоции и чувства, что теперь, когда появился лишь малей-

ший повод, все что дремало в ней, заложенное природой, грозило вырваться наружу, не взирая ни на что и сметая все вокруг. Она слишком долго хоронила себя, скрывая мысли и чувства в туго зашнурованном корсете и застегнутом на все пуговицы платье, будто в чулане. Она как музыкант, чья скрипка, пролежала в пыльном футляре так долго, что он позабыл, как на ней играть.

Обессилов от тревожных мыслей, она решила поступить так, как поступала всегда, вверить себя в руки судьбы, и пусть река событий либо вынесет ее целой и невредимой на берег, либо утопит в своих холодных темных водах, как во вчерашнем сне.

В тот вечер, отобедав в ресторации, и находясь в приличном подпитии, Степан Михайлович, его приказчик Копылов и Николай Алексеевич, решили продолжить гуляния в трактире, благо он находился, аккурат, через два дома, как раз рядом с Михайловской ресторацией. И вот уже не лощенные официанты в шелковых перчатках встречают господ, а половые в засаленных рубахах и грязных передниках. Николай до отвращения не хотел ехать сюда, но Кузнецов был непреклонен, к тому времени он уже находился изрядном подпитии, впрочем, как и его приказчик, словом, компания гулять лишь начинала, следовательно, отказать им было до крайней степени неприлично. Усевшись за свободный и «чистый» стол, Николай едва оперся на него, как тотчас пожа-

лел, лацканы его пальто так и прилипли к поверхности. Чистота, не то качество, за которое любили трактиры. Но атмосфера была лихая и непринужденная, так что он, находясь в крайнем предубеждении, волей неволей начал проникаться весельем, и той разнузданной бесшабашностью, что царила вокруг. Публика была разношерстная, тут тебе и громко горлающие рабочие, и уже совсем пьяная компания золотоискателей, по всей видимости, пришедшая спустить все, что заработала за месяц адским трудом. Были и господа, впрочем, не слишком прилично одетые, по крайней мере, так показалось Николаю. Может картежные шулеры или еще какой сброд, выдающий себя за господ чинных. Музыка, дым и шум в трактире стояли такие, что право и говорить не было никакой возможности, только орать да пить.

Не успели они сесть, как к ним тотчас подбежал половой, паренек лет пятнадцати-шестнадцати, не по годам хитрый и изворотливый. Еще будучи в другом конце зала, приметивший состоятельных господ среди всякого разного люда и бежавший обслужить так быстро, что дважды ударился на бегу об стол, впрочем, глаза его горели монетой так, что он того и не заметил.

– Чего изволите Ваше степенство, Ваше благородие, – обратился он сначала к купцу, явно зная его в лицо, потом к остальным, без конца кланяясь и расшаркиваясь.

Решено было пить анисовку, а из меню, чего церемониться, гулять так гулять, стало быть, взяли всего и на пробу.

Принесли огромный бутыль анисовой водки и три почти чистых стакана, щи, сало с огурцами, соленые сибирские грузди, кулебяку, холодные закуски, рыбу и мясо копченое, и неотъемлемый атрибут трактирного меню – заливное. Правда, оно, пожалуй, из всех восхитительно пахнущих блюд, было самым неаппетитным, серого почти землистого цвета, скользкое и дрожащее, и больше напоминающее морское чудище, выброшенное приливом на берег, нежели нечто съедобное. Только вот это блюдо, в отличие от других, отчего то с завидным постоянством было обласкано публикой, и представлено, во всех заведениях, будь то фешенебельная ресторация или самый грязный трактир.

Мысли же Иевлева ходили по кругу, о чем бы он не начинал думать, возвращался он неизменно к мыслям о ней, ее лицо в свете тусклой свечи, и мягкий шепот, глубина темных матовых как бархат, глаз. Верно тому виной волшебный свет, он давно заметил, что при свете свечи или костра, все приобретает пленительную загадочность. Без сомнения то была игра света и тени, именно она сыграла с ним злую шутку, надо лишь дождаться завтрашнего утра, и взглянуть на свои чувства при свете дня, наверняка магия рассеется без следа.

Пока Николай вел себя отстраненно и предавался мыслям любовным, разговор снова зашел о деле:

– Есть, у меня тут идея, Николай Алексеевич, мы, с Александром Петровичем, уже это обсудили, – и он жестом

указал на своего пьяненького приказчика, который уже не то что дело обсуждать не мог, но и на стуле то сидел с трудом, – хотелось бы мне и ваше мнение полюбопытствовать.

– Удивительно, – подумал тот, – ведь купец пьян, не мог быть не пьян, после такого то количества выпитого, вот и лицо красное как арбуз, а глазки стали еще меньше, словно арбузные косточки, а о деле говорит здраво, и речь четкая, лучше трезвого. Это способность пить и быть в ясном разуме, так восхищала Николая в сибирских мужиках.

– Помимо шерсти, которую мы договорились до Петербурга доставлять, часть на фабрику, а часть, Порфирию Никоноровичу продавать, что до трехсот тысяч годовых нам принесет. Но не суть дела. Есть у меня такая идея, разумеется, без вас, Николай Алексеевич, его было бы трудно, так сказать, до ума довести, надобны связи определенные в министерстве путей и сообщений Петербурга иметь, ну и в Таможне, разумеется.

– Я немного знаком с помощником начальника округа, так что ваши размышления на верном пути, Степан Михайлович, только вот в толк не возьму, к чему вы клоните. Знаю только что идея верно добрая, вы, Степан Михайлович, человек дела, на пустую мысль, и время тратить не будете.

Купец засмеялся, явно польщенный комплиментом, и продолжил: – Торговать шерстью от N-ска до Петербурга, много ума не надобно, купить здесь, продать там, это всякий дурак сможет, а вот сделать так, – и он взяв рюмку с анисов-

кой, поднял ее высоко над столом, подержал немного в воздухе, да как поставит с грохотом позади тарелки, попутно расплескав все содержимое. И указав на тарелку своим большим толстым пальцем, гордо произнес: – Вот, Америка. Тут уже триста тысяч царских превратятся в три миллиона! Но без... сами знаете кого, и сами знаете чьего... участия, дальше Ладоги и не уйдем. А если продавать, не только шерсть? У нас, знаете какой сурок? Мягкий, гла-а-а-адкий, – и он провел ладошкой по поверхности стола, словно поглаживая мех, – здесь он сущие копейки, а там, вот где золото, под ногами лежит, а не там где эти дуралеи ищут, – и он презрительным взглядом, обвел группу золотоискателей, – чего его на глубине искать, вот оно лежит, под ногами, бери да продавай. Пока англичане с французами из под носа не увели.

– Я вас понимаю, Степан Михайлович, но как говорится не все так просто, и не все так быстро, но мысль хорошая, право слово, хорошая. Я подумаю и дам вам ответ, и ежели, все пойдет так, как задумано, по прибытию я тотчас, вам напишу, – ответил Николай.

– Знал я, Николай Алексеевич, что вы человек здравомыслящий и предприимчивый, в тот день, в салоне у Виктории Павловны, сразу понял, сработаемся.

Все трое засмеялись, окрыленные общим делом и жадной наживы. Возможности, открывающиеся перед их взором на горизонте, будоражили и опьяняли сильнее анисовки. Азарт и кураж, вот топливо для горнила торговли.

Порешав дело с пользой для всех, решили заказать еще анисовки. Разговор как водится в подпитии, зашел о дамах.

Пьяный приказчик, хвастаясь, рассказывал, как приуладрил за местной исполнительницей романсов, пусть и провинциальной, но все-таки певицей. Кроме того увел он ее прямо перед носом у старого генерала Корнеева, и что дескать подарки то она принимала от генерала, а вот расположение досталось ему. Во что признаться, верилось с трудом, если учесть, какой неказистый и глуповатый вид был у рассказчика.

Тем временем, шла третья смена блюд. Подали речного судака на пару.

– Не желаете ли, господа, отведать голову? – спросил купец, и когда все отказались, пододвинул блюда себе поближе. Одной рукой, придерживая скользкую голову рыбыны, двумя пальцами правой руки, ловко извлек огромный рыбий глаз и отправил целиком прямо себе в рот, медленно пережевывая и смакуя, едва ли не закатывая глаза от наслаждения. – Знаете ли, господа, невероятнейший деликатес, нежнейшие глаза, я вам скажу, и с этими словами занялся остальными частями головы.

Какая редкая пренеприятность лицезреть эдакое, ну что за дикарь, как в средневековье глаза руками выколупывает. В этой варварской расправе, было все, что ему хотелось и не хотелось знать об этом человеке. Не стоит ему дорогу переходить, – размышлял Николай, с трудом подавляя при-

ступ тошноты, благо никто не заметил, что он стал полотняно-бледным от дурноты.

– Но знаете где еще, деликатес? – спросил купец, затем выждал паузу и продолжил: – У меня дома, прямо перед самым носом, – он театрально обвел глазами, сидящих в недоумении мужчин и наконец, торжественно заключил: – Анна Тимофеевна!

Николай, после этих слов, едва не поперхнулся анисовкой. Значит, вот как обстоят дела, этого то он и опасался, ну что ж, хорошо, что сие обстоятельство стало известно сейчас, а не тогда, когда было бы уже слишком поздно.

– И хотя пока, удача не на моей стороне, замечу только пока, – продолжил тот, – видно, что барышня, по вине, видимо своего батюшки, чрезмерно рафинирована, слишком много читает, слишком много думает, да слишком мало знает. Все гуляет в саду, природой любит, да в облаках витает, хотя годков то уже не мало, не мало-о-о. Ну да ладно, с ней я более чем терпелив, господа, натура она возвышенная, стало быть, и подход должен быть особый. Но как говорится, всякому терпению приходит конец, более ждать я не намерен, этим же летом увезу ее в Петербург или в Париж, в конце концов, девица, она и есть девица, две шляпки, два платья, и... – и он засмеялся, подмигивая мужчинам.

Несмотря на то, что Николай, никогда не считал себя знатоком человеческих душ и уж тем более женских сердец, не много ума было надобно, чтобы понять, хотя девицы она и

есть девица, да не все девицы одинаковы. С ужасом перед его взором в одном потоке картин пролетело нежное лицо Анны Тимофеевны, и то, как купец, выдавливал глаза судака своими большими красными пальцами.

Наконец, вечерняя трапеза с возлияниями подошла к концу, и уже за полночь, нетвердой и шаткой походкой, будто боцманы на палубе, мужчины отправились по домам.

Готовясь ко сну, из головы Николая никак не шли образы сегодняшнего вечера, в частности слова купца об Анне Тимофеевне. В нем боролись два человека, один говорил, что его это не касается, в конце, концов, это не первая несправедливость, мимо которой ему приходится проходить смолчав. Сколько раз, в богатых салунах, на балах, в грязных трактирах, или просто на улице, он был немым свидетелем разного рода несправедливости или даже бесчинств, и хотя никогда не принимал в них участия, не потворствовал, не подстрекал и не поощрял на то других, однако же, и не вмешивался, для восстановления справедливости. Всю жизнь он исходил из того, что судьбы других людей его не касаются, и что в жизни так много зла, что нет более бесполезного занятия, чем начать с ним бороться. Этого принципа он придерживался и по сей день, с чего же тогда его менять сейчас, тем более что меньше всего ему хотелось потерять союзника в лице купца. Он ведь так отчаянно нуждался в деньгах. Другая же часть его, не допускала, даже мысли о том, что с Анной Тимофе-

евной может случиться что-нибудь дурное, а ничего доброго из затеи купца и не могло случиться, это он знал точно, как знал он и то, что вопреки доводом рассудка, он непременно поговорит с ней, предупредит ее, в конце концов, даст совет, хотя его о том и не просят, а уж там ей решать, вернуться ли в дом к отцу, либо принять бесчестное предложение Степана Михайловича. И хотя спасти ее не его забота, предупредить ее он обязан. С этими мыслями и чистой совестью он крепко уснул.

В то утро, муки вчерашнего дня, показались Анне сущей нелепицей. Она посмотрела на события прошлых дней ясным взглядом и трезвым умом, и поняла, что все это не более чем плод ее воображения, право же всему виноваты книги, если с детства читать столько художественной литературы, сколько читала она, невольно, простые события начинают обретать тайный смысл, напоминая хитросплетения сюжета бульварного романа. В тот день, она намерена была судить обо всем что, происходит или произойдет, беспристрастно, как если бы события происходили не с ней, а с кем-то другим, а она лишь наблюдала со стороны, подвергая все что происходит критическому анализу. Так поступать будет верно.

Но увидев его, все обещания были забыты, все вернулось на круги своя, она испытала ту самую эйфорию и надежду на взаимность, от которых пыталась избавиться или убежать, уж как получится, мысли исчезли, остались лишь чувства. В

гостиной в то утро был лишь он, да Танюшка, накрывающая стол к завтраку, Нина Терентьевна со Степан Михайловичем еще не спускались.

– Доброе утро, Анна Тимофеевна.

– Доброе утро, Николай Алексеевич, – ответила Анна, стыдливо отводя взор, но затем, спохватившись, что они не одни, торопливо добавила, – Доброе утро, Танюша. – Та в свою очередь, что то буркнула и удалилась, бросая косые взгляды то в сторону Николая, то в сторону Анны.

Оставшись наедине с ним, она не знала, стоит ли ей присесть на диван, или может лучше и вовсе удалиться до прихода хозяев, но не выдаст ли она бегством своих чувств, не будет ли это выглядеть малодушно, как если бы ей было что скрывать. И не найдя ничего лучше, чем встать подле окна, Анна начала беспрестанно оглядываться в сторону лестницы, проверяя, не спускается ли к завтраку Степан Михайлович с женой. Николай тотчас же встал с дивана и начал расхаживать по комнате, сложив руки за спиной. Делать вид, что она его не замечает, становилось все сложнее и сложнее. Анна слегка отодвинула штору, посмотрев на улицу с таким увлечением, будто там происходило что-то настолько интересное, сравнимое разве что с цирковым представлением. Больше всего она боялась встретиться с ним взглядом.

– Анна Тимофеевна, вы верно, заметили там что-то интересное, разрешите полюбопытствовать, что привлекло ваше внимание? – спросил он, подходя ближе.

Она вздрогнула, будто ее застали на месте преступления, и резко опустив штору, встала как солдат по стойке смирно. Николай недоуменно посмотрел на нее, потом отодвинув штору, посмотрел в окно: унылый голый сад, стайка серых воробьев клевавших, вытаявшие из-под снега ягоды, утренний туман, все как обычно – ничего интересного в том пейзаже не было. Стало быть, все это не более чем представление.

– Смотрите же! – удивленно и восхищенно воскликнул он, указывая рукой в сад!

– Где? – с любопытством спросила Анна, пододвигаясь ближе и через плечо, пытаясь рассмотреть, что же привело его в такой восторг.

Он резко развернулся, и властно, но деликатно, взял ее за руку, чуть выше локтя, и уверенно притянул к себе.

– Вот видите, Анна Тимофеевна, не только вы в эти игры умеете играть. Нам надобно увидеться наедине, я должен кое что вам сообщить, но разумеется не здесь. Сегодня после обеда, скажитесь больной и отправьтесь за порошком от головы к лекарю. Я буду ждать вас на углу Народного дома и кабака «Семь подков», ровно в два по полудню, это единственный район, который мне знаком в этом городе. Не молчите же, будто статуя, скажите, что непременно придете, – почти умоляя, прошептал он. Его лицо было так близко, что она с трудом могла сфокусировать свой взгляд, волнение и его близость не давали ей, рассуждать трезво. Все в голо-

ве перепуталось, будто на голодный желудок она выпила сто грамм анисовой.

– Ну или кивните хотя бы, – уже не так дружелюбно шептал он, явно теряя терпение. Тем временем в комнату вошла Татьяна, удивленно взирая, на разворачивающуюся в гостинной сцену.

– Анна Тимофеевна, простите за опоздание – в комнате раздались детские голоса.

Находиться здесь, в гостиной, в такой провокационной близости друга от друга, было по истине опасно.

– Кивните же! – сквозь зубы процедил он.

– Да, да, я приду, – сказала она еле слышно, запоздало кивая головой. Я приду, обещаю, клянусь, пустите же, – почти умоляюще попросила она, высвобождая руку из его крепкой жаркой ладони.

Он удовлетворенно, поклонился и отошел на расстояние, куда более приличествующее их положению.

Завтрак тянулся целую вечность. Клятвы, которые она дала себе ночью были сложены и забыты. Если бы не ее положение и обстоятельства не позволяющее ей быть свободной, она, пожалуй, тотчас бы отправилась на свидание с ним, не откладывая ни минуты.

На память пришла история, случившаяся в их доме много лет назад. Так же по весне, отец, чтобы их трехшерстная красавица-кошка не сбежала к своему «соседу-жениху», лаз, которым она пользовалась для того, чтобы выбираться на ули-

цу, заткнули паклей. Отец делал это с такой тщательностью и скрупулёзностью, что после проделанной работы, заявил со всей ответственностью, что, пожалуй, перестарался. И что когда необходимость в том отпадет, он не сможет вернуть все как прежде, так как лаз забит так туго и так плотно, что достать паклю обратно не сможет и самый сильный человек в городе. Каково же было их удивление, когда на утро, они обнаружили пропажу Мурки. Кошка исчезла без следа, лаз был свободен, а пакля растерзана и разбросана по всему дому. Узница любви, ведомая древним, как мир инстинктом, своими маленькими цепкими коготками отважно освободила себе путь к свободе. Отец еще долго хохотал над этим случаем, а когда мурка вернулась, но уже порядком отяжелевшая, решено было ее называть не иначе как Джульетта.

События сегодняшнего дня и история из прошлого, откликались в сердце кислым чувством смущения и стыда. Как же быстро она отказалась от тех принципов, которые хранила в себе и горделиво пестовала всю свою жизнь, ради человека, который ее об этом даже не просил.

Но, она дала согласие, и хотя сомнения в правильности принятого решения, начали одолевать ее, стоило с ним встретиться, хотя бы для того, чтобы лишний раз понять, как глупо она поступила в очередной раз.

Как бы ей хотелось в этот день при встрече, восхитить его своей красотой, женственностью и прекрасно скроенным платьем, подчеркивающим изгибы ее налившегося те-

ла. Но арсенал средств для достижения цели по-прежнему был равен нулю, а гардероб все также был скуден, аскетичен и старомоден. В то же время, наученная горьким опытом и прошлыми неудачами, Анна решила не играть в знакомую незнакомку, а быть самой собой: не дурно воспитанной, не глупой, хорошо образованной, однако же, уже не юной, не привлекательной и если уж сказать по чести, невзрачной гувернанткой. Взглянув на себя в зеркало, и трезво оценив, кто она есть, свои достоинства и недостатки, приняв себя, она неожиданно обрела спокойствие и мир внутри себя.

На улице хотя и была весна, но дул настоящий сибирский ветер, поэтому Анна пренебрегла шляпкой, а поверх головы, накинула двустороннюю, в мелкий русский цветочек шаль, тот самый восхитительный платок, что подарил ей на рождение Степан Михайлович она так ни разу и не одевала. Как только Анна брала его в руки, он будто жег ей пальцы, как если бы был сделан из нитей, сотканных чертями в преисподней. Так что, в конце концов, она убрала его с глаз долой и больше о нем не вспоминала.

Здание Народного дома, где должна была состояться, обещанная встреча, находилось в пятнадцати-двадцати минутах ходьбы от купеческого особняка. Анна была рада лишний раз пройтись пешком, наедине с собой перевести дух, собраться с мыслями. Проходя мимо очередного деревянного барака, она услышала отчаянный лай, то был щенок-подросток, которого только что привязали на большую железную

цепь. Она помнила его по своим зимним прогулкам, когда он только родился и вылез из теплой соломы со своим таким же неловким, но скромным и тихим братом. Они были похожи друг на друга, словно отражение, один белый с черным, а второй черный с белым. И хотя стоял январь, любопытство выгнало их на улицу даже в лютый мороз. Не зная страха, не ведая опасности, которая подстерегает их на каждом шагу, они подбегали к прохожим, то задиристо лая, подражая взрослым собакам, то пытались играть, то смешно падая на льду. Худая и изможденная мать, по кличке Найда, в отдалении была привязана к забору, но зорко и ревностно следила за ними, не отводя взгляда ни на минуту, в любой момент, готовая прийти на помощь. И горе тому, кто посмел бы обидеть ее детей. Каждую неделю, проходя мимо, Анна наблюдала за тем, как взрослеют щенки, все дальше выбегая на улицу, изучая этот большой и полный приключений мир. Беззаботное детство. Через месяц один щенок исчез, тот что черный с белым. Анна не знала, что с ним случилось, может он ненароком попал под колеса извозчика, а может, нашелся хозяин, но его брат, оставшись один, немного погрустил, а уже наутро продолжил играть как ни в чем не бывало. Но детство прошло, и вот он привязан к будке, куврыкается и лает, отчаянно пытаясь сорвать с себя путы и разорвать ненавистную цепь. Привыкшей бегать, где хочет, и играть пока сон не сморит его прямо на дороге, бедняга потерял самое дорогое, что есть в жизни – свободу. Ничего

доброе его больше не ждет, – подумала Анна, грустно отводя взор от собаки. Рядом, не обращая ни малейшего внимания на лай, неловко орудуя маленький детским молоточком, мальчишка, лет семи, железным щитом заколачивал дыру в заборе. Едва ли он выглядел счастливее, чем тот грустный пес. Видимо детство закончилось, не только для щенка, рано взрослеть в этих краях приходилось всем.

Вот, показался угол Народного дома, но Николая нигде не было. Может она пришла слишком рано, или он же он и вовсе не пришел, а все это было не больше чем розыгрыш, чтобы посмеяться над ней. Она так быстро приняла приглашение, что едва ли успела обдумать, с какой целью он ее позвал.

Остановившись, она с волнением крутилась на месте, словно волчок, ища его глазами. Сердце то бешено колотилось, то вовсе замирало. Мысли и чувства, такие противоречивые смешались в один большой гул в ушах. Вдруг он окликнул ее:

– Анна Тимофеевна, подите сюда.

Она резко обернулась и увидела его высокую фигуру, стоящую чуть в тени и надежно скрытую от любопытных глаз. Словно вор притаившийся, в ожидании беспечного зеваки, он видел всех, но его не видел никто.

– Вы не первый раз намеренно пугаете меня, Николай Алексеевич, будто это и впрямь доставляет вам удовольствие, – укоризненно сказала Анна, подойдя ближе, но вместе с тем, оставаясь на приличном расстоянии.

– Не хотел вас, пугать, Анна Тимофеевна, подите же сюда, в тень, вдруг вас увидят, губить вашу репутацию в моих намерениях нет. Здесь есть тихая улочка, переходящая в тропинку, а дальше холм, и заброшенный завод, пойдёмте туда, там нас никто не побеспокоит.

– Ах, об этом-то я и не подумала, – смущенно прошептала Анна, слегка закусив губу от досады. Ведомая бессознательным порывом души, она совсем забыла про приличия. В ее положении, репутация, была едва ли не единственной ценностью, принадлежащей ей. Потеряв ее, она погубила бы себя, перечеркнув свое будущее навеки. Это богатые могли вести себя как хотели, все неизменно сходило им с рук, она такой роскоши не имела, в любой ситуации ей следовало руководствоваться разумом, а не идти на поводу чувств, от этого зависела ее жизнь.

– Не печальтесь, Анна, – будто прочитав ее мысли, попытался утешить Николай, – то, что вы не подумали о соблюдении приличий, говорит скорее о чистоте души вашей. Человек порочный, перед грехом, первым делом приличия соблюдает, как ваш покорный слуга, а безгрешный, тот грешит по зову души и сердца, едва ли думая о последствиях, – иронично заметил Николай.

Анна задумчиво отвела взор, а потом пытливо посмотрела на него, пытаясь прочесть по его лицу скрытый смысл фраз, – Не пойму Николай Алексеевич о каком грехе вы говорите, в нашей беседе, греха нет. Стало быть, и о грехе толковать

нечего.

Он вымученно засмеялся, так что морщинки, собрались вокруг его темных глаз, будто меридианы.

– Верно, греха в том нет, но лучше пойдёмте, движение, порой облегчает ход разговора. Да и думается легче.

Она больше не смотрела на него, а смотрела либо вперед, либо под ноги. Тогда как он, при свете дня, наконец, смог рассмотреть ее как следует, не боясь быть застигнутым врасплох. И хотя ему была видна лишь небольшая часть ее лица, скрытая огромной цветастой шалью, он мог наблюдать за ней, за тем как она идет, за ее движениями, и наклоном головы, как сосредоточенно она держит платок у подбородка. Шаг Анны был широким, размашистым и даже тяжелым, с наклоном корпуса вперед, словно бурлаки на Волге груз тянут, – подумал Николай, – какая все таки у нее ускользящая красота, вот только чудо как хороша, в этом традиционном пестром русском платке, и это нежное худощавое лицо с круглыми наивными глазами, и очаровательный светлый пушок, вокруг губ, словно персик, и вот уже она сердито вышагивает, поджав губы и нахмутив брови, и можно сказать почти дурнушка. Он был смущен и раздосадован, так как не мог разобраться и понять чувств к ней. Словно человек впервые увидевший цветок чертополоха, он был и удивлен, и восхищен, но в общем, находился скорее в замешательстве, не решаясь вынести суждение о столь странном цветке, отнести ли его в ряд орхидей, за оригинальность, уникальность, и

редкую красоту, либо поставить на другой стороне с другими собратьями: полыню и крапивой, как горькое, жалящее и колючее растение.

– Так зачем вы хотели меня видеть? – наконец спросила она, резко остановившись и прервав затянувшееся молчание, – Я далека от мысли, что вы искали встречи со мной, только лишь, для того, чтобы прогуляться.

И хотя, это было правдой, ему, отчего-то, не хотелось в этом признаваться, чем дольше они шли вот так, бог о бок, в этот холодный апрельский день, тем меньше ему хотелось, говорить о том, ради чего он ее позвал.

– Отчего же вы не допускаете такой мысли? – поинтересовался он.

– Оттого же, отчего солнце встает на востоке, а садится на западе.

– Кто знает, может когда-нибудь человечество выяснит, что и это не такая уж непреложная истина, и что солнце встает на западе, а садится на востоке, ведь думали же наши предки, что земля плоская и стоит на трех китах. Так что, любая истина со временем может оказаться не более чем ошибочным заблуждением. А наши предки будут также потешаться над нами, как мы потешаемся над нашими сейчас.

Тем временем, они достигли конца улицы, дальше тропинка вела серпантинном вдоль рощи к вершине холма, где располагался заброшенный стекольный завод, проект был воистину грандиозным, но хозяин проигрался и разорился,

а здание было заброшено, и лишь, находившиеся время от времени бракованные безделицы из разноцветного стекла, самых причудливых форм, напоминали о былом.

– Уверена, прекрасный вид открывается на вершине, – заметила Анна.

– Тогда мы обязаны в этом убедиться, – согласился Николай, простирая руку по направлению к дорожке, словно приглашая, продолжить путь.

И хотя Анна ничего не ответила, тот факт, что она продолжила путь, говорил сам за себя. Тропинка хотя и не была узкой, но двум людям, пришлось бы идти рядом слишком близко друг к другу, так что Николай пропустил ее вперед, а сам следовал позади.

Погода сменилась, как часто бывает сибирской весной, вот только дул ледяной ветер, а теперь яркое апрельское солнце, словно плавило все вокруг, к тому же крутой подъем в гору, требовал от путников не малых усилий.

Как возможно, чтобы одновременно было и жарко и холодно, – подумала Анна, развязывая платок и спуская его на плечи, часть волос безнадежно выбились из прически и теперь от ветра то и дело, то развивалась назад, то закрывала лицо, другая же оставалась влажной и неприятно холодила шею, она попыталась поправить волосы, но убедившись в тщетности своих попыток, бросила это занятие. В конце концов она уже давно убедилась, что быть безупречной, ей не удастся никогда, скорее наоборот, всевозможные нелепости

и конфузы, будут неизменно преследовать ее, остается лишь принять свои неудачи, с наименьшими моральными затратами, не изводя себя, желая быть тем, кем ей никогда не быть.

– Так все-таки, зачем вы меня позвали? – уже настойчивее спросила она.

Он слышал, что она его о чем-то спросила, но что она спросила, он не смог бы сказать и под дулом пистолета. И это солнце, и ветер, и холод, и зной, словно намеренно терзали его несчастное тело, а главное ее манящая фигура, который он имел счастье лицезреть поднимаясь за ней по склону. Волосы словно сияли на солнце, то желтыми то красными огнями, она женственно откидывала их назад, чтобы затем заправить за ушко, плавные изгибы бедер покачивались в такт ее шагам, в итоге он и вовсе забыл, зачем он ее позвал. Он вспомнил сказку о Нильсе и мышах, и под этим изнемогающем весенним солнцем, он неотступно двигался за ней, словно зачарованный, как если бы она играла на волшебной флейте, и тянула за невидимую веревочку, к которой он был накрепко привязан. На этот ли холм или на любой другой, за ней он готов был идти куда угодно.

Будто прочитав его мысли, она остановилась, обернулась и гневно посмотрела на него.

– Зачем вы меня позвали? – уже нетерпеливо, задав тот же вопрос, спросила Анна.

Но увидев его измученное лицо, она захохотала, сменив гнев на милость, ибо приняла его несчастье, исключительно

за результат тяжелого подъема.

– Милая моя, Анна Тимофеевна, – начал он, вытирая, вынутым из внутреннего кармана белоснежным платком, вспотевший лоб, – право слово, я не привык к такой странной погоде, вот ежели бы сейчас были тучи или того лучше дождь, то я чувствовал бы себя превосходно, а здесь, я сам не свой, позвольте же мне подняться и немного отдышаться, уверяю вас, я все скажу, даю вам слово дворянина.

Она звонко засмеялась и ничего не сказав продолжила путь, в то же время, ускорив шаг толи от нетерпения, толи дразня его.

Вид с холма открывался и правда восхитительный, да и само здание, заброшенного завода, заросшее травой было прекрасно в своем упадке.

– Поразительно, как забытые и полуразрушенные места, бывают порой красивее хотя и не всех, но многих новых, и лишенных души в своем совершенстве. Согласитесь? – спросила Анна, любуясь видом, когда они, наконец поднялись на гору.

Николай обвел взглядом заброшенное, ничем не примечательное здание бывшего завода, на выбитые окна, покосившийся забор, или те места, где природа отвоевав свое место и вовсе поглотила результаты человеческого труда, на весь этот упадок, разруху и декаданс и не нашел в нем не только ничего привлекательного для себя, но и даже мало-мальски приятного глазу.

– Хм, удивительное вы создание Анна Тимофеевна, даже в разрухе красоту видите. Кругом зияют рваные дыры, ржавчина, и бурьян. Столько трудов и денег пошло прахом. А вам все это кажется красивым. Хотел бы увидеть красоту в этом, но, увы, боюсь ее здесь нет, – заключил он.

– Значит вы, право слово, не туда смотрите, смотрите вон на тот луч солнца, – и она указала на главное полуразбитое окно, – здесь были люди, кипела жизнь, а теперь нет ничего, один только след от них остался, словно след на песке. Люди здесь жили, работали, кто они, где они – нет ничего, осталась лишь память, а природа, вы только послушайте, как поют здесь птицы, этот мелкий кустарник, что захватил завод им явно по нраву, все это так восхитительное и так грустно и так прекрасно, я и не знаю как все это объяснить, чувства вообще объяснить бывает не просто, – задумчиво и уже меланхолично сказала она, хотя буквально минуту назад с таким воодушевлением говорила о красоте вокруг, что невольно и он, со своим скептическим и трезвым взглядом на жизнь, вопреки здравому смыслу поддался порыву, заразившим удивительным чувством восхищения всем, что происходит вокруг.

– В этом с вами нельзя не согласиться, Анна Тимофеевна.

– Можно Анна.

– Ан-на, – по слогам, будто снова учась говорить, произнес он.

– Николай Алексеевич, простите мне мой, наивный и неуместный порыв души, я всегда не много не своя на при-

роде, будто во хмелю, – улыбнулась она, – я не забыла, что вы меня позвали, не праздности ради, что же вас заставило, пренебречь правилами приличия и пригласить гувернантку на прогулку? – не удержавшись, съязвила она.

Он, не услышав ее колкость, а может услышав, но не подав виду, заговорил, встав в пол оборота к ней, так, что казалось, будто он говорит одновременно ей, но при этом смотрит куда то вдаль.

– Никогда не имел сложности в выражении своих мыслей, до сей поры, честно признаюсь вам. Но сейчас, не знаю, как и начать, и должен ли говорить, а главное стоит ли. Не имел обыкновения, вмешиваться в чью либо жизнь, но...

– Не томите же, – перебила его Анна, – если до сей поры, я хотела услышать, зачем вы меня позвали, так как считала, что серьезного в том мало, теперь же, после вашего предисловия, я хочу и страшусь услышать это, а оттого чем быстрее придет развязка, тем легче.

– Не бойтесь, то будут слова друга, а я смею надеяться, скорее вам друг, нежели враг. В общем, дело достаточно деликатное, и на сколько я могу судить о вас, а я хотя и не вижу красоты в заброшенном месте, однако же в людях, смею думать, разбираюсь не так уж плохо. Вы хотя и наставница, для юных барышень, но по моему разумению, остаетесь созданием неискушенным и отчасти ваши представления о людях, как я успел заметить, наивны и чисты, тогда как их помыслы..., словом замечу, я далек от распространенного заблуж-

дения, что добра в мире больше чем зла. Так о чем это я? Ах да, о помыслах. Помыслы людей, вас окружающих, боюсь не так невинны, как вам представляется, – все это он говорил тоном деликатным, правда не лишенным назидания, более похожим, на тот, которым она говорила со своими неразумными ученицами.

– Боюсь, при всем моем к вам уважении, Николай Алексеевич, я не возьму в толк о чем это вы, – раздраженно, перебила его Анна.

– Что ж немудрено, – угрюмо заметил он, – я бы и сам себя не понял, сказать по чести, красноречие и впрямь меня покинуло, только боюсь, вы тому виной, – галантно заметил он. Но увидев, что Анна сделала вид, будто не заметила его комплимент, продолжил: – Думаю лучше мне сказать все прямо и не юлить. Перейду к делу, прошлым вечером, мы с вашим, так сказать хозяином, Степан Михайловичем, ужинали в ресторации (про кабак он деликатно промолчал), и находясь в изрядном подпитии, а водка, знаете ли, имеет такую силу над человеком, что те мысли, которые он по обыкновению держит при себе, как бы это поделикатнее выразиться при даме, после рюмки другой, требуют выхода, в особенности когда компания располагает, я имею ввиду отсутствие барышень, коих пьяные откровения могли бы сконфузить.

– Вы, кажется, хотели сказать прямо? – теряя терпение, заметила Анна, – так говорите же.

– Да, да, не торопите же меня. Стало быть, купец много

говорил, что не предназначалось для нежных дамских ушей, в частности, что хотел бы вас видеть в ином качестве, нежели гувернантка... подле себя... если вы понимаете о чем я. Но так как, как я уже заметил, смею надеяться, что разбираюсь в людях, и за наше короткое знакомство, успел составить о вас мнение, замечу достаточно высокое, думаю такое предложение со стороны Степана Михайловича, могло бы не только напугать, но и оскорбить вас. А Степан Михайлович, как бы это поделикатнее сказать, в свою очередь, не тот человек, который с легкостью принимает отказы, насколько я могу судить, и при определенных обстоятельствах, может быть достаточно опасен, если не получит то, на что рассчитывал, – закончив свою речь, он вопросительно посмотрел на нее, ожидая увидеть на ее лице испуг, ужас, смущение, и все те чувства, которые следовало бы испытывать невинной барышне в ответ на непристойное предложение или известие о таковом. Однако он не увидел ни удивления, ни негодования, да что, говорить, он не увидел попросту ничего, кроме мертвенной бледности, да задумчивых глаз, смотрящих куда то вдаль, поверх его плеча. Неужели же он, был так наивен, что превратно понял всю ситуацию, что если она не так неискушенна, что если как раз он выглядит нелепо, пытаюсь, предупредить ее о том, чего бы она сама желала или допускала. Странное чувство гнева и обиды, природу которых он и сам бы себе не объяснил, волной затопило его.

– Что ж, боюсь, я переоценил себя, и не так хорошо, раз-

бираюсь в людях, я битый час, пытался как можно деликатнее изложить ситуацию, боясь оскорбить вас, хотел вас спасти, предупредить об опасности, исходящей от человека, чьи намерения по отношению к вам порочны, а вы! А вы даже не выглядите удивленной, – гневно, не разжимая зубов, процедил он, – Может это его, стоило бы предупредить относительно Вас, – последние слова он бросил ей в лицо, как перчатку дуэлянта, стараясь оскорбить и унижить, как ему казалось, за то, что ее притворная невинность ввела его в заблуждение.

Анна покачнулась, словно от удара пощечины. Она недоумевающе и растерянно воззрилась на него, когда же смысл сказанного в полной мере дошел до нее, краска гнева залила багровыми пятнами все ее лицо, поднимаясь из под высокого воротника вдоль шеи, на скулы и щеки.

– Я не выгляжу удивленной, лишь по одной простой причине, то, что вы мне сказали, действительно было известно мне, с той лишь разницей, что я не знала, насколько сильно Степан Михайлович, одержим своими греховным и порочным желанием. Своими подозрениями, вы оскорбили не меня, а себя, так как человек оценивает других и окружающий мир, руководствуясь, прежде всего своими собственными убеждениями. И если вы увидели в другом человеке дурное, то совсем не обязательно, что это дурное в нем существует, может быть это дурное лишь ваше отражение.

– Даже если я не прав, хотя я в этом не уверен, – начал

он, хотя тон его был, уже куда менее воинственен, – вы оказались куда глупее и наивнее чем я думал. Если вы знаете о намерениях купца, и не планируете принимать его предложение, то это ваша величайшая и может так стать роковая и фатальная ошибка – остаться в его доме. Это опрометчиво, самонадеянно, и так... так неразумно.

– Вы думаете, я это не понимаю? – с горечью сказала она, заламывая руки.

Она выглядела такой удрученной и такой несчастной, вот только она пылала праведным гневом в ответ на его незаслуженные оскорбления, а теперь горестно заламывает руки. Увидев это, Николая словно ударом в сердце поразило чувство вины и сожаления. Он потерял контроль над своими эмоциями, ярость гнев и ревность охватили его и он наговорил ей столько обидных слов, о чем теперь искренне жалел. Желая утешить ее, он шагнул ей навстречу, но не осмелившийся подойти ближе, остановился.

– Вы думаете, я не хотела уйти? Думаете, я не пыталась? Вы думаете, у меня есть выбор? Не больший, чем выбор между сгореть или утонуть. Я просто не могу вернуться домой ни с чем. Как объяснить отцу? Матери? А работа? Вы думаете, в других семьях было бы другое? Кругом одни придирки, то слишком строга, то балуешь детей, то слишком хорошенькая, а то слишком дурна собой, то встала близко, а то далеко и не в том углу, тебе нигде нет места, ты и не прислуга, но и не хозяйка, это не твой дом, ты словно между двумя мира-

ми, ни вверху, ни внизу, слишком образованна, чтобы принимать рабское положение как Татьяна, но бедна как церковная мышь, чтобы бороться. А платят, платят сущие гроши... – на последних слова ее голос сорвался, и закрыв лицо руками, она горько зарыдала. Все то, напряжение, копившееся годами, которое она прятала в самых потаенных уголках своей души, скрывая за неизменной дежурной улыбкой, все те чувства, которые было некому высказать, которые она не решилась сказать самой себе, теперь вырвались наружу. То всхлипывая, то затихая, она сумбурно рассказывала про свое детство, про работу у Лаптевой, о том, как ее с корнем вырвало из почвы и теперь несет ветром, словно перекаати поле, из одного чужого дома в другой не менее чужой, о тягостном выборе между долгом и желаниями, которых она и сама не знала, о том, как бы ей хотелось набраться смелости и сделать, что-нибудь эдакое, чего бы от нее никто не ждал, и о том, что несмотря ни на что, никогда это не сделает.

Она совсем не смотрела в его сторону, ей необходимо было облегчить душу, прежде всего для самой себя, а тот факт, что кто-то первый раз в жизни, был обеспокоен ее судьбой и душевными переживаниями, хотел ей помочь, пусть и не умело, словно открыл дверь, для всего того, что хранилось в душе, будто в темном чулане. Вдруг она почувствовала его руки на своих плечах, он крепко обнял ее и прижал к своей груди. От ее слез его пальто намокло и теперь жесткое сукно царапало щеку. Лево́й рукой он прижимал ее к себе,

а правой бережно гладил вдоль спины, терпеливо и нежно, словно ребенка. Она чувствовала, как его борода касается ее виска, в такт прерывистым и глубоким рыданиям. Все было так странно и так ново, от слез и ощущений, у нее кружилась голова, если бы он не держал ее, то едва ли она смогла бы устоять на ногах. Но несмотря на слезы и всю горечь ее бедственного положения, пожалуй, никогда в жизни ей не было так легко, и никогда радость не была такой грустной.

Он ничего не говорил, не произносил пустых слов утешения, о том, что все наладится, не говорил, что все это не более чем пустяк. Он молчал, однако объятия, и мерный стук его сердца, успокаивали лучше, чем сотня красивых, но ничего не значащих фраз.

Почувствовав, что рыдания прекратились, а пташка в ладошках, перестав трепыхаться, наконец успокоилась, он разжал объятия и слегка отстранился. Потеряв точку опоры, Анна пошатнулась, и недоумевающе подняла на него взор, заплаканных и прекрасных как черная смородина после дождя глаз.

Их взгляды встретились, его – пристальный и задумчивый, ее – нежный и кроткий. Николай смотрел на нее, так, точно видел в первый раз, было в его взоре, что то новое, но скрытое для ее понимания. Он немного замешкался, однако отбросив тень сомнения, проведя рукой по ее влажной от слез щеке, привлек себе и запечатлел на ее губах, нежный и целомудренный поцелуй. Потом вновь отстранился, наблю-

дая как краска стыда и удовольствия заливает ее лицо, это были уже не те красные маки гнева, что горели на щеках минутоу назад, а наливные яблоки нежного девичьего румянца. Румянца стыда, смущения и первого наслаждения.

Улыбка, мелькнула на его губах, но снова скрылась, будто появившись не ко времени.

– Нам следует возвратиться, – заговорил он беспристрастным и почти дежурным голосом, будто бы минутоу назад и не целовал ее на этом самом месте. – Я вас провожу до угла Народного дома, а дальше нам следует разойтись, я вернусь немного позже, не хотелось бы вызывать ни у кого подозрения, прежде всего ради вас, – заключил он, протягивая руку, чтобы она могла о нее опереться.

Она недоумевающе посмотрела на него, он выглядел так спокойно и беспристрастно, будто бы ничего не произошло, или происшедшее ничего для него не значило, она вглядывалась в его лицо, но прочесть на нем ничего не смогла. Для нее события минувшего часа, так много значили, голова шла кругом, тогда как он, твердо стоял на ногах. Радость и восторг в одно мгновение сменились унынием и отчаянием. Но не став возражать, не желая показать как он больно ранил ее своей холодностью, а также желая сохранить остатки гордости, она приняла его предложения, оперлась на него, и не проронив ни слова, спустилась с холма.

Пришло время расставаться, Николай неловко взял ее руку в свою, а другой рукой бережно накрыл, – мы вечером

неприменно свидимся, так что нет нужды и прощаться, Анна Тимофеевна.

– Не прощаемся, – покорно кивнула головой Анна. Он выпустил ее руку из своей, так что та безвольно опустилась вдоль тела, точно ивовая ветка. Едва ли можно было сказать, что-то больше, чем было сказано, и накинув на голову шаль, Анна торопливым шагом удалилась.

Николай, опершись об угол дома, закурив сигарету, долго еще смотрел ей вслед, пока ее очертания не превратилась в точку, а потом, смешавшись с толпой и вовсе растворились. Странные и до этого неизведанные чувства, словно тиски, сдавили грудь, и счастье, и грусть, и наслаждение, и недовольство собой. Не зря он твердил себе всегда, что благими намерениями вымощена дорога в ад, стало быть, чтобы это понять, непременно надобно по этой дороге пройти. И теперь, в попытке помочь ей, он и сам не заметил, как попал в западню. Будто новичок, совсем юный и несмышлёный попался в любовные топи, в которых до него утонуло столько глупцов, а сколько глупцов еще утонет.

Он с тоской посмотрел на этот дикий сибирский город, на три дворца посередь тайги, на эту грязь и бедность, и ему захотелось прямо сейчас оседлать коня и нестись со всех ног отсюда, пока не поздно. Он сердито бросил сигарету, а потом со злостью растоптал ее, так что под ногами загорелись мелкие искры. Почему то в голове зазвучала музыка Доницетти, услышанная им в опере год назад. Едва ли мелодия нашла

отклик в его сердце тогда, но сейчас испив любовный напиток до дна, он в полной мере прочувствовал ее. Как верно комично он выглядит сейчас, в этой дыре, в этом захолустье, в этом Богом забытом месте, словно сибирский Неморино. Что ж, и не такие умы глупели от любовного напитка, – подумал Николай и зашагал твердой походкой обратно.

Поздно возвратившись, пропустив обед и едва не пропустив ужин, Анна тихонько пробралась к себе в комнату. Она чувствовала запах его сигарет, так плотно впитавшийся в одежду, что боясь, вызвать подозрения, она быстро переоделась. Может это был всего лишь страх, но ей казалось, что все тотчас поймут, где и с кем она была. Нина Терентьевна в гостиной как всегда после обедни пила чай. Она сердито посмотрела на Анну, и хотя та, по своим делам отлучалась крайне редко, даже эти редкие часы, потраченные на себя, вызывали в ней недовольство, как будто вся жизнь Анны, должна была быть посвящена исключительно ей и ее дочерям.

– Ну наконец то, ты вернулась Анна, девочки сейчас в саду, пожалуй, не стоит им мешать, сегодня крайне тяжелый день. Такая головная боль, – и она стала театрально потирать свои виски, – и ломит, и вот здесь давит, – указав на затылок, – непременно сегодня ночью будет гроза. Вот, запомни, я как никто могу с точностью предугадать погоду, на снег у меня ноют ноги, а голова к дождю. Ты ведь, была сегодня у аптекаря, ходила за порошком от головной боли. Как раз то,

что мне сейчас необходимо. Принеси мне его, пожалуйста, сил, уже терпеть эту боль нет, – и она в изнеможении откинулась на диван.

Анна в оцепенении застыла, мысли и чувства ее находились в таком смятении, что она совсем упустила повод, по которому отлучалась. И теперь, словно пойманная на преступлении, она судорожно придумывала, что ей сказать в свое оправдание. Имея столь малый опыт в обмане, привыкнув говорить исключительно правду, а в случае, когда правду сказать нельзя – молчать, теперь Анна находилась в новом и крайне непривычном для себя положении.

– Нина Терентьевна, вы же знаете, как в наших краях тяжело с некоторыми товарами, так много всего ненужного, и никогда нет того что действительно необходимо, – она постаралась сказать это как можно искренне, но голос ее дрожал и не слушался, какое право слово, получилось жалкое оправдание. В тот момент она не верила самой себе, а это главное правило лжи, ибо ложь становится правдой, тогда когда ты начинаешь в нее верить.

Но к удивлению Анны, в глазах купчихи не было и тени сомнения. Это было так странно, потому что зачастую, когда Анна говорила ей правду, она натыкалась лишь на стену сомнений и недоверия. По всей видимости, ложь для людей привычной правды, – подумала Анна. За сегодняшний день, она сделала для себя столько открытий, сколько не сделала и за всю жизнь. Теперь это был такой знакомый, но в то же

время новый мир.

– Тогда я с вашего позволения пойду в сад к девочкам? – спросила Анна.

– Да, да, ступай. Они хотя и с Татьяной, но ты же знаешь ее, непременно научит чему дурному.

Анна рада была освободиться из под пристального взора хозяйки, и хотя та, ничего не заподозрила, чем скорее она скроется с ее глаз, тем лучше, долго играть в этом чуждом для ее натуры спектакле она не могла, фарс вот-вот мог быть раскрыт.

В тот день время тянулось медленно как никогда. И хотя до ужина оставался всего час, ни Степан Михайлович, ни Николай еще не возвращались из конторы. Нервы были напряжены, ничто не помогало, ни чтение, ни вышивка крестом, где она исколола все пальцы. В очередной раз, посмотрев на циферблат часов, будто застывший на без четверти шесть, на домик кукушки где беззаботно ни о чем не подзревая, дремала птичка, Анна испытала безотчетную тоску и бессилие, ибо все что происходило или должно было произойти, отныне ей было неподвластно. Вот мимо проехала колесница, но не остановилась, а значит не он, вот скрип половицы, но это всего лишь Кузьма принес раздутый от жара самовар. Она вновь уколола палец, и алое пятно расплылось на шитье.

За окнами забарабанил дождь, а потом и вовсе начало лить как из ведра, тревожа и вызывая беспокойство и делая

ожидание воистину невыносимым. Анна и сама не знала чего ждала, может тот мимолетный поцелуй, не более чем жест сострадания, проявление жалости или поддержки, что если любви в нем не больше чем в поцелуе, коим она сама награждала своих воспитанниц в утешение. Но интуиция подсказывала, что это не так, что в его поступках был мужской интерес, а поцелуй так не похож на проявление христианского сострадания. Так или иначе, ей необходимо было снова увидеть его, она твердо знала, что в его глазах, в том как он будет смотреть на нее после произошедшего, она непременно найдет ответ.

Словно вняв ее молитвам, дверь скрипнула и послышались знакомые мужские голоса. Волнение, радость и страх предстоящей встречи охватили Анну.

– Здравствуй, голубушка, заждались вы нас сегодня, – поприветствовал жену купец и сняв мокрый сюртук, отдал его, стоящему подле Кузьме, – Дождь, будь он неладен, застал нас врасплох, ели успели прибыть, пока дороги не развезло, до крайней степени неудобства. Вы, Николай Алексеевич, верно к такому не привыкли?

– К распутице или к дождю? Пожалуй, того и другого и у нас в избытке. Добрый вечер Нина Терентьевна, Анна Тимофеевна, юные барышни, – Николай отвесил галантный поклон.

– Добрый вечер, Ваше Степенство, Николай Алексеевич, – произнеся это, она так и не осмелилась посмотреть

ему в глаза. Еще минуту назад она в нетерпении ждала ответа на свой вопрос, теперь же малодушно избегала его. Сохранить даже самую малую толику призрачной надежды оказалось лучше, чем посмотреть жестокой правде в глаза. Как же бесцветна и бесчувственна станет жизнь без него. Не знать любви оказалось легче, чем узнать, а затем потерять ее.

К счастью подросла Татьяна, подав на стол по-сибирски тяжелый ужин. Настроение купца отчего то было прескверным. Казалось еще вчера он был всем доволен, а сегодня уже изводит Татьяну придирками, не говоря уже о Кузьме, который раз сто сбегал по разного рода поручениям. То разварной картофель недостаточно разварен, то самовар слишком горячий, а то спустя минуту слишком остыл. Татьяна из кожи вон лезла, чтобы ему угодить, но едва ли это помогало.

Наконец сели за стол. То ли дурное настроение Степан Михайловича, то ли дождь, громко барабанивший по крыше, были тому виной, но за столом по большей части он молчал, впрочем и остальные, обменивались лишь краткими и ни к чему не обязывающими фразами.

Избегать встречи взглядом с Николаем, сидя вот так, за одним столом, боле уже было невозможно, от своих страхов можно бежать долго, однако же не бесконечно, стало быть пора посмотреть им в лицо.

Она подняла взор, вначале украдкой, незаметно, лишь секунду. Потом осмелев, она взглянула на него еще раз, словно бросая вызов, желая и требуя ответа.

На секунду их глаза встретились, и она прочитала в них все, чего страшилась и чего желала. В нем была и нежность и страсть, и чувство сопричастности, словно некая тайна связывала их двоих на этом огромном земном шаре. Он скользнул по ее лицу медленно и почти интимно, и хотя расстояние разделяло их, она почти физически ощутила его прикосновение. Щеки окрасились чувственным стыдливым девичьим румянцем. Увидев это, его уголок губ дрогнул, не сумев совладать с улыбкой, и не желая больше смущать ее, Николай учтиво отвел взор.

После минутного обмена чувств, едва ли Анна помнила, как прошел ужин и вечер, она совсем не принимала участия в беседе, и хотя до этого ее также нельзя было назвать излишне разговорчивой, сегодня же она была тише самой тишины. Она совсем не слышала, да и не слушала о чем говорят другие, их будто не существовало, для нее в этой гостиной с этого дня был только он. И хотя где-то в глубине сознания, голос здравомыслия увещевал ее, что не должно барышне, быть столь податливой и доступной, но с каждой минут был слышен все тише и тише, а потом и вовсе замолчал, утонув в океане чувств.

– Ваш приказчик, я так понимаю, хотя и прибывший два дня назад, несмотря на приглашение, сегодня не почтит нас своим присутствием? – саркастично сказал купец, обращаясь к Николаю то ли с утверждением, то ли с вопросом.

Николай ухмыльнулся и ответил: – Верно заметили, Сте-

пан Михайлович. Не при дамах будет сказано, – извиняющимся и шутливым тоном, многозначительно взглянув на Анну и купчиху, продолжил: – в последний раз, поужинав в ресторации, он имел честь, познакомиться с некой дамой Н. Собственно боюсь, сие знакомство стало роковым, и мой дорогой Григорий, принял решение не «злоупотреблять» Вашим гостеприимством.

Купец пытливо посмотрел на него, однако же, на шутку не отреагировал и вопреки ожиданию даже не улыбнулся, – Ну что ж, дело так сказать молодое, надеюсь навязывая вам свое общество, Николай Алексеевич, мы не лишаем вас развлечений, больше подходящих молодому мужчине, я и сам был когда-то не женат, и молод, так что все понимаю, не хотелось бы, чтобы единственным воспоминанием о визите в нашу губернию, были лишь скучные вечера в нашем тихом семейном кругу.

Нина Терентьевна, удивленно посмотрела на мужа: – Ну что ты, Степан, Николай Алексеевич человек степенный и серьезный, все эти развлечения верно давно наскучили ему еще в Петербурге. Не так ли? – спросила она.

– Нина Терентьевна, вы словно мысли читаете. Боюсь в тех местах, где сейчас мой приказчик, а по совместительству, надеюсь все еще мой друг, нет больше для меня уже ничего интересного. Если и могло бы в жизни меня что-то заинтересовать, то только лишь искренность и чистота, а она, знаете ли, на вес золота, ее так просто не найти.

После этих слов, Анна вновь порозовела, а купчиха была так очарована словами, что не преминула заметить: – Ах, Николай Алексеевич, если бы все молодые люди имели хотя бы толику вашего благоразумия и благородства.

– Боюсь Нина Терентьевна, после ваших лестных слов обо мне, я не имею права поступать дурно, и обязан оправдать ваши ожидания, даже если до сих пор это было не так, – пошутил он.

Купчиха засмеялась, шутка явно пришлась ей по вкусу, тогда как купец переводил суровый и сердитый взгляд с Николая, на жену, с жены на Николая, а затем на Анну.

Нина Терентьевна посмотрела на мужа и увидев, его едва сдерживаемое раздражение, приняла это на свой счет, однако проследив взгляд, увидела, что на Николая и Анну он смотрит с еще большим гневом. В тот момент она испытала уже знакомое чувство, месяц назад посетившее ее в театре. С одной стороны она понимала, что на сцене разворачивается некое действие, с другой стороны, смысл его был ей не ясен. И хотя она едва ли относила себя к категории умных женщин, ее женская интуиция безошибочно подсказывала, что происходит нечто экстраординарное, некая драма, способная поставить под удар, их до той минуты спокойную и размеренную жизнь. Но как водится, женская интуиция полезна лишь тогда, когда она идет рука об руку с интеллектом, а сие качество у Нины Терентьевн было в дефиците. Словом рациональное чувство тревоги, осенило ее, и не найдя под-

крепления, растворилось в бессмысленном потоке сознания.

Наконец, ужин подошел к концу, все встали из-за стола и занялись своими делами. Проходя мимо Николая, Анна почувствовала, как его рука ловко вложила в ее руку, маленький клочок бумаги. Сердце забилося как у кролика, страх и восторг в один момент. Никогда она до той минуты не была героиней любовной истории, со всеми приятными мелочами, будь то взгляды украдкой или любовные письма. С ловкостью, будто всю жизнь этим занималась, она спрятала руку, сжатую в кулак в складках платья, а взгляд стал холоден и не возмутим. Каких трудов ей стоило не ускорить шаг, не пуститься бежать со всех ног в свою спальню, а двигаться так же медленно и спокойно, как обычно. Оказавшись в своей комнате и плотно закрыв за собою дверь, она еще некоторое время прижимала записку к груди, пытаясь успокоить, бешено бьющееся сердце, которое казалось вот-вот выскочит из груди. Спотыкаясь и едва не уронив свечу, она развернула записку. Размашистым почерком, которому и целого холста было мало, на обрывке бумаги написана всего одна строчка: «Завтра, в том же месте, в три». И больше ни слова. Но даже целая поэма, посвященная в ее честь, или серенада спетая под окном, не вызвала бы столь неумемной радости, восторга, что принесли ей эти строчки.

На следующее утро, силы небесной канцелярии словно сговорились против них. Но как бы они не старались едва ли

им было под силу ее удержать. Наскоро умываясь она судорожно думала о том, как ей отлучиться вновь, не вызвав подозрения. И хотя задача была не легких, не было даже мысли, отказаться от встречи. Ее тело, душа и даже разум всей силой стремились к нему, желали этой встречи, и если бы сегодня был бы последний день Помпеи, улицы были бы залиты лавой, а на голову сыпался пепел, даже это не остановило бы ее.

С трудом проведя утренние занятия с воспитанницами, она как и прежде каждые пять минут смотрела на часы, и когда стрелка перевалила за двенадцать, она с тоской посмотрела на не прекращающийся дождь. Ветер то стихал, то налетал с новой силой, так что железные заплаты на крыше начинали зловеще греметь. Вся это ярость ветра и шум дождя щекотали нервы. Каждый шорох переворачивающихся листьев учебника, звук упавшего пера или грохот, доносившийся с кухни, пугал ее, так что она то и дело вздрагивала и оборачивалась. Она еще не сообщала купчихе, что ей надобно отлучиться вновь, но сама мысль о том, что придется опять изворачиваться, врать, выкручиваться, претила ей. Но ради него, она готова была на все, даже научиться столь изощренной и чуждой ей науке.

Едва дождавшись конца занятий, заканчивающихся аккуратно в половину первого, она спешно завершив урок, опротя бросилась в гостиную, где как обычно дремала купчиха. Вот и сейчас, откинувшись на подушки, а ноги положив на

мягкий пуф, Нина Терентьевна полулежала на диване. Только была она не одна, Танюшка с жаром рассказывала свежие городские сплетни, не отличавшиеся ни благопристойностью, ни чистотой морали, и не содержащих хотя бы толики добрых вестей, купчиха же прожорливо внимала каждое слово, будто голодный, но глупый карась, хватает наживку, не видя, что та, венчает рыболовный крючок.

В тот день косоглазие Татьяны, обычно вызывавшее в Анне чувство жалости и сострадания, сегодня выглядело зловеще. Правым глазом та смотрела на купчиху, а левый и лукавый был устремлен аккурат, на приближающуюся Анну. Казалось от этого взора, ничто не смогло бы укрыться, она будто злой духу, все видела и все знала.

— Купчиха, вот помяните мое слово, бабка моей двоюродной тетки, так и сказала, быть весь месяц дождю. Ох и потонем, ох и потонем, склады у Фетисова в низине, там и сено, прости Господи, зерно, голод, голод будет, рабочие вон у Стеклова завода... — заслышав шаги, она с реакцией, которой позавидовал бы и охотник, повернулась к Анне и сразу замолчала. Она всегда прекращала разговор, как только Анна появлялась в комнате, отчего той казалось, будто предметом разговора была она, причем сказанное, едва ли было добрым. И хотя Анна, так ни разу в жизни и не поймала Татьяну, за распусканием сплетен и слухов о ней, однако же замечала, что после ее бесед с хозяйкой, та неизменно меняла к ней отношение в худшую сторону. Злословить, лгать

и подстрекать – вот три кита, на которых зиждилось положение Татьяны в господском доме. Анна знала, что если и стоит, кого опасаться, кроме купца, так это Татьяны. Стоявшая на социальной лестнице ниже гувернантки, не умевшая ни читать, ни писать, все же с помощью лести, изворотливости, лживости и беспринципности, она имела в доме гораздо большую власть, чем Анна. Порой такое положение дел удручало ее, уязвляло самолюбие. Сам факт, что безграмотная девица, обставила ее так ловко и искусно, заткнув за пояс, вынудила не только считаться с ней, но даже опасаться ее, ее столь высоко оценивающую свой ум и образованность, подрывало веру Анны в себя и свои возможности. Как бы не претила Анне мысль заискивать перед Татьяной, сейчас, учитывая то положение дел, в котором она оказалась, ей не оставалось ничего другого как примириться с этой мыслью. И хотя жизнь уже давно показала ей, что гордость в ее положении непростительная роскошь, с самоуважением расставаться было сложнее.

– Нина Терентьевна, простите, что отвлекаю вас, не могли я отлучиться сегодня еще на пару часов, вчерашний визит к аптекарю, как вам известно, увы, оказался безрезультатен, но я самоуверенно надеялась, что головная боль, меня более не беспокоит, однако сегодня, симптомы лишь усилились, так, что боюсь без порошка никак не обойтись

Хозяйка, недовольно посмотрела на Анну, и хотя та имела полное право на несколько часов свободного времени, но

никогда этим правом не пользовалась, не оттого, что не было в том нужды, а потому, что понимала, купчиха, будет крайне этим недовольна. Вся прислуга в доме, включая гувернантку, воспринималась скорее, как их собственность, нежели как свободные люди, со своими потребностями и нуждами.

Она хотела было уже отказать, сославшись на некую необходимость быть дома, на ходу придумывая повод, но отчего-то передумала, может оттого, что посмотрев на завывающий за окном ветер и проливной дождь из злорадства, была не прочь посмотреть, как та продрогнет и замерзнет, словом, подумав, Нина Терентьевна ответила:

– Ступай. Я и сама сегодня не важно чувствую себя, ноги ныли всю ночь.

– Это к дождю, к дождю Нина Терентьевна. Если ноги тянет, это к осадкам, это еще моя прабабка говорила. По вам, Нина Терентьевна, аккуратно можно погоду предсказывать, вы очень натура чувствительная, – вторила Татьяна, всегда зная, что и когда сказать.

– Ой, Танюша, вот верно, верно ты говоришь, если солнечно будет, так и знать, голова болеть будет, а если ноги – к дождю, а уж ежели снег, там и голова и ноги болят. А уж ветер – так и знай, день пропал.

Анна немного постояла, приличия ради, а потом, бесшумно удалилась. Пожалуй, как бы она не старалась, никогда ей не удастся так чутко предугадывать настроения хозяйки, как это делала Татьяна и говорить именно то, что она хотела слы-

шать. Воистину, то был великий талант, но имел ли он какое то отношение к уму, Анна уверена не была. В конце концов, если признать сей талант умом, выходит глупее нее самой, пожалуй, было и не сыскать. Ну а кто же хочет признаваться в глупости пусть даже самой себе.

Николай ждал ее в условленное время, в том же месте, с той лишь разницей, что сегодня лил дождь. В такой дождь маловероятно, чтобы она пришла, – подумал Николай, вновь закуривая, – а ежели надумает, возьмет ли она извозчика или забоится, что кто-то узнает, куда и зачем она едет. Сотни странных и едва ли, наделенных хотя бы долей рациональности мыслей, сменяли друг друга. Внезапно дождь прекратился, и хотя тяжелые чугунные тучи по-прежнему неуклюже плыли по небу, словно услышав мольбы влюбленных, не проронив больше ни капли, скрылись за горизонтом.

Вдалеке появилась фигура Анны, он мог бы узнать ее из миллиона других прохожих, но в том не было нужды, в такую погоду на улице не было ни души. Ее тонкий и женственный силуэт с ловкостью эквилибриста балансировал с одного деревянного настила на другой, минуя лужи и целые реки дождевой воды, торопясь навстречу ему. Все сомнения тотчас исчезли.

– Простите Николай Алексеевич, что заставила вас ждать, – весело выкрикнула Анна, находясь все еще на приличном расстоянии от него.

– Боюсь, хотя вы и извинились, но что-то мне подсказывает, вы ни капли не раскаиваетесь, Анна Тимофеевна. И вас не виню, а кому бы не польстило, что в дождь, и слякоть, кавалер ждет вот так, словно пес у будки, – и он достал часы из нагрудного кармана, минуту вглядывался в них, будто не узнавая циферблат, потом поднял голову и устремил пристальный взгляд на нее, – впрочем, даме позволительно опаздывать, а кавалеру не позволительно роптать, – с этими словами он галантно предложил ей руку, чтобы она могла о нее опереться.

Дорога была им уже знакома, и все же воспринималась по-новому, тот лишь факт, что в прошлый раз, они шли порознь, а сегодня под руку, делало все иным в этом мире. И мокрое дерево домов, и запахи дождя, и треск деревянного настила, и густой влажный воздух, все стало ярче, громче, сильнее, будто бы всю свою жизнь до этого, они смотрели на мир, через тусклое потертое стекло, и лишь сейчас увидели мир вживую.

Молчание. Ни он ни она не знали с чего начать, да и надо ли. Анна полной грудью вдыхала холодный влажный воздух, рука покоилась на его руке, толстое сукно верхней одежды, едва ли было достаточным препятствием, чтобы тепло чувств передавалось от тела к телу. В этот восхитительный момент так тяжело было произнести хотя бы слово, язык точно налился свинцом, Анна несколько раз пыталась начать разговор, но вместо этого видела лишь молочный пар горя-

чего дыхания, срывающийся с трепещущих губ. Может словом она боялась спугнуть счастье, так похожее на лесную птичку, залетевшую по ошибке в сад, в пустой и одинокий до этого момента сад ее жизни. Все слова, что приходили в голову, казались такими незначительными и неважными, что и произносить то вслух, их не хотелось, а те слова, которые были бы верны и к месту, никак не находились, оттого что нет в мире столь же сильных и ярких слов, чтобы описать силу чувств. Так бы они и шли молча, словно лошади в одной упряжке, если бы Николай, наконец, не решился нарушить, затянувшееся молчание:

– Помните ли вы моего друга Анатоля, с которым я был при первой нашей встрече?

И хотя Анна с тех пор, как призналась самой себе в чувствах к Николаю, избегала этих воспоминаний, со свойственной незрелости пылкостью идеализируя объект своего обожания, и оттого отсекая любую мысль о его несовершенстве, все же ей ничего не оставалось, как сказать: – Да помню, – но тоном нарочито отстраненным и безразличным.

Николай остановился, посмотрел на Анну, и хотя губы его не улыбались, но в глазах стоял смех: – Полно, вам Анна Тимофеевна, неужели же мы всю свою жизнь будем избегать в разговорах того дня. Если бы я хранил и складировал все обиды с самого детства и до взрослых лет, которые мне нанесли сознательно или ненароком чужие или близкие люди, пожалуй, мне понадобился бы амбар для хранения величи-

ною с Екатерининский дворец, да и там, боюсь места оказалось бы мало.

– Кто же посмел вас так сильно обидеть? – удивленно спросила Анна.

– Имя им, Легион! – высокопарно и театрально заявил он. – Так оставим же эту тему, и вернемся к Анатолю.

– Вернемся к Анатолю, но тотчас же его оставим, а приступим к Николаю.

– Туше. Боюсь, в словесном поединке с вами, меня неизменно ждет проигрыш. Так что вы хотите знать о Николае?

– Коли уж вы вы намерены предаваться воспоминания, так давайте вернемся к воспоминаниям о том, что помнится в первую нашу встречу вы хотели стать писателем. Что стало с вашим занятием? Берете ли вы перо в руки, как прежде?

– Беру, но исключительно, чтобы поместить цифры в столбик. С исчезновением вас в моей жизни ушло и вдохновение, есть опасение, что муза приходит только к тем, кто чист душою.

– Если бы это было правдой, пожалуй, боюсь тогда, за всю историю человечества не написано было бы ни одной книги. Чистой душе сказать нечего. Чистая душа, будто чистый лист, от того и чист, что чернилами не запятнан.

– Как интересно вы Анна Тимофеевна рассуждаете, вот вы чистая душа, разве ж вам нечего сказать? Если бы вы могли, если бы вас слушали, если бы вас услышали.

– Боюсь в этом я в свою матушку, она хотя и человек не

глупый, но тихий и вкрадчивый.

– А если изложить все на бумагу. И говорить не придется. Ваш слог так богат и так самобытен. Жаль, что наслаждаться этим могу лишь я.

– Вы льстец и обманщик, – шутливо заявила Анна. – Вы не хуже меня знаете, где я и кто я. Не вселяйте в меня зерно бесплодных надежд, ежели я начну говорить, тотчас лишусь работы. Мнение свое говорить позволительно не всем, ох не всем, а ежели даже и позволительно кому, и он что-либо говорит, то, поди разбери, от сердца ли это, или он говорит то, чего от него ждут другие. Но вы так и не ответили, отчего сами бросили писательское ремесло.

– Я вам ответил, только иносказательно, но если хотите скажу напрямую, без прикрас, во мне нет ни таланта, ни полета фантазии, так необходимых писателю, во мне так мало чувств, я сух и схематичен, как таблица с цифрами. Чтобы писать, нужно летать, а я слишком твердо стою на ногах. Может и летал когда-то, да только разучился, – и постучав себя за плечами, – вроде бы где-то даже крылья были, да только оборвали, а перья, верно, на перину пошли, да и Бог с ними, больше толку будет, – с горечью сказал он.

– Тогда не печальтесь, твердо стоять на ногах не мало, да и не каждый фантазер становится писателем, – полушутливо, полусерьезно заметила Анна, пытаясь сгладить углы, острого вопроса. И хотя ей хотелось от него откровенности, намерений отпугнуть прямоотой не было. Не желая задевать более

его мужское самолюбие, тотчас перевела тему разговора, тем более, что они уже дошли до конца улицы.

Но он, будто не слушая, продолжил: – Я, знаете ли, Анна Тимофеевна, за эти годы очень изменился, – продолжил он. – Оглядываясь назад, на себя прошлого, вижу будто бы совсем другого человека, будто бы вовсе и не я это был. Я конечно же помню и свои мысли и чувства и поступки, но гляжу сейчас на те же предметы, да вот хоть возьмите это небо, небо то все тоже, ничуть не изменилось, а вот ощущения совсем другие, – и он перевел взгляд с неба, на ее глаза, темные и блестящие, отражающие облака, будто водная гладь. – Раньше было «НЕБО!» – и он восторженно поднял руки вверх, а теперь? «небо» – безвольно и безучастно опустил их вниз.

Дорога, как и прежде, уходила вверх по склону, но теперь, после дождя, не было и мысли подняться вверх. Пришлось остановиться в конце улицы, укрывшись от случайных прохожих под навесом заколоченного черного входа, едва ли когда-либо используемого и раньше, судя по бурьяну, которым рос вокруг.

Анна, прислонилась к двери, так что в спину врезался амбарный замок, но толи от усталости, толи от волнения, она совсем не почувствовала это, на нее напала такая слабость и головокружение, не было сил даже сдвинуться с места.

– И который вам нравится больше? Тот, что был вчера, или тот, что сейчас стоит передо мной? – спросила Анна.

– Определенно мне нравится тот что сейчас, нет ни те-

ни сомнений, он умнее, опытнее, он многое повидал и многое испытал, его не так легко обмануть, да он и сам кого хочешь обманет, – многозначительно сказал он, но Анна, сделала вид, что не заметила двусмысленности слов. – Но тот, что был раньше, он был счастливее. Мне не хватает того счастья, которое я испытывал раньше, оно было безгранично, и ничем не омрачено, ни мыслями о будущем, ни мыслями о прошлом, вернее не так, мысли о будущем были, но они были так далеки от реального будущего, казалось ты все можешь, тебе все по плечу, будто ты держишь на веревочке целое солнце.

– А что же потом?

А потом, ты понимаешь, что оно не ручное, что оно больше тебя, и сильнее, и не ты его держишь за веревочку, а оно дергает тебя за веревочки как марионетку в кукольном театре.

Анне стало невероятно горько, и хотя она старалась убедить себя, что это от сострадания и жалости к нему, к тому что он несчастен, истинная же причина была в том, что она понимала о каком счастье идет речь, так как она испытывала его именно сейчас, именно с ним, она держала это солнце в руках, и оно словно ручное плавилось в ее ладонях. Она не думала ни о прошлом, ни о будущем, ни о том кто она и откуда, где ее семья и дом, в ее мыслях был лишь он, и это чувство, было сродни тому, как солнечное сияние проникает сквозь нее, поглощая, пожирая ее, и вот тело и само превра-

щается в свет. Но способен ли «новый», сегодняшний он, на сильные и искренние чувства?

– Неужели же ничто не сможет сделать вас вновь счастливым? – с отчаянием спросила она. Этот вопрос, вырвался, будто вопреки ее воли, и она тотчас пожалела об этом. Уж слишком прозрачен и понятен был намек, в нем слышалась и тревога и страх, и даже скрытая мольба, которую он не мог не уловить в ее голосе, будучи человеком пронизательным.

Он наклонился над ней, будто намереваясь поцеловать, их дыхание слилось и перемешалось в густом влажном и холодном весеннем воздухе. Он смотрел на ее прелестные в своей неправильности черты лица, высокий лоб, темные как смородины глаза, крупные спелые губы, взором, словно лаская каждую черточку, запечатлевая и сохраняя в памяти каждую деталь. Завивающийся чуть влажный локон и накрахмаленный, но заметно потертый ворот пальто и нежный пушок на лице, и запах мела, свежих чернил, крахмала и чистоты – все это вызывало в нем самые высокие чувства и будоражило самые низменные инстинкты.

Анна же с трудом владела не только своими чувствами, но и телом, перед глазами все расплывалось, а твердая земля под ногами превратилась в сибирские топи. Словно молодая и наивная косуля она медленно тонула в их темных глубинах. С трудом контролируя дыхание, она закрыла глаза, ожидая и предвкушая, что последует за этим. Но ничего не случилось, открыв глаза, она увидела что он отошел на

добрые два метра и теперь всматривается куда то вдаль, толи пытаясь собраться с мыслями, толи напротив, пытаясь их от себя отогнать. Потом он резко повернулся, и как ни в чем не бывало, продолжил:

– А вы, вы Анна Тимофеевна? Изменились ли вы?

– Хотелось бы верить, что изменилась, но судя по тем же самым ошибкам, которые я с постоянством героя русских пословиц, совершаю вновь и вновь, боюсь, что нет, – резко ответила Анна. – Прошу меня простить, Николай Алексеевич, пожалуй, мне пора, боюсь, долгое отсутствие может вызвать подозрения. Верно и за весь год, у меня голова не болела столько, сколько за эту неделю, – и она виновато и вместе с тем грустно улыбнулась.

Он подошел ближе и с тревогой взял в руки ее холодную тонкую и узкую ладошку, пытаясь согреть в своих руках: – К досаде своей, я верно вас чем то обидел. Не отвечайте. Вы ни за что, не признаетесь в этом, как бы я вас не умолял. А знаете, я рад, что вы ничуть не изменились, ведь если бы вы изменились, то ни за что не дали бы мне второй шанс. Не простили бы былые прегрешения. Не были бы столь великодушны. Я прошу у вас прощения за прошлое, и за настоящее, а может и за будущее.

– Я вас давно простила, разве вы не помните. Не будем же больше поминать тот случай, все в прошлом, я зла не держу, даю вам слово, – мягко заметила Анна, и ласково положила вторую руку поверх его.

– Нет, я хочу попросить у вас прощения сейчас, – упрямо и сердито заявил он. – Я поступил дурно. Не бойтесь за мою гордость, мне право пойдет это на пользу. Во мне итак гордыни сверх меры. Я не люблю признавать свои ошибки, и по правде говоря, делаю это редко, даже наедине с собой. Но перед вами, я виноват.

– Полно вам, бичевать себя и посыпать голову пеплом, – порывисто накрыв ладонью его губы, как знак того, что слова не нужны, обеими руками она обхватила его за шею и крепко притянула к себе, осыпая короткими и любящими поцелуями, яростно нашептывая слова утешения и нежности: – Вы не хуже других, вы лучше, вы лучше чем все вокруг, вы чуткий, вы благородный, вы добрый, вы настоящий, вы сильный духом. Никто кроме вас не то чтобы не стал извиняться передо мной, никто бы даже не придавал значение тому событию, попросту забыл, стер из памяти, как если бы в тот день разбил фарфоровую чашку, пожалуй, и то событие было бы значимее. Вы так плохо себя знаете, вы лучше, чем вы думаете о себе, поверьте мне.

Наконец он перестал сопротивляться, словно устав грести против течения, лег на дно утлой, но крепкой лодочки, и дал нести себя бурному потоку чувств в неизвестность, находя в том удовольствие и утешение. Вынесет ли его на мель невредимым, или разобьет о скалы едва уже ли имело значение. Он забыл и про фабрику и про долги и про купца и про одинокое детство и лишенное души будущее. В тот миг лю-

бовь к ней стала для него и якорем и спасательным кругом.

Он вдруг радостно засмеялся, будто сбросив с себя груз сомнений. Выбор сделан, будь что будет, черт с этой фабрикой и с этим треклятым купцом. Никогда он еще не был так счастлив глядя впереди на свой финансовый крах. Никогда еще он не был так свободен. На что эти деньги, если тебе не с кем разделить счастья обладания ими.

– Слушая вас, Анна Тимофеевна, я и впрямь поверю, что не так дурен, как говорила мне моя матушка. Вы светлы душой, ваш взор ясен, может потому в таком грешнике как я вы разглядели что-то хорошее.

Он знал, что в силу наивности и чистоты она идеализирует его, идеализирует то первое чувство, которое овладело ей. Едва ли она любит его настоящего, ибо она едва ли знает его до той степени, чтобы полюбить. Да и Бог с ним. К чему ей эта правда. Впервые в жизни, он поверил, что может перестать быть тем человеком, каким он был, какой он есть и стать тем, кого видит в нем она. Стать лучше, стать чище, не потерять себя, а обрести.

Казалось, они простояли так целую вечность, не произнося ни слова больше. Все было сказано, их руки и губы размыкались лишь на секунду, чтобы вновь нежно сплестись. Дождь продолжал лить как из ведра, даже навес не спасал от влаги, которая просочилась под полы одежды. С нескрываемым сожалением, они разомкнули объятия, сладкий плен сменился горькой свободой.

Николай посмотрел в ее влажные темные глаза и осознал, что в этот самый миг он дал сам себе обязательства, которые более уже не имел права разорвать. Он не мог предать то восхищение, с которым Анна смотрела на него, если же он предаст, значит предаст сам себя.

Вместе возвращаться было опасно, однако из-за дождя, пришлось спешно разыскать брочку. Вот только она была в его сомкнутых объятиях, а вот уже исчезла, а промокший, сердитый и немногословный извозчик тронулся в путь, увозя ее прочь. В тот момент он был несчастен сверх той же меры, сколь и был счастлив.

К счастью дождь вновь прекратился, широким шагом он двинулся вверх по затопленной улице. Он был и рад и опечален остаться со своими мыслями наедине. Нельзя было сказать, что это он принял решение, скорее наоборот. Всю свою сознательную жизнь, он контролировал каждый поступок, каждое слово, шел, преследуя определенные цели, имея на эту жизнь четкий план, а также видение как достичь желаемого, и теперь будто стоял выкинутый мощным речным потоком и глядел на свою разбитую вдребезги лодку и не понимал, неужто он и впрямь был так наивен, что намеревался выйти на ней в открытое море жизни.

Он не принимал это решение, решение пришло само. Вот Анна, и она уже часть его жизни, хотел он того или нет, их судьбы навечно переплетены.

Его размышление прервал протяжный щенячий вой, он повернул голову и увидел ту же картину, что и несколько дней назад. Мокрый пес-подросток, посаженный на огромную, неподъёмную цепь сидел в затопленной из-за прохудившейся крыши будке и выл. Еще пару дней назад он видел, как несчастного привязали к его «новому дому». Пес не привыкшей к такой жизни, отчаянно пытался вырваться на волю, визжал и бесновался а то и попросту со всего размаха бился головой о стену, то разбегаясь, то ударяясь, то снова разбегаясь и снова глухой стук и протяжный жалобный вой. Николай хотя и не считал себя человеком чувствительным к разного рода человеческим страданиям, однако же был крайне нетерпим к страданиям животных. И теперь, видя как пес по глупости пытается скрыться от дождя в будке, которая не то что не справлялась с задачей, а скорее наоборот, напоминала больше наполненное водой корыто, он повинувшись сердечному порыву, который к его удивлению и крайнему неудовольствию стал посещать его слишком часто и в крайне неудобное время и место. Чертыхнувшись про себя, он решительным шагом ступил во двор полуразрушенного дома и захудалого двора, по чести сказать, выглядевшего немногим лучше будки пса. Нескошенная трава в человеческий рост, покосившийся забор, грязные старые полусгнившие доски крыльца – все это не внушало доверия, так что Николай, не решился подняться и постучать в дверь. Подойдя к мутному низко расположенному окну, будто вросшего

в землю как гриб, он попытался было разглядеть, сквозь короткие грязные шторы, если ли кто внутри. Однако в мутных, затянутых пылью окнах, едва ли можно было, что-то разглядеть, разве что стоящее на подоконнике странное комнатное растение, пустившее вдоль стекол словно корни свои уродливые изогнутые стебли, зловеще напоминающее щупальца морского чудовища.

Николай все больше злился на себя. На кой черт ему этот пес. И что с ним такое творится, будто запрягся в чужую телегу и потащил не свой воз. Что за странное наваждение. И словно ища поддержки вовне в минуту одолевших его сомнений, он повернулся и вновь посмотреть на пса. Пес с любопытством и немой надеждой взирал на него умными, карими и почти человеческими глазами.

Нет, по-другому он уже не мог. Стало быть, это он и есть. Стало быть, именно здесь, на краю России, он обрел не только любовь, но и себя. Он ободряюще кивнул псу и постучал костяшками пальцев в окно. Казалось, его никто не услышал или попросту никого не было дома, но что-то подсказывало Николаю, что скорее жильцы дома опасливо затихли и не рады непрошенным гостям, и он снова постучал, уже сильнее. После стука, кажется, он увидел едва уловимое движение в глубине дома, но точно он навряд ли мог сказать, окна были настолько мутными, что скорее напоминало бычий пузырь, нежели стекло.

Не выдержав, Николай крикнул: – Есть тут кто-нибудь?

Хозяин, выйди, разговор есть.

– Чего тебе?! Расшумелся тут! – рявкнул кто-то с крыльца. Николай был так поглощен тем, что происходило в окне, что даже не заметил, как входная дверь отворилась, а на крыльцо вышел чумазый бородатый мужик. Его отросшие немытые сальные волосы, торчали в разные стороны, придавая ему сходство с тем самым полудиким растением, что стояло в горшке на подоконнике этого странного грязного дома.

Быстро оглядев незваного гостя с ног до головы и оценив, дорогой столичный, сшитый по первой моде кафтан, смикитив, что перед ним состоятельный господин, он сразу будто обмяк, ссутулился, а его бородатое лицо приняло угодливо-подобострастное выражение лица.

– Эх, ваше сиятельство, вас и не заметил, совсем глух на одно ухо стал, не услышал вас, да и слеп на один глаз, – лукаво начал объяснять мужик, щурясь почему-то то правым то левым глазом, а грязную ладошку прикладывая попеременно для пушей убедительности к обоим ушам.

– Скорее это моя вина, не гоже людей посреди бела дня пугать, да в такой непогожий день беспокоить. Верно, ведь говорю, уважаемый?

– Верно, верно, ваше сиятельство, – охотно согласился мужик, недоверчиво глядя на хорошо одетого господина. И его манера говорить и даже тот факт, что такой видный барин постучался к нему, приводил его в замешательство, испуг, недоверие и радость и все это одновременно. Не выдержав

нестерпимого любопытства и тревожного ожидания, он первым спросил, словно извиняясь, почесав сальный затылок: – Ваше сиятельство, не сочтите за грубость, но чего же изволите, не томите?

– Ах, да, – словно забыв, зачем пришел и отчего ломился так бесцеремонно в окна к людям, неспешно растягивая фразы спросил: – Не отдадите ли, любезнейший, пса? Я с детства люблю охотиться, и вот матушка когда я был семи лет отроду, подарила мне собаку, аккурат неизвестной масти, точь в точь такого же окраса как ваш пес, тот пес конечно же давным-давно издох, но вот сейчас увидев его, нахлынули так сказать воспоминания, да и сезон охоты не за горами, планирую этой осень куропаток да рябчиков пострелять, словом, не отдадите ли мне пса? Конечно же, не даром, я заплачу.

Казалось еще немного и у мужика вот-вот глаза вылезут от удивления. Он переводил взгляд с хлыща, одетого с иголочки на беспородного нелепого дворового щенка, то снова на хлыща, ему понадобилось не меньше десяти минут, чтобы он наконец, понял смысл слов, произнесенных этим богатым но странным господином. Что ж, отчего бы не быть странным, когда так богат, ты пойдешь почуди когда за душой ни гроша, – завистливо подумал мужик. Однако как только смысл слов Николая дошел до него в полной мере, мысли как шестеренки закрутились в голове, одна за другой, выдавая идеи, как с богача содрать больше, чем тот желал потратить.

– Ну, пес и правда хорош, – важно заявил он, потирая бороду. А смекалистый какой! – с гордостью заявил мужик глядя на своего глуповатого пса, будто в первый раз. Щенок же, без зазрения совести, позоря хозяина и ни о чем не подозревая, изо всех сил гонялся за своим хвостом, пытаясь укусить его.

Николай глядя на все это театральное представление едва ли мог сдерживать улыбки, однако он уже порядком приторопил и настроения и дальше смотреть этот спектакль жадности и глупости у него не было.

– Так сколько хотите, – прервал он его.

Тот явно замешкался. Желание сорвать как можно больше с этого заносчивого франта боролось со страхом и вовсе потерять его предложение. Ведь в каждой подворотне найдется по такому глупому псу, а то, и не по одному, да и не по такому глупому. И он с недоверием посмотрел на щенка, будто пытаясь найти в нем то, что нашел в нем барин. Но увидел только нелепо длинные ноги да тощее туловище с непропорциональной головой и висячими ушами. Поди ж, разбери этих богачей, – снова заключил мужик, так и не поняв причину интереса барина.

– Так уж и быть, рубль, – наконец твердо заявил он и напряженно воззрился на Николая, будто пытаясь предугадать, составит ли тот по глупости конкуренцию псу и выложит такую сумму за никчемную собаку, либо попросту плюнет, развернется и уйдет.

Николай молча достал деньги и сунул в грязную руку мужика рубль. Тот не веря своему счастью, тотчас спрятал деньги вглубь жилета и побежал прямо по лужам отвязывать ничего не понимающего щенка, чья жизнь в этот мир круто изменилась, а он это и не подозревал.

Николай взял пса под мышку и наконец, внимательно посмотрел на свое приобретение, тот будто все понимая, сразу покорно обмяк в его руках, и не издав ни звука, покорился своей счастливой судьбе.

– Ваше благородия, вы же не спросили как его зовут.

– Ааа... не важно, – удаляясь, бросил через плечо Николай. – Теперь его зовут Счастливчик.

Мужик еще долго стоял посреди двора, толи не веря своему счастью, толи думая не прогадал ли он, и нельзя ли было выручить за этого пса, хотя бы на пол рубля больше.

До номеров, где остановился Георгий было рукой подать, так что изрядно продрогнув, второпях, и без того короткий путь, Николай преодолел за считанные минуты. Хотя, по чести сказать, от любого дома до другого в этом городе путь был не долгий, так как располагался он вдоль одной длинной улицы, во все остальные же районы, что теснились вдоль окраин, приличный человек и носа не совал. Подойдя ко входу, он накрыл ничего не понимающего щенка лапами пальто и с важным видом преисполненным высокомерия прошагал мимо консьержа и дворника, уныло подметающего в холле. Ес-

ли те и заподозрили неладное, то виду не подали, уж больно хорошо одет был барин и больно был важен его вид.

Номер Георгия находился в конце коридора, и с трудом найдя табличку 35, отчего то находившуюся между номерами 29 и 37, Николай постучался. В ответ раздался недовольный и сердитый голос:

– Да не нужен мне ей Богу ваш чай, оставьте это уже, право слово, я и прежний то не допил.

– Не знал друг мой, что ты чай так не любишь, – весело крикнул через дверь Николай.

Через минуту дверь резко отворилась, а на пороге стоял его взъерошенный и порядком уставший приказчик. Это был высокий и худой молодой мужчина с невероятно голубыми глубокими и томными глазами, его можно было бы назвать вполне привлекательным, если бы не излишняя худоба лица, узкий маленький подбородок и плотно сжатые уголки губ, отчего казалось, что он находится в дурном настроении постоянно. А может он и впрямь всегда находился не в духе. В общем, был он привлекателен, но раздражителен, зол и желчен.

– Не ждал тебя сегодня, ты мог бы меня не застать, но в этом городе оказия на оказии. А с этим чаем, тут право слово, наваждение какое то или одержимость, столько чая я и за всю жизнь не пил, ну да не важно, проходи, видно что-то опять стряслось, ежели ты вот так без предупреждения нагрязнул, – и жестом он предложил Николаю войти.

В комнате был невероятный хаос, тут и там были развешены предметы одежды, на рабочем столе кипы тетрадей, свертки, большие и малые клочки бумаги с неразборчивым подчерком, грязная посуда и много всяких мелочей, коим и применение то тяжело было найти. Вид самого Георгия, впрочем, был не лучше, измят, не мыт и одет в исподнее, к тому же имевшее порядком помятый и несвежий вид.

Словно прочитав его мысли, тот ответил, впрочем, без злобы и обиды: – Ну что ж Николая, не всем повезло остановиться в доме с удобствами, где бы за тобой приглядывали пять служанок. Кому то и по грязи ходить приходится, – и он взглядом посмотрел на свои голые и босые ноги.

Николай виновато улыбнулся и присев на корточки, из под полы пальто явил на свет щенка, тот впрочем, оказался куда менее воспитанным, чем его хозяин, и залихватски, будто у себя дома, никого не стесняясь, начал бегать по комнате и стаскивать ту одежду, которая по чистой случайности оказалась в опасной близости от пола.

– Ну уж нее-е-е-ет, – взмолился Георгий, мне и без этого работы достаточно, ты мой друг уж не тронулся ли рассудком, приехали за делом, а тут и барышня откуда не возьмись и пес дворовый. Следовало тебе меня предупредить, ежели ты благотворительностью решил заняться. Словом если ты намерен довести себя до разорения, тогда я скажу прямо, и без обвиняков, ты на верном пути.

Николай задумчиво посмотрел на друга, но не найдя, что

ответить, отвел взор.

Они были знакомы с университетских лет, так что знали друг друга давно и оттого почти не имели тайн между собой. Однако теперь, для Николая, отчего то стало трудно поведать ему то, что было у него на душе, будто Анна пролегла невидимой преградой между ним и Георгием навеки, а может виной тому не Анна, а он сам изменился за это время. Так что не найдя, что сказать, он просто промолчал.

С трудом поняв, куда можно присесть, не дожидаясь когда его пригласят, Николай устроился на краешке кровати, сам же Георгий сел на единственный свободный стул, впрочем, свободным его можно было назвать лишь формально, так как на спинке как на сушке, были развешены еще влажные брюки и рубашка.

Пододвинув к себе импровизированную пепельницу, Николай, достав портсигар и закурив, заговорил: – Полно тебе брюзжать, друг мой, ты едва ли годишься мне в папаша, – саркастично заметил он, – не далее, чем месяцев назад, я доставал тебя из передраги, но, как водится, в дружбе грехов не поминают, когда оба грешны, так что лучше скажи мне, как обстоят наши дела?

– Плохо, – резко без обиняков ответил тот. – Никто не продаст тебе шерсть в обход Кузнецова. Так что из всех возможных врагом ты нажил себе самого нежеланного. И хотя я сам еще с ним не знаком, но тех историй, что я услышал, мне с лихвой хватит, чтобы понять, что ты будто слепой идешь

по краю пропасти. И видит Бог, я не желаю, идти за тобой следом.

– А прииски? – безучастным тоном спросил Николай, глядя в окно, будто слова Георгия совсем не задели его и даже не заинтересовали.

Георгий хмыкнул и продолжил: – Вода, грязь, и снова вода и снова грязь. Того что там можно заработать, хватит лишь на бутылку водки, разве ты не видел, что город кишит «счастливыми» и «удачливыми» золотоискателями, – затем помолчав, продолжил: – Ты мне лучше скажи, неужто стоит она того?

Николай вновь ничего не ответил, да и как он мог объяснить. Они были так похожи и вместе с тем такие разные. Все что Николай делал в своей жизни, он делал по чести сказать убажывая свою гордыню и самолюбие, никогда за все годы он не был в нужде и по большей части получал все, что желал, тогда как Георгий вырос в крайней бедности и от того был зол, неутомим и неистов.

Георгий родился в дворянской семье, но проку в том было мало, кроме разве что образования, батюшка его все пропил, а что не успел пропить, проиграл, так что к моменту, когда скончался, простудившись на крещение, Георгий с сестрой и матушкой оказались в крайней нужде, а долги исчислялись сотнями. И теперь, наблюдая за ним, Николай был уверен, что в глубине души Георгий презирает его. Может он был и прав, только откуда другой может знать хитросплетения чу-

жой души. Оттого-то, Николаю и не хотелось ничего объяснять.

– А если и вовсе отказаться от шерсти? – спросил Николай, вновь делая вид, что не услышал сказанного.

– Ты верно шутишь? Ты лучше меня знаешь ответ. Впрочем... – зло продолжил Георгий, – даже при самом плохом раскладе, для тебя все обернется не так уж и плохо. Чего не скажешь обо мне.

Николай пытливо посмотрел на своего пока еще друга, а затем продолжил:

– Что ж, я что-нибудь решу. Не бери в голову. Завтра все как мы и планировали. Ты уж не подведи. А на счет вопросов о ней, ежели, ты еще желаешь считаться моим другом, то лучше оставь это. Я ее ни с тобой, ни с кем другим обсуждать не намерен. А ежели ты не готов примириться, то нам самое время разойтись, на этом самом месте, дабы из друзей не превратиться во врагом в будущем.

Георгий кивнул головой в знак того что все понял и сказал: – Не сердись, и забудем, не мое это дело, все устрою, как и обещал. Не думай о том.

Николай ушел.

Щенок вздрогнул от звука закрывшийся двери, затем тоскливо заскулил, он только начал привыкать к теплу нового хозяина, и вот опять остался один.

Георгий подошел как окну и закурил, он видел, как Николай вышел из гостиницы и направился вверх по улице. Сме-

шанные чувства царили в его душе, ему вспомнилось, как он первый раз познакомил Николая со своей семьей. Как его матушка, слепо и наивно сватала его сестрицу, не отличающуюся ни умом, ни красотой Николаю. Как тот улыбался и принимал в свой адрес расшаркивание матушки с высокомерным великодушием. И стыдливый румянец сестрицы, которой к тому времени исполнилось уже почти тридцать. Иевлев безусловно все понял сразу, но вида не подал, и был любезен и учтив и оттого Григорию вдвойне было тошно. Э-э-э-х, говорил же он матушке.

Вспомнил Георгий и то, как Николай выручил его, когда он, не совладав с азартом, единственным пороком и слабостью, которой был подвержен, попал в руки Петербургских жуликов и картежников не далее чем месяц назад. И свой постыдный позор.

Ему нравился Николай и своим умом и благородством и холодностью и спокойствием и вместе с тем в глубине души он понимал, что зависть разъедает и уничтожает то хорошее, что он испытывал к нему. Как легко быть добрым, когда ты красив, благороден и богат. Он посмотрел на дворового пса, опасно подкрадывающегося на тонких длинных лапах к его ноге, и тот напомнил ему его самого, мыкающего горе от будки к будке и нигде не находящему свое пристанище. По всей видимости, скоро им опять придется искать работу, Георгию было ясно как белый день, что этот корабль идет ко дну.

В тот день Степан Михайлович намеренно вернулся домой раньше обещанного. Те малые ростки подозрения, которые зародились в его душе еще на прошлой неделе, на днях стали крепнуть и прорасти подобно сорному выюну, отравляющему жизнь и приносящему хаос, в ухоженный и аккуратно подстриженный сад его жизни. Он давно привык получать что хочет, в этом провинциальном диком городишке, мало кто решался мериться с ним силой, словно хищник находящийся на вершине пищевой цепочки, у которого не осталось врагов не потому что он их не нашёл, а потому что враг подразумевает равную силу, а таких не было. Высокие чины он брал монетой и лестью, соперников в торговле хитростью, а мужика – нахрапистой силой и жестокостью. Здесь же он имел дело с человеком благородным и интеллигентным, а вот с этим сладить сложнее. Поди, разбери, что с этой интеллигенцией делать.

Он, словно паук, затаившийся в глубине паутины, ждал лишь, когда она попадет в его сети, единственным противником ему было время. И какая же ярость овладела им, когда он понял, что все труды пошли прахом и добычу увели прямо из под носа. То желание, которое мучило его уже несколько месяцев, теперь же больше напоминало нестерпимую горячку и жажду такой силы, будто он уже три дня без капли воды шел по пустыни. Все мысли ежечасно и ежеминутно, о чем бы он не думал, и чем бы ни был занят, возвращались к ней, словно наваждение, словно полчища мошкары в тайге в

июльский день и чем больше он старался избавиться от этих мыслей, тем больше они мучили его. Вот уже третий день он пил до той степени опьянения, пока еле стоял на ногах и едва ли мог самостоятельно снять сапоги. Однако же на утро, все возвращалось на круги своя. И чем больше он воделел ее, тем больше он ненавидел его. Обостренное чувство соперничества и желание иметь все самое лучшее, так развитое в нем с самого детства, теперь же приобрело форму одержимости. Когда-то, родившись в глубокой бедности пятым ребенком в семье безграмотных и диковатых крестьян, получивший ту жизнь, которую он имел сейчас не в дар, а в ожесточенной борьбе, теперь же взирая с высоты на которую он забрался, не мог, да и не желал пойти по иному пути, нежели как вступить в схватку, и удержать то, что он по праву считал своим силой.

Направляясь к себе в кабинет, в приоткрытую дверь учебной залы он увидел Анну. Она что-то оживленно объясняла девочкам, и все вроде бы было как обычно, но от его соколиного взгляда не укрылся ни выбившийся влажный локон волос вдоль шеи, ни напряженно выпрямленная спина, ни голос, звучащий неестественно звонко и даже нервозно. Он сжал кулаки, желая ворваться и хорошенько встряхнуть ее, однако решил не торопить события, набраться терпения, в конце концов, он ждал итак долго, подождет и еще чуток.

Едва он успел зайти в кабинет и сесть в кресло, как в незапертую дверь, словно вода между камнями просочилась Та-

тьяна. И легкий наклон головы и полусогнутая спина, и скрещенные кисти рук, все в ее позе выдавало подобострастие и крайнюю степень угодливости.

– Простите за беспокойство Ваше Степенство, вы давеча, про...

Купец раздраженно махнул рукой, прервав ее, явно давая понять, что сегодня он не в настроении, и любое общение будет сведено лишь к изложению тех вещей, которые он в данный момент считал для себя важными.

Уловив настроение хозяина, также безошибочно как до этого угадывала настроение Нины Терентьевны, Татьяна вновь подобно воде приняла ту форму, которую требовали обстоятельства.

Купец подозвал ее указательным пальцем, подойдя к нему поближе, Татьяна вся превратилась в слух.

– Что у нас, с тем делом?

– Все Ваше Степенство как в прошлый раз. Сказалась больной, отпросилась опять за лекарством, проследила за ней до Народного дома.

Купец опасливо посмотрел на нее.

– Нет, нет, барышня так занята была своими делами любовными, да и я была страсть как осторожна. В общем, дошла она до угла Народного дома, а там как водиться давеча ее ждал барин. Хотя они делали вид, что порознь, но знаете ли такие дела не скроешь, тем более от меня. Я такие дела за версту чую.

Толи от ярости, вызванной сценой, на миг промелькнувшей в его голове, толи от навязчивого запаха выпечки, чеснока и пота исходившего от прислуги, но разум его помутился, и с трудом преодолев приступ тошноты, он отстранился от нее.

Она хотела было добавить что-то еще, но он жестом остановил ее. – Довольно, – затем минуту подумав, спросил: – долго ли они пробыли там?

– Тяжело сказать Ваше степенство, дождь пошел такой силы, я постояла, постояла, да и не дождавшись ушла, стало быть, не торопились голубки расставаться, – ехидно заключила Татьяна.

Купец, что-то еще буркнул, сунул ей в ладонь монету и велел позвать Кузьму.

Как только все решится он непременно выставит вон Татьяну. И хотя он не раз использовал ее по тем или иным поручениям, ввиду их щекотливости, а она как никто другой подходила для их исполнения, однако чем больше он прибегал к ее услугам, тем большую неприязнь к ней питал, теперь же когда она принесла столь дурные вести и стала свидетелем его поражения, это чувство переросло в нечто большее, в чувство физического омерзения к этой изворотливой, нечистоплотной, туповатой, но хитрой девке.

Тем вечером за столом казалось, ничто не выдавало той драмы, которая разворачивалась за его пределами. Разговор

носил дежурный и формальный характер, говорили по большей части про погоду, тем более она и впрямь дала повод о себе поговорить.

– Я сегодня разговаривал с Прокопием Спиридоновичем, он у нас небесной канцелярии дел мастер, так вот что он сказал, может так статься, что ежели дожди не прекратятся к пятнице, то река, вполне вероятно, а скорее даже непременно разольется аккурат от речного порта до главной дороги. Так, что Николай Алексеевич поездку нашу на прииск придется ускорить, – заключил купец, как бы между делом, едва посмотрев в его сторону.

– Боюсь, Степан Михайлович, сие мероприятие вынужден буду отложить до следующего моего приезда к вам. Не далее как вчера прислали письмо, конечно же с опозданием, но не так, чтобы было уже слишком поздно. Так вот, мне надобно как можно скорее вернуться в Петербург. На фабрике, знаете ли, не разрешаемые без моего участия проблемы, да и я, порядком уже злоупотребил вашим гостеприимством. Тем более что о самом главном, мы уже пришли к согласию.

– Жаль, жаль, Николай Алексеевич, но вас прекрасно понимаю, хозяйство, дело такое, твердой рукою управлять надобно, хозяйской рукою то, – и он демонстративно сжал свою большую крепкую красную ручищу в кулак, да как треснет ей по столу, для пущего эффекта, так что тарелки с ложками зазвенели, а дамы схватились от испуга за сердце, – Вот так управлять надобно, – сказал он, обводя стол суровым взгля-

дом, затем продолжил, но уже куда более миролюбиво: — Так когда отъезжать надумали? — Впрочем этот тон никак не вязался с языком его жестов до этого.

— Хотелось бы завтра, но боюсь, мы не успеем с моим приказчиком, так что послезавтра, но послезавтра это крайний срок.

Анна, услышав, как развивается разговор, изо всех сил сдерживалась, чтобы не разрыдаться и не броситься вон из гостиной. А ведь сегодня при встрече он не сказал ей, что уезжает. Вот только сейчас они стояли, будто схороненные самой природой под завесой дождя, в мире, где не существовало никого кроме них двоих, и вот уже он покидает ее.

Это конец. Весь мир перестал существовать в тот миг для нее, будто огромной каменной плитой придавило сверху, когда не кричать, ни дышать, ни двигаться, не было ни сил, ни возможности. И хотя она знала, что этот финал неизбежен, какое может быть будущее у нее, провинциальной нищей гувернантки, не отличающейся ни красотой и ни благородством происхождения, с ним. Однако же знать о предстоящем трагическом финале, и переживать его здесь и сейчас, совсем разные вещи. Как ожидание смерти, следующее неотвратимо за каждым из нас с первой секунды жизни, не равно моменту смерти. И хотя проживая каждый день, мы готовимся к неизбежному трагическому финалу, в обозначенный час, все равно оказываемся застигнутыми врасплох, не ожидая, что он наступит так скоро, а мы насладились жиз-

нью так мало.

– Ну что ж, мы вполне все успеем, мой поверенный подготовит все бумаги, мы кое какие вещи еще обговорим, и как говориться, в добрый путь. За успех, Николай Алексеевич, за успех! – и он с улыбкой радостно поднял бокал.

Николай пытался уловить, не понял ли чего купец, не узнал ли о его любовных похождениях. Он пытался взглянуть-ся в эти холодные как стекло голубые глаза, но ничего не увидел, да и черт с ним, и черт с этими ребусами, скоро он уедет отсюда, получив контракт на поставку шерсти, заберет с собой Анну, и выпутается из этой щекотливой ситуации. От этой мысли ему стало и весело и благостно и хорошо на душе, и он почти избавился от чувства страха и тревоги, хотя скорее лишь запрятал их.

Наконец тягостный ужин подошел к концу, нельзя было не заметить, как рады были выйти поскорее из-за стола все его участники. И хотя обычно все оставались коротать вечер в гостиной, хозяйка дома за шитьем, а мужчины, закуривали сигары, неспешно и лениво после плотного ужина, перебрасываясь фразами, за стаканчиком отменного испанского хереса, сегодня же разбрелись по своим комнатам, каждый сам с собой переживать мысли и чувства.

Анна не помнила как добралась до своей спальни и не раздеваясь, рухнула на кровать. На нее нашло отчаяние и горе такой силы, когда даже плакать не представлялось возможным. О, она бы с удовольствием дала волю слезам, которые

солеными потоками смыли с ее души все горести, а потом вдоволь наплакавшись, уснула мертвым сном, а там и утро, а утро неизбежно прогонит все тени. Но нет, слезы не шли, лишь сердце с бешеной скоростью несло галопом словно тройка лошадей, пытаясь вырваться из тесной груди на волю. Она потеряла счет времени, лишь по ярко сверкающему и плывущему по черному небу со скоростью вечности Сириусу, было понятно, что прошло не меньше часа, как вдруг кто-то постучал несколько раз в дверь, тихо, но настойчиво.

Анна вздрогнула, медленно приходя в сознание из сковавшего ее горестного оцепенения.

– Кто здесь? – еле слышно спросила она, прислушиваясь к звукам, доносящимся из коридора.

Тишина.

– Кто здесь? – чуть громче спросила Анна. Страх пробежал по спине.

– Анна, откройте, это я, – услышала она голос Николая.

Сердце перевернулось в груди, и радость, вновь услышать его голос с легкостью потеснили злость и обиду.

– Что вам нужно? Ступайте к себе, – все еще сердито прошипела она.

– Не глумитесь же, меня здесь услышат или чего доброго увидят, откройте же, нам нужно поговорить.

Анну сбил с толку его сердитый голос. Как смел он сердиться на нее после того как решил оставить. Она подперла лбом холодную дверь, пытаясь остудить рассудок, правая

рука все еще лежала на ручке двери, она не могла решить-ся, стоит ли впускать его в спальню опять, а следовательно в свою жизнь. Что толку в еще одном разговоре, в еще одном прощании. Он неизбежно уедет, а ее неизбежно ждет самое грустная весна, а потом, лето, осень, зима и целая жизнь, когда словно в калейдоскопе времена года будут повторяться с неотвратимой последовательностью. И ее судьба в веренице дней, подле дурно воспитанных детей, либо выживших из ума старушек. Она конечно же, не примет предложение купца, а стало быть вся жизнь пройдет именно так. Так не проще ли здесь и сейчас смириться со своей судьбой, простить и отпустить его из своей жизни, не заставляя казниться его и не мучая себя.

– Анна? – испуганно прошептал он, за дверью, – вы здесь? – ну конечно она здесь, где ей быть еще, что за глупый вопрос, – отругал сам себя Николай.

Но вот, вопреки доводам рассудка, Анна повернула ручку вниз и отворила дверь. Николай от неожиданности с грохотом ввалился в комнату, едва устояв на ногах.

– Тише же! Вас услышат! – гневно прошипела Анна. Только сейчас, она поняла, что находясь во власти своих горестных чувств, даже не удосужилась зажечь свечу, мрак стоял по истине кромешный. Глаза начали привыкать к темноту, она на ощупь по памяти добралась до комода, где стояла свеча. Робкое пламя устремилось ввысь, освещая комнату, и хотя сияние от свечи было скудным, казалось и этого света

слишком много в тот миг, обнажая чувства, скрытые до того под покровом ночи.

– Если бы вы так долго не препятствовали, никакого шума бы и вовсе не было, – раздраженно заметил Николай.

– Зачем вы пришли? – сухо прервала его Анна.

– Да что с вами, вы будто разъяренная кошка, шипите, чуть не кусаетесь, не пускаете в дверь, хотя не меньше меня знаете, какой опасности подвергаете и меня и себя. Вы верно белены объелись? – едва сдерживая раздражение, спросил Николай.

– Увольте меня, не желаю слушать ваши нравоучения, вы мне не батюшка, не мой наниматель и уж тем более не мой благодетель говорите зачем пришли и уходите.

Посмотрев на нее с минуты, всматриваясь в плотно сжатые губы, и две глубокие морщины, которые пролегали между бровей, на ее осунувшийся вид и измятое платье, будто она легла прямо в нем на кровать, и на влажные огромные глаза, с пролегшими под них тенями. Он хотел было еще что-то спросить, но вдруг как будто понял причину и гнева и грусти.

– Голубка моя, – и он нежно обнял ее за плечи, ловя своим взором ее глаза.

Анна вопросительно и недоверчиво посмотрела на него, хотя и не стала вырываться из его рук.

– Ты понапрасну горевала, мы уезжаем завтра, не я, мы, – видя как удивленно округлились ее глаза он едва сдержал самодовольную улыбку, чувствуя себя не то что благодетелем,

а скорее рыцарем в до блеска начищенным доспехах, который вызволяет пленницу из башни злодея. Как же это приятно делать добрые дела и совершать благородные поступки, жить по чести. В этот момент он понял, что спасая ее, он спасает себя. Она бы и без него не пропала, никогда бы не свернула на дурную дорогу, не согласилась на бесчестье, какие бы тяготы и испытания не послала ей жизнь, ничто не запятнало бы ее души, тот свет, который жил в ней, не позволил бы ей озлобиться, ожесточиться, оставаясь неизменно великодушной и к сильному и к слабому и к богатому и к бедному. А вот как сложилась бы его судьба без нее, пожалуй, лучше не знать, может быть, он стал бы невероятно богат, но душою безмерно беден, в конце концов разочаровался бы в жизни, начал пить, кутить, а потом и вовсе бы пропал или свалился в пьяном угаре с лошади, как его батюшка, царствие ему небесное.

Как же это важно найти правильного человека, который бы вознес тебя на небеса, а не погубил тебя и не испепелил в огне порока души твоей.

– Собери вещи сегодня, завтра вечером мы должны тронуться в путь, как только я закончу дела свои. К тому моменту мой приказчик Георгий для нас все подготовит. Люди говорят, ясной погоды ждать бесполезно, так что дожди к концу недели размоют и без того дрянные сибирские дороги, а там недалеко и до того, что местная речушка из берегов выйдет, а я меньше всего хочу остаться в этом треклятом

городишке, подле этого тараканища, особенно как только он узнает, как я увел у него из под носа эдакое сокровище, – последнюю часть предложения, он конечно же вслух не сказал, а лишь подумал про себя, но пожалуй, это был главный аргумент их спешного отъезда, никакие размытые дороги не пугали его так, как гнев купца, он испытывал почти животный страх, но не за себя, а за нее, как только тот узнает о случившемся.

Анна слушала его затаив дыхание, от радости и страха перед неизведанным, будто кровь закипала под кожей, живот крутило, а голова шла кругом, будто она наелась забродивших после весны ягод. Он брал ее с собой и этого с лихвой хватило для счастья, тот факт, что он ни словом не обмолвился в качестве кого он везет ее в Петербург, ничуть не тревожил ее. То чувство, которое она испытывала к нему, было столь чисто и возвышенно, что не могло быть греховно, а стало быть остальное не имело значение. Однако мысль о батюшке и матушке, болью отразилась в сердце, и если для себя этот путь она не считала бесчестьем, то в их глазах, она неизбежно будет покрыта позором. Но вслух она эти мысли сказать не посмела, боясь спугнуть хрупкое и переменчивое счастье.

– Завтра, как только начнет смеркаться, я буду ждать в нашем месте, умоляю вас, не тащите с собой тысячу ненужных женских штучек, чем легче поклажа, тем лучше. Тем быстрее будут мчаться кони.

– Боюсь, вы меня путаете с изнеженными петербургскими барышнями. Я пунктуальна и собрана и могу обходиться в обычной жизни лишь самым необходимым, не хуже полевого солдата, – засмеялась она.

– Вот только, боюсь, путешествовать нам придется втроем, не уверен, что для вас данное обстоятельство будет удобным и комфортным, однако же, к сожалению этого попутчика нельзя никуда деть, – серьезно заявил он.

– О, я совсем не против присутствия вашего приказчика, ваш друг это мой друг, не тревожьтесь, меньше всего думайте о моем удобстве, если бы вы знали как я добиралась из своего родного города сюда, поверьте, даже путешествие на верблюдах по пустыне, пожалуй, и то комфортнее.

– Нет, нет, боюсь, вы ошибаетесь, это не Георгий, он решил здесь еще задержаться, и отправится следом дня через два, а то и позже, он человек, знаете ли, молодой, и не связан никакими обязательствами. Ну да не важно. Даю вам подсказки, этот попутчик чрезмерно шумлив, волосат, не воспитан, что и не мудрено, с учетом того, из каких он мест, и признаюсь честно, дурно пахнет, но это до поры до времени, приедем в поместье, надеюсь и с этим справимся. Тем более, что лучшей наставницы чем вы и не сыскать. Скольких невоспитанных отпрысков вы заставили сидеть чинно? Уж с этим то совладаете. Тем более сердце мне подсказывает, а добрее вас, замечу, моя голубка, я в своей жизни человека не встречал, в общем сердце мне подсказывает, он вам придет-

ся по нраву, –и подмигнув загадочно улыбнулся. Анна уже ничего не понимая, удивленно смотрела на него широко открытыми глазами.

– Не буду вас томить, наш попутчик это пес, – засмеялся Николай, – я и сам честно признаться не знаю, как впутался в эту авантюру. Теперь я счастливый хозяин несуразного щенка по кличке «Счастливчик», ну что за каламбур получился. В общем, ежели вы смогли полюбить меня, то без труда полюбите и его, – заключил он.

Сентиментальная история, любовь которая переполняла ее сердце, и его доброта, вызвали в ней непреодолимое желание плакать и смеяться одновременно, но не желая, чтобы он слишком часто видел такого рода женские слабости, Анна кинулась ему на грудь и нежно обняла за шею, застенчиво спрятав лицо в вороте сюртука. Он ласково погладил ее по голове и нежно поцеловал, прижав ее теснее, ощутив трепет ее гибкого девичьего тела, будто ивовая ветвь на ветру, – Голубка моя, ты словно малый птенчик, право я не знаю, как оставлять тебя хотя бы тебя на пару часов, с каждым разом расставание дается мне все тяжелее и тяжелее, но мне пора, осталось ждать совсем не много, и мы уедем отсюда. Не тревожься понапрасну. Завтра, на закате, у нашего места, я буду ждать тебя в бричке, но перед тем, зайдет Георгий, якобы забрать некую вещь, он даст тебе знак, после того выжди несколько минут, и тайком выбирайся отсюда, да будь осторожна, я уже не смогу сюда вернуться, Степан Михайлович

будет думать, что в городе уже и след мой простыл.

С этими словами, бесшумно закрыв за собою дверь, он исчез, словно утренний туман, вот минуту назад был здесь, а вот уже и нет его. Анна еще долго стояла, не шелохнувшись, с трудом возвращаясь к реальности, уж не привиделось ли ей все это.

В ту ночь она почти не сомкнула глаз, а если и проваливалась в сон, то он был чуткий и поверхностный, будто она погружалась с головою в воду, а через минуту вновь выныривала, с трудом различая границы сна и реальности. За окном по прежнему шел дождь, и если до сегодняшнего дня она мало о нем тревожилась, хотя он и доставлял ей некоторые неудобства, теперь же он стал ее заклятым врагом, мысль о том, что он может помешать ей уехать, крепко засела в голове, и теперь слушая как он барабанит по крыше, каждая капля, приземлявшаяся на землю, будто отдаляла ее от возлюбленного. Что, если, не уехав сегодня, завтра он и вовсе передумает. И хотя она видела в его глазах чувство, в котором нельзя ошибиться, все же прожитая жизнь, не баловавшая ее чудесами, привычка довольствоваться малым, сеяло сомнение в ее душе, достойна ли она быть героиней романа со счастливым концом. И бывает ли он, роман со счастливым концом?

Измучавшись от тревоги то погружающей ее в бессмысленные сновидения, больше похожие на иллюстрации самых страшных кошмаров, то возвращая к реальности, она бы-

ла даже рада, пробивающемся, сквозь стену дождя, рассвету. Необходимости мучиться в жесткой и неласковой постели исчезла, она с радостью подскочила, и быстро умывшись, принялась собирать свою дорожную сумку, тем более что в дневное время ей вряд ли бы представилась такая возможность.

Вещи были собраны и надежно спрятаны под кровать. И только сейчас Анна почувствовала навалившуюся на нее усталость, только сейчас она почувствовала, какой тяжелый груз, лег на ее хрупкие плечи. К счастью, до момента, когда пробуждался весь дом, было еще рано, дождь по прежнему то лил как из ведра, то мелко моросил по окнам и крыше. Сон вновь опутал ее сознание, делая тяжелыми руки, ноги и веки, она прилегла на краешек кровати и тотчас погрузилась в глубокое забытие.

Проснувшись, она с трудом пришла в себя, собирая сознание по осколкам, пытаясь понять, где она и который сейчас час. За окном было темно словно поздний вечер, но на часах было восемь утра, по-прежнему лил сильный дождь. Она проспала завтрак, но никто ее не разбудил, за дверью была непривычная тишина. Обычно в это время уже во всю по коридору сновали слуги, но сегодня не слышно было ни голосов, ни даже стука шагов. С замиранием сердца она выглянула в коридор – пусто. В гостиной – пусто, в комнате девочек – никого. Она почти бегом ринулась на кухню, откуда к счастью доносились привычный лязг столовых приборов и

звон посуды. Анна облегченно выдохнула. На кухне стояла Татьяна, хлопоча подле печи, где стоял чугунный котелок с наваристой кашей.

– Доброго утра тебе, Танюша, я обошла весь дом, ни Нины Терентьевны, ни девочек, никого, я сегодня ночью дурно спала, может оттого дольше обычного, отчего же никто не потрудился разбудить меня? Право слово, как же мне неудобно за такую оплошность, сердилась ли Нина Терентьевна, не застав меня в нужный час? – все это она произнесла скороговоркой, без конца запинаясь, и неловко теребя подол платья. Как же это скверно оправдываться перед Татьяной. Но ничего, недолго ей терпеть, сегодня она уедет отсюда, и никогда больше их не увидит, не надо будет каждую минуту следить за каждым своим словом, подлаживаться под каждого живущего в этом доме, исполняя капризы не только хозяев, но и терпеливо сносить дурное и несправедливое отношение прислуги, отчего то невзлюбившей ее.

– Анна Тимофеевна, не стоит вам и переживать, разве вам вчера не сказали, что Нина Терентьевна, собиралась сегодня уехать с дочерьми к своей давней подруги Авериной, они Их Степенство уже давно приглашали, да только сами знаете, купчихе все не досуг было. А сейчас как раз время выдалось.

– Сейчас? – недоумевающе переспросила Анна, глядя на косой дождь с ветром, который бил по окнам потоками воды, словно ветками.

– Конечно сейчас, так Аверины живут то через четыре до-

ма, а в такую погоду тоска, вот они и решили в пасьянс поиграть. Тем более мужчины обещали-с сегодня поздно, Степан Михайлович не велел к ужину накрывать, сказал, что после конторы они с Николаем Алексеевичем, намерены хорошенько отпраздновать, так сказать гостя в дорогу проводить.

– Завтра? – в замешательстве снова переспросила Анна, едва ли что-то понимая.

– Завтра, завтра, – лукаво ответила Танюшка, сомневаюсь я ей Богу, что после гульбы купеческой, Николай Алексеевич сможет не то что сидеть, даже лежать в бричке, – засмеялась та. Его к этой бричке привязывать придется, ей Богу, – и она весело рассмеялась, довольная своей, как ей показалось, удачной шуткой.

Анне, впрочем, шутка не пришлась по нраву, сбитая с толку она, кивнула головой и собиралась было уже вернуться к себе в комнату, но Татьяна окликнула ее: – Разве ж, вы не будете завтракать Анна Тимофеевна? – уж не брезгуете ли вы со мной на кухне позавтракать, или гувернантке негоже с деревенщиной необразованной за одним столом сидеть? – с вызовом спросила та.

И хотя именно в этот момент, меньше всего Анна желала разделять завтрак с ней, но сейчас она как никогда была не в силах бороться за место под солнцем, так что пришлось согласиться, и устроившись на краешке стола, будто капитулируя, понуро опустила голову. Нельзя было не уразуметь кто здесь хозяин, и по тому, как расположились фигуры дей-

ствующих лиц: вольготно чувствующая себя Татьяна, и Анна, будто сиротка, по милости господ, примостившаяся на краешке стола.

После завтрака, день тянулся целую вечность, Анна не знала, что и думать, и хотя ничего вроде бы не свидетельство о дурном, сердце ее было не спокойно, отсутствие купчихи, девочек, самоуверенное и дерзкое поведение Татьяны, все это заставляло ее волноваться. Интуиция подсказывала ей, что, что-то идет не так. Только ведь интуиция это ничто иное как дар, природы, наделивший женщину способностью в подсознании отмечать, собирать, запоминать и анализировать крупички, на первый взгляд неважной и ненужной информации, для того чтобы предсказать и предвосхитить будущее. Великий дар создателя, помогающий женщине сбереечь, самое дорогое, что есть у нее, жизнь и здоровье близких людей. Но что бы порой не подсказывала наша интуиция, не все находится в нашей власти, и подчас все, что остается нам в этой жизни – набраться терпения и ждать, уповая на лучшее.

Казалось, она застряла где-то между стрелками часов, вот секунды, секунды складываются в минуты, минуты в часы, должно было быть не меньше трех, а всего двенадцать, отчего же время не движется? После того как стрелки пробили час она узнала, что количество завитков в одном столби-

ке цветков на обоях равно шести, тогда как самих цветков семь. У подушки на диване не хватает кисточки, а в правом нижнем углу живет здоровенный черный паук, удивительно, как он там выжил, с учетом того что Татьяна, каждый день орудует тряпкой. Она так долго смотрела на большую фарфоровую тарелку на стене с изображением девушки у пруда, что по воде и впрямь начала расходится рябь, а девица вот-вот готова была встать и сойти с тарелки. Реальность стала нереальной, все было для нее знакомо, но никогда не было так чуждо. Будто душа отделилась от тела и теперь взирала с высоты, но то был сон...

Николай проснулся сегодня от счастья, можно ли проснуться от счастья спросите вы? Выходит можно. Он не видел ни пасмурной погоды за окном, ни дождя. Ей Богу, словно спятил, но как приятно спятил. Наскоро умывшись и как заправский лондонский денди, ловко завязав шейный платок, он чуть ли не бегом спустился в гостиную.

Последний раз он так бежал, пожалуй, в детстве, кое как дождавшись конца урока, где удушающе правильная гувернантка пыталась слепить из него, замахнувшись на лавры Создателя, человека по своему образу и подобию. Как же он хотел вырваться из того скучного класса, туда где поля и реки, холмы и равнины, на природу, бежать куда глаза глядят, наслаждаясь каждой минутой беззаботного счастья. Сегодня он вновь испытал это чувство свободы и полета, как в дет-

стве.

Степан Михайлович, уже ждал его в гостиной, но ни Нина Терентьевна, ни Анна еще не спускались. Может было еще слишком рано, он сбился со счета, который сейчас час, едва ли он даже удосужился посмотреть в своей комнате на часы. Да где же эти часы в этой сумасшедшей красной гостиной? – ругался про себя Николай, бесплодно шаря глазами по стенам. Но так и не найдя их, переключил свое внимание спускающегося к завтраку купца.

– Доброго вам утра, Степан Михайлович.

– Доброго, доброго, Николай Алексеевич, хотел вот позавтракать, да вот незадача, ничего не готово еще, что-то с печью говорят, но я то знаю, лентяи, не чистят ведь окаянные вовремя, только лишь опосля, когда уже поздно, но тут уж ничего не поделаешь, такая у них ментальность.

– Да я собственно и не голоден, как вы знаете, раньше начнем, раньше закончим, дорога мне предстоит длинная. Хотелось бы в путь по светлу отправиться.

– Конечно, конечно. Но как же я вас несолоно хлебавши то отправлю, как то это не по-русски, я Кузьме скажу, он нам из ресторации чего принесет, в конторе и позавтракаем, а за одним и пообедаем.

– Прекраснейшая идея, Степан Михайлович, – поддержал Николай.

Все вроде бы шло по плану. Стало быть, и нечего беспокоиться. Он вчера договорился обо всем с Георгием, словом

все было готово к отъезду. Бричка будет ждать в положенное время. Георгий в обусловленный час даст знак Анне. Ну и в путь, как говорится.

Однако стоило им выйти за порог дома, как все стало идти из рук вон плохо. Будто все сговорились в тот день тянуть время, извозчик ели-ели плелся, и хотя тому было объяснение, дождь размыл и без того ужасные дороги превратив их в черно-коричневое месиво грязи, тормозившее тяжелый ход и без того измученных лошадей. Все же даже в этих условиях повозка не могла двигаться настолько медленно, пожалуй, и пешком было бы быстрее. Вот только как это пешком, грязь по колено. По приезду череда неудач продолжилось, то не было писчей бумаги, то чернил, а когда наконец управляющий делами принес договор, Николай читая его, чуть не выронил его из рук от удивления.

– Позвольте же Степан Михайлович, ей Богу, тут кажется какая то ошибка. Мы ведь оговаривали общую сумму, за всю шерсть, дай Бог памяти, полторы тысячи рублей, я был согласен и вы не в обиде. Или я, Степан Михайлович ошибаюсь, поправьте меня ежели не так? А тут считай в два раза больше, целых три тысячи рублей. И это без учета извоза.

– Так то оно так, только ведь не все просто в этой жизни, Николай Алексеевич, жизнь, сами знаете, переменчива, а торговля тем более, торговля дело рискованное, сегодня зерно за пуд двадцать копеек, а завтра хоть мышам на корм отдавай задаром, а послезавтра опять в дефиците, и по руб-

лю не найдешь, в особливо засушливый али дождливый год и по два рубля.

– Позвольте же, Степан Михайлович, я конечно же это понимаю, но не могли же цены в ночь измениться, и потом то разница в цене за зерно. А эта разница так велика, будто разница между зерном и хлебом, или шерстью и шубой. Не могли цены так вырасти, прямо в ночь, не могли! – Николай судорожно соображал, он знал, что качественная шерсть в основном идет на экспорт, а занимаются этим две три купеческих семьи, являющиеся монополистами в регионе, и если он сейчас не согласится на предложенные условия, то все труды, которым он посвятил себя, мануфактура, станки, дом который, он заложил, земли которые он продал, пойдут прахом. В то же время, такими деньгами в данный момент он не располагал, следовательно и выбирать было не из чего. Право слово, какой же он Иван-Дурак, и что же ему теперь делать? Коня терять? Или Голову?

– Я мог бы продать еще дороже – продолжил купец, но из уважения к вам, к тому же я человек слова. Стало быть своих обязательств не нарушу, в общем три тысячи рублей за шерсть и сверх того за транспорт двести. Окончательное предложение мое Вам, Николай Алексеевич.

– То, что вы человек слова, я Степан Михайлович, уже убедился. Только вот боюсь мне вам предложить нечего, такими деньгами я в данный момент не располагаю, – процедил сквозь зубы Николай.

– Так разве ж это проблема, ежели только в том проблема, то не берите даже в голову, я выпишу вам вексель, какой суммой вы располагаете сейчас, словом какую сумму сверх вашей в векселе писать? Сколько вы хотите, чтобы я вам ссудил?

Николай чувствовал себя кроликом, которого ловкие охотничьи собаки загнали в нору и вот-вот готовы растерзать, только сейчас он понял как был наивен и глуп, и от того ему стало еще горше. Он то, думал, что понял жизнь, и вот, в этой дыре, его вокруг пальца обвел этот неотёсанный мужик с красным лицом. В тот миг он ненавидел себя, что был так слеп, в своем стремлении построить дело своей жизни в том месте и в той области, руководствуясь правилами игры в игре без правил. Теперь же идея, выпускать ткань, не хуже заграничной, казалось ему мальчишеской и незрелой. Он вдруг захотел опустить руки и сбежать отсюда, куда глаза глядят. Но то было мимолетное малодушие.

– Две тысячи, – коротко произнес он, голосом лишенным чувств и эмоций.

– Голубчик, – обратился купец к своему помощнику, – принесите все необходимое. – А тот словно уже и ждал со всем готовым, прямо за дверью. Так что все заняло не более пяти минут.

Словом, все документы были подписаны, купец чувствовал себя превосходно, паутина, которую он медленно, но терпеливо плел, была почти готова. Управляющий вчера вер-

нулся с добрыми вестями, все векселя и закладные Иевлева был выкуплены, так что вместе с последним, этот мальчишка был должен ему уже почти пятьдесят тысяч рублей. Ему и во век с такими долгами не расплатиться. Сегодня же, он вышвырнет его из города, ни с чем, и едва сдержав улыбку, исподлобья посмотрел на Николая, на его красивый профиль, на молодость и мужскую привлекательность, с завистью и сожалением, но с чувством превосходства, что с легкостью смог обвести вокруг пальца, этого вкрадчивого и интеллигентного мужчину. В этом деле ему не место, даже если бы ситуация не сложилась таким образом, и он не покусился бы на его интерес, маловероятно, что у него, что то бы получилось в будущем, не с таким характером, и не с такими представлениями о жизни.

– Ну что ж Николай Алексеевич, пожалуй, самое время отобедать или отужинать, час то поздний, припозднились мы, припозднились. Кузьма, вели подать лошадей, – не успел он это произнести, как тот уже выскочил из-за двери, будто был уже давно наготове и ждал команды. – Тем более, нам Николай Алексеевич, есть еще кое о чем поговорить. – Николай удивленно воззрился на него, в душе предчувствуя дурное.

– Ваше степенство, Кузьма на бричке, уже ждет вас.

– Вот и чудесно. Пойдемте, пойдемте, Николай, – и впервые не назвав его по имени и отчеству, он покровительственно и с чувством превосходства, похлопал Иевлева по плечу.

Выйдя из конторы, Степан Михайлович никак не мог найти глазами свою бричку. Бричка была новая и снабжена всеми удобствами, и оттого крайне неповоротливая и лишенная какого-либо маневра на дороге. А так как из-за дождей дороге развезло, извозчик смог остановиться лишь в пятистах метрах от выхода.

– Вот черт его дери, замочиться стало быть боится, лошадей видите ли он жалеет, а ног моих не жалеет, ну я ему . . . – разгневался купец, что ему пришлось идти в самую грязь. – Ну да ладно, может и к лучшему, такие дела за ужином может и обсуждать вредно, на пищеварение дурно влияет, поговорим пока идем, – продолжил Кузнецов, громко рассмеявшись, – тут вот какое дело, Николай Алексеевич, я вексель вам выписал, не имея сомнений в вашей платежеспособности, а вы, замечу, меня не остановили, так ведь? Так, – не дожидаясь ответа, заключил Кузнецов и тотчас снова продолжил: – Но вот что выясняется, мануфактуру вы купили отчасти в ссуду, да еще кое-кому, как я выяснил, должны были, словом, в общей сложности, векселей оказалось . . . дай Бог памяти, не напомниме, цифру, голубчик? – и он остановившись внимательно посмотрел на Николая, лицо которого стало мертвенно бледным и исказилось гримасой ужаса и презрения. Казалось, он едва стоит на ногах.

– Что . . . вы . . . хотите . . . сказать? – процедил сквозь зубы Николай, казалось слова, застревают где-то в гортани, и он с большим трудом, будто давясь своим бессилием, произносит

их.

– Да я, собственно говоря, все уже и сказал, должны вы мне, что и вовек не рассчитаться, а срок погашения платежей со дня на день наступает, так ведь? Та-а-а-ак, – довольно растягивая слова, продолжил купец, – можете и не утруждать себя ответом, но я человек великодушный, покамест, с вас их требовать не буду, только ведь сами знаете, ничто в жизни, голубчик не бывает даром, и у великодушия есть цена. Стало быть, и сейчас исключения не будет. Я хотя и кажусь на первый взгляд простоватым, да незатейливым, но то лишь на первый взгляд. Неужели же Вы думаете, я настолько слеп, что не увижу, как перед моим носом вы МОЕ забираете? Уверен вы понимаете к чему я веду, – и без обиняков, глядя прямо в глаза Николая он заявил: – Оставьте Анну, вот мое условие, и я не стану.... – но он не договорил фразу. Их разговор прервал стук копыт.

– Верно, этот дуралей, наконец, подъехал, – сказал купец оборачиваясь. Но вместо извозчика перед ними стояли два незнакомых наездника. И хотя оба были прилично одеты, шныряющий, цепкий и колючий взгляд выдавал их с головой, а также их недобрые намерения.

– Добрый вечер гос-с-с-с-спода, – произнес нараспев один из них, и спешился с лошади, – мы не местные, не можем найти улицу, Московскую, верно ведь, Московскую? – обратился он ко второму наезднику, будто позабыл и теперь уточняет?

– Московскую, Московскую, – подтвердил тот и следом поспешил слезть с лошади, а затем, придерживая ее за уздечку, встал рядом.

Купец перевел тяжелый взгляд с одного на другого, оценивая ситуацию и как только все понял, чуть попятился назад. – Так, вы на месте, это и есть Московская, – спокойно заявил он, хотя поза выдавала в нем высшую степень напряжения.

Николай тоже переводил взгляд с одного на другого, пытаясь понять, что происходит, чувствуя, что события разворачиваются по какому-то неведомому ему сценарию.

– Оп, кто бы мог подумать, стало быть мы на месте, выходит и нашли что искали, – и рыжий бандит достал револьвер, направляя дуло в сторону мужчин, – доставайте деньги, господа, да не горюйте, считай, проигрались в карты, уверен Вашему благородию не привыкать, – и он ткнул револьвером в грудь Николая, видимо посчитав его наиболее лакомой добычей.

Николай и без того потрясенный событиями сегодняшнего дня, раздосадованный и расстроенный, раздавленный и удрученный вероломством купца, его подлостью и осознанием того для чего он это сделал, неизбежным расставанием с Анной и чувством своей вины, вдруг в один момент прочувствовал собственную слабость и никчемность. Горечь поражения, собственная трусость и ничтожность, вдруг всколыхнулись в нем праведным гневом. Он схватился за дуло ре-

вольвера и попытался отвести его от себя, попутно толкнув бандита, а затем ударив его в челюсть. Удар был крепкий и верно рассчитан, отчего тот, не устояв на ногах, упал на колени прямо в грязь, только вот про второго налетчика он забыл. Тот, увидев, как разворачиваются события, не кинулся наутек, бросив все, а поспешил на помощь подельнику. В два шага преодолев расстояние между ним и происходившей дракой, он выхватил из-за пазухи нож и ударил им прямо в грудь Николая. Тот глухо застонал и с высоты своего роста рухнул в грязь на спину.

Купец же все это время, не принимая участия в драке, медленно, но верно отступал назад на безопасное расстояние, увидев же, как Николай рухнул сраженный ударом, в ужасе ринулся бежать наутек. В его спину посыпались пули, но как водится, дурного человека толи ангелы, толи демоны берегут, все мимо. Он хотел было крикнуть своему извозчику, позвать на помощь, но страх сковал его горло, так что он не в силах был произнести ни слова, не оборачиваясь он добежал до первого здания и спрятавшись за стеной, с трудом переводя дыхание, судорожно облизал губы. Ледяной пот лил градом вдоль спины под плотным меховым пальто, в горле пересохло, а в висках стучало.

Может прошла минута, а может час, в страхе он потерял счет времени, по цоканью копыт и глухим ударам нагайки купец понял, что бандиты скрылись. Что есть мочи он заорал: – Кузьма!!! – Спящий в одном квартале от разворачивающейся-

ся трагедии и потому ничего не видевший слуга, спросонья, выглянул из повозки, с трудом пытаясь понять кто кричит и что здесь происходит.

В его адрес посыпалась самая грязная и нецензурная брань, которую и в кабаках то не часто говорили. Испуганный Кузьма, чуть не падая на ходу, спросонья бежал на помощь, но слишком поздно: – Ваше степенство, не велите ругаться, ей Богу, на секунду уснул.

Купец лишь смачно сплюнул и побежал к лежавшему на мостовой Иевлеву. Николай упал навзничь и теперь с глухими стонами пытался встать, но едва ли это было ему по силам. Волосы его намокли и слиплись от грязи, весь сюртук был залит алой кровью, отчего понять, куда пришелся удар ножа, вряд ли было возможно.

Подбежав к нему, Кузнецов помешал бесплодным попыткам Николая встать на ноги, голову его он положил на свои колени, и почти отцовским жестом убрал волосы от лица. Тот снова глухо и жалобно застонал, глаза его были широко открыты, но едва ли он в полной мере понимал, что происходит.

– Гони сюда лошадей, дурак, – закричал он с отчаянием на извозчика.

– Ну что же ты наделал то, глупый, глупый, что же ты наделал, – горько повторял Степан Михайлович, вот только минуту назад он ненавидел этого мужчину, а сейчас, глядя как жизнь, понемногу покидает того, готов был отдать все, что-

бы ему помочь, и хотя он не был причастен к произошедшему, нестерпимое чувство вины, легло на сердце тяжелым крестом.

– Анна, – простонал тот.

– Будет, будет тебе Анна, молчи, молчи, слова силы отбирают. Держись, держись, голубчик, все будет хорошо, – утешал он Николая, словно ребенка.

Подъехал извозчик, и они, погрузив Николая в бричку, через самую грязь, едва разбирая дорогу, поскакали к дому.

Разбудил Анну тревожный стук копыт и скрип, подъезжающих к парадной, колес. Она тотчас подскочила с дивана, уснув в неудобной позе, с трудом разминала затекшие ноги и пальцы. Неужели Георгий подъехал, хотя было слишком рано, а может Нина Терентьевна вернулась с дочками раньше обещанного, или Степан Михайлович из конторы воротился. Не успев перебрать в голове все версии, как дверь с грохотом отворилась, будто ее со всей силой выбили ногой. Анна подпрыгнула от ужаса, со страхом обернувшись в сторону двери.

В гостиную едва держась на ногах, ввалился Степан Михайлович с Кузьмой, на руках они держали огромный сверток, с укутанным, словно младенец в меховое пальто человеком, тот был недвижим, не издавал ни звука и только острый профиль выдался поверх накидки.

Пошатываясь, невидящим взором, не обратив внимания

на Анну, Степан Михайлович со слугой, тяжелым шагом направились в ближайшую комнату.

– Тихон, беги за доктором, он как раз через два дома, скажи, чтобы пришел хоть в исподнем, время не терпит, а за констеблем отправь Егорку, скажи ему, тут все на месте объясним, долго сейчас рассказывать, что приключилось, – прокричал купец, на ходу.

Тихон, до этого, нервозно, теребивший шапку и переминавшийся с ноги на ногу, только услышав команду, тотчас скрылся за дверью в зловещей темноте улицы.

Анна, начиная приходить в себя и понимать, что происходит, кинулись за ним. В голове за долю секунды пронеслись тысячи мыслей, сердце гулко билось где-то у самого горла, стремясь вырваться наружу.

Увидев на кровати лежавшего Николая с запекшимися губами и полуоткрытыми глазами, она, обезумев, кинулась на купца словно дикая кошка: – Что вы с ним сделали? Это вы! Что вы с ним сделали мерзавец, она пыталась ударить его, но тот легко отмахивался от нее как от надоедливой мухи, наконец, рассвирепев, он толкнул ее что есть мочи, так что она отлетела к стене, будто тряпичная кукла и с грохотом приземлилась.

– Не трогал я его! – закричал он и окровавленными руками, достав из внутреннего кармана пачку смятых векселей, кинул их на пол, – Сам бы уехал твой Николай. Мне и трогать его надобности не было... в долгах он, хуже картежни-

ка последнего, полюбовник твой, – зло проскрежетал зубами купец.

Анна, немного отрезвев от горя, но по-прежнему ничего не понимая, подползла к Николаю. Боясь сделать ему больно, распеленала из мехового пальто бережно, будто матушка свое дитя. Он тихо застонал и открыл глаза.

– Голубка моя, – ласково прошептал он, попытавшись коснуться ее лица, но поморщившись, опустил руку, так что та безжизненно свесилась с края кровати.

– Тише, тише, ничего не говори, – умоляюще сказала она, прикоснувшись ласково пальцами к его губам, – не тревожься, я с тобой, я здесь.

Сюртук и рубашка были все в крови, но по его неудобной позе, и по тому как скованна правая рука, она поняла что рана находится справа, стало быть сердце вне опасности. Малая, но надежда.

– Дайте мне нож, чистую воду и ткань, –скомандовала Анна. Ловко разрезав рубашку, она увидела, как глубока была рана. И хотя кровь уже не сочилась из груди, слышно было как нелегко со свистом дышал Николай, а грудь тяжело вздымалась.

– Что случилось? – вопрошая, обернулась она к купцу.

– Бандиты напали, эх, – с горечью сказал купец, – молодой, не стоило ему вступать в борьбу, ну что за глупый, – сокрушался он, – поторопился, э-э-э-э-х, обождал бы, да пусть хотя бы и деньги взяли, но жизнь то оставили, э-э-э-э-х, глу-

пый, глупый.

За дверью раздались голоса, женские тревожные и сдержанные мужские, верно доктор приехал, подумала Анна с облегчением. Она хотя и знала от матушки как обрабатывать раны, но во врачебном деле смыслила мало, от того по-обывательски возлагала на врача неоправданно большие надежды.

Через минуту вошел доктор, это был щупленький старичок, с чемоданчиком, лицо его было испещрено морщинами, а глаза были добрые и блаженные, будто познавшие ту самую ускользающую от всех истину, впрочем, Анна не сразу поняла причину этого, пока по комнате не разнесся терпкий запах спиртного. В ужасе Анна посмотрела на него и почувствовала, как последняя надежда умирает на ее глазах. Уступив ему место подле кровати больного, она с тревогой шепотом спросила купца: – А нет ли другого врача? Этот верно пьян в стельку.

– Не бойся, ты не смотри что он пьян, он честно признаться, и трезв то не бывает, но дело свое знает, не хуже трезвого как стекло. Он работал в столице, но случились там некие события, о коих, я и сам честно признаться толком не знаю, в общем осужден он был, сюда сослан как каторжный, но как срок его вышел, он возвращаться не стал, да здесь и остался. Но дело он свое знает, не тревожься, уж если кто и поможет, то только он.

Вдруг доктор, словно услышав, что о нем говорят, выгля-

нул из комнаты больного и спросил: – Кто поможет сделать перевязку?

Анна стремглав бросилась на помощь. С большим трудом им удалось перебинтовать рану. При каждом движении Николай глухо стонал и хотя был в сознании, глаза его были плотно закрыты, а сам он молчал. Ни бранного слова, ни жалобы, только стон, тихий безнадежный стон.

Проинструктировав, что и в какое время давать больному и как часто менять повязку, он знаком пригласил ее выйти.

В коридоре уже толпился народ, тут и Нина Терентьевна подросла и прислуга выглядывала из коридора и девочки, которым строго настрого велели идти спать, стояли поблизости, и приказчик Николая – Григорий. Глаза его были печальны, и едва сдерживали крупные мужские слезы.

– Рано глубокая, – начал доктор, – боюсь, до утра не доживет, зовите лучше батюшку, от меня проку тут мало, – с этими словами, понутив голову, он развернулся, горько сгорбился под тяжестью дурных вестей, вестником которых он был поневоле, и незаметно ушел.

В комнате умирающего было тяжело и мрачно, казалось время здесь остановилось, Николай, лежал с закрытыми глазами, но не спал. Скользнув к постели, опустившись на колени Анна прильнула щекой к его холодной и влажной руке, и тихие слезы отчаяния и бессилия наконец вырвались на свободу, то были слезы безмолвия.

Николай словно очнулся, и зашевелил рукой, неловко погладив ее по лицу. Она прильнула губами к его ладошке, вложив в этот поцелуй все те чувства, которые испытывала, но не могла выразить словами.

– Поплачь, поплачь голубка, от слез тебе станет легче.

– Как же ты можешь думать сейчас обо мне, всхлипывая, прошептала она, я здесь, со мной ведь ничего не случилось. Плачу я или нет, какой в этом прок, неужели же ты думаешь, мне горше, чем тебе, что есть мои сентиментальные страдания, перед твоими, истинными.

– Значит, дела мои плохи, – заключил он спокойно, как будто что-то само собой разумеющееся.

– Нет, что ты, не то я хотела сказать, глупая я глупая, ты выкарабкаешься, с тобой будет все хорошо. Обещаю, я здесь, я с тобой, я не дам тебе уйти, и она вцепилась руками в его ладонь, будто бы спасая его от падения в черную бездну.

– Ну же, не бойся, голубка моя, ласково погладил он ее по ладони. Нет нужды лгать, я и сам все чувствую. Помогите ка мне лучше лечь немного повыше. Вот так, верно, вот так удобнее, – каждое слово давалось ему с большим трудом, после сказанного он снова зашелся кашлем, так что пришлось с минуту помолчать, пытаясь с ним справиться.

– Смерть неотвратима, смерть неизбежна в этой жизни моя голубка, неужели ты думаешь, нам было бы легче расставаться через тридцать или сорок лет, проведенных вместе? Случилось это сейчас, или случись через много зим,

едва ли было бы легче, – он вновь замолчал, справляясь с кашлем, – Даже самая счастливая история любовь неизбежно имеет несчастный финал. Финал, голубка моя, он потому и финал, что не бывает счастливым.

– Не говори так, это моя вина, – рыдала Анна, – если бы не я, может ничего бы этого не случилось.

Он с трудом поднял руку и ладонью провел по ее лицу, пытаясь, толи утешить толи запомнить ее образ, – Боюсь, это было predetermined много лет назад, в тот миг, когда я встретил тебя с этими нелепыми кудряшками. Ни ты, ни я, ничего в нашей судьбе не решаем, так случилось, стало быть, так должно было случиться, а теперь ступай, пусть поторопят священника и позови ка Степан Михайловича, мне надобно кое о чем с ним потолковать.

– Но...

– Не возражай, и обещай исполнить мою последнюю просьбу, верно и в самом незавидном положении существуют добрые моменты, – попытался пошутить Николай, но улыбка лишь скривила его губы.

То было венчание со вкусом траура. От огня свечей и запаха лекарства, в комнате было душно и дурно, а лица присутствующих будто восковые. Не только Николай, но и Анна едва ли осознавали происходящее в полной мере. От бессилия ей хотелось кричать, рыдать, бесноваться и неистово кататься по полу, но вместо этого она сидела будто окаменев-

шая, с застывшими в глазах слезами.

– Обручается раб Божий, Николай рабе Божией Анне во имя отца, и сына, и Святого Духа...

На миг ей стало дурно от страха, словно щупальца вечной пустоты тянулись и к ней, собираясь забрать с собой. Но это ведь был он, ее Николай, и даже находясь на пороге смерти, он оттеснит ее от темноты пусть и ценою жизни, и она поднесла к губам его руку, так что холодный металл обручально-го кольца, почти обжег ее горячие губы.

Таинство было окончено. Они вновь остались одни.

– Хочу, чтобы ты не считала связанной себя какими либо обязательствами или узами со мной, с живым или умершим. Я так поступил, лишь только для того, чтобы ты смогла получить мое наследство, и хотя ты заслуживаешь большего, боюсь, все же то малое, что я могу тебе отдать, лучше, чем ничего. И если уж я не могу подарить тебе любовь, я хотел бы подарить тебе свободу. Может не сейчас, но через годы ты поймешь, свобода лучше любви, свобода важнее любви.

Анна хотела возразить, поспорить, уверить его, что это не так, что она будет вечно любить его, но какой в том прок. Разве слова важны. Все что она может сделать для него, это не покидать ни на секунду, быть с ним до самого конца, пока плоть не остыла, а грудь вздымается дыша.

Больше им сказать друг другу было нечего. К утру, как и сказал доктор, его не стало.

Три дня прошло с похорон. Только сейчас Анна пришла в себя, ровно настолько, чтобы хватило сил отправиться в путь. За эти дни она так много приобрела и так много потеряла. Багаж с вещами был по-прежнему так мал, что хватило лишь одной дорожной сумки. Багаж опыта же стал так велик, что едва умещался в ее голове.

Прощаться было просто и вместе с тем сложно, в жизни даже к дурному привыкаешь. Анна, будто заключенный, собирая вещи и выходя на свободу или больной, выписываясь из лазарета, с грустью обернулась в след, стараясь запечатлеть и сохранить в памяти то место где было столько бед и вместе с тем самых важных открытий жизни, к коим бы она никогда не пришла, если бы судьба была к ней благосклонной.

Словом, Анна была рада свободе и в равной степени огорчена, расставаясь с местом и людьми, навеки поменявшими ход ее жизни. Впрочем, события той ночи изменили не только ее, но и других. Будто это была именно та драматическая развязка, которая была необходима, ибо своей грандиозностью и трагизмом отрезвила, а за одним и успокоила всех.

Наконец экипаж тронулся. Фигура Степан Михайловича, Нины Терентьевны, воспитанниц, прислуги стоящей поодаль, становились все меньше и меньше, пока совсем не исчезли. Она последний раз еще раз помахала им вслед, глубоко вздохнула и отвернулась. Последняя страница этой книги была перевернута и возвращаться, пусть даже в воспоминаниях,

наниях, не имело смысла. Впрочем, к воспоминаниям стоит возвращаться только если они несут в себе добро, с дурными же, следует поступать так как они того заслуживают, оставить, стереть и не воскрешать, как бы ни был велик соблазн поступить иначе, дабы не отравить свою душу ядом сожалений. Ибо как бы ты не поступил тогда, с прожитыми годами, тебе будет казаться, что ты сделал не то и не так. Вряд ли, возможно идти вперед, без конца оборачиваясь назад.

Ровный стук колес увозил ее в новую жизнь, подле сидел притихший пес, «Счастливчик», напротив – приказчик Николая, Георгий, старательно избегавший встретиться с ней взглядом, впрочем, она была не против. В его холодных голубых глазах все эти дни читалась горечь и немой укор. В бричке стояла тишина, тогда как в городе царила непривычная суета. Дорога шла мимо причала, где и в обычные дни было многолюдно и шумно, но сейчас тревожный гул и шум стояли такие, что едва можно было расслышать даже свой голос.

– Что здесь случилось? – спросила Анна.

Георгий будто очнулся и посмотрел на нее, – Разве вы не знаете, мы как раз вчера обсуждали это?

– Нет, я ничего не слышала.

– Что ж, не мудрено, вам, верно, было не до того, знаете ли, дожди были такие, что все местные речушки в верховье вышли из берегов, там же подтопило несколько деревенок и постоянных дворов, но и этого ей оказалось мало, скоро

большая вода и сюда дойдет, люди спешно покидают район причала, спасают что могут. Хотя... сомневаюсь, чтобы у них было что спасать, – сказал он, обводя глазами царящую вокруг бедность.

Анна только сейчас обрела способность видеть и слышать чужое горе, до той степени ее собственное заполнило все ее мысли. Воистину человек в горе и глух и слеп.

Анна увидела и затопленные кусты черемухи на болоте, только набравшие цвет, и оттого тяжелыми гроздьями свисающие над черной бурлящей рекой.

Лесопилка и скотобойня, находившиеся ближе всего к реке, уже были затоплены, рядом стояла толпа любопытствующих зевак, состоящих в основном из голодранцев, промышлявших по обыкновению на причале в поисках легкого заработка, а теперь замороженных, несущимися потоками тяжелой мутной и грязной воды.

Переселенцы, живущие в обветшалых деревянных бараках, вновь вынуждены были держа в руках свой убогий скарб сорваться с места и искать новый кров.

Через несколько часов вся низина и причал и хибары и эти гроздья черемухи на болоте все будет сметено водой и затоплено. А люди, будто муравьи из разоренного дома, вновь двинуться в поисках новой, и как они надеяться лучшей жизни.

Смотря на всю эту суету жизни, перед глазами Анны возникла одинокая могилка Николая, в тени гибких ветвей вислой плакучей березы, мирно покачивающийся от легкого ду-

новения ветра, будто убаюкивая и оберегая вечный сон. Сон, который видят только березы.

Эпилог

Всего лишь через несколько лет не станет Империи, в которой разворачивалась представшая перед читателем история любви. И как тогда, бурлящей быстринной темных и опасных вод сотни тысяч людей будут сметены революцией. Лишь единицы вынесет на берег невредимыми и нетронутыми.

Что касается судьбы героев, по большей части участь их оказалась незавидна. Степан Михайлович Кузнецов с женой и дочерьми, вопреки своему звериному чутью, самонадеянно упустил тот день и тот час, когда еще можно было спастись. В марте 1920 года с семьей по поддельным документам в повозке со скотом, пытаясь выбраться из захваченного большевиками города в Харбин, был раскрыт, схвачен и арестован. И в июне 1920 года после всех бесчинств, сотворенных с ним людьми, тихо скончался в полном одиночестве на узенькой кровати тюремной больницы города Н-ск, аккурат, с окнами, выходившими на парадный вход его особняка, где он прожил так мало и так много, где был горестен и счастлив попеременно.

Нина Терентьевна, лишенная статуса, денег, дома, истерзанная и сломленная скиталась по улицам города до осени,

а с первыми заморозками, когда последние лебеди улетели на юг, ее не стало.

Татьяну же наоборот ждало прекрасное будущее, став к двадцати девяти годам председателем комбеда, добилась тех высот о коих и мечтать при царском режиме не смела.

Что касается судьбы Анны, то одни говорят, что после революции она так и осталась в Петербурге и до самой своей смерти преподавала безупречный французский, другие же утверждают, что видели, как она села на паром с билетом в один конец и со всеми другими страждущими, лишившимися в одночасье и Родины и прошлого, отплыла не то в Америку, не то во Францию, сие обстоятельство доподлинно неизвестно.